

АЛЕКСАНДР
АФАНАСЬЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВРЕМЯ ИМПЕРИИ

Бремя империи

Александр Афанасьев

Бремя империи

«ЭКСМО»

2010

Афанасьев А. Н.

Бремя империи / А. Н. Афанасьев — «Эксмо», 2010 — (Бремя империи)

Начало девяностых годов двадцатого века. Российская Империя, раскинувшаяся от Северного Ледовитого океана до Средиземного моря, подвергается нападению исламских фундаменталистов, одним из главарей которых является Осама Бен Ладен. Имперские спецслужбы принимают решение ответить террором на террор, только в отличие от мусульманских фанатиков их цель – не мирное население, а главари бандформирований. Неожиданно для самих себя два русских флотских офицера, Александр Воронцов и Али Халеми, получают задание ликвидировать Бен Ладена. Но как это сделать, когда знаменитого террориста готова укрыть от возмездия любая мечеть? Офицеры находят нетривиальное решение. Ведь иногда для того, чтобы спасти Родину, нужно ее предать...

© Афанасьев А. Н., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Часть первая	5
Средиземное море, траверза Бейрута	5
Ударный авианосец «Цесаревич Николай»	14
Десантный корабль «Адмирал Колчак»	16
Десантный корабль «Адмирал Колчак»	18
Царское Село	19
Средиземное море	21
Десантный корабль «Адмирал Колчак»	23
Боевая тревога...	24
Бейрут, госпиталь ВМФ	26
Бейрут, крепость Бофор	31
Бейрут, бульвар Корниш	35
Бейрут, улица эль-Мутанаби	37
Шотландия, замок Балморал	45
Санкт-Петербург, Большая Морская	52
Бейрут	58
Старый аэропорт Бейрута	59
Бульвар Кайзера Вильгельма	61
Бейрут, улица эль-Мутанаби	66
Бейрут, бульвар Императора Михаила	68
Бейрут, бульвар Корниш	72
Бейрут, район Санайех	74
Бейрут, район Борж эль-Бражнех	77
Бейрут, Британский селтльмент	79
Бейрут, район Борж эль-Бражнех	82
Бейрут, мечеть	84
Бейрут, улица эль-Мутанаби	86
Бейрут, квартал Метн	89
Бейрут, район Шия	90
Мар-Мусса	94
Маания	98
Дорога на Саадият	102
Бейрут, район Борж эль-Бражнех	104
Средиземное море, траверз Бейрута	105
Бейрут, район Борж эль-Бражнех	107
Бейрут, район Тайонех	110
Бейрут, район Санайех	112
Бейрут, британское консульство	115
Российская империя	119
Долина Бекаа	122
Бейрут, улица эль-Мутанаби	125
Бейрут, район Шия	128
Средиземное море, траверз Бейрута	131
Бейрут, район Шия	132
Высший уровень	138
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Александр Афанасьев

Бремя империи

Часть первая

Автор выражает огромную благодарность ресурсу zhurnal.lib.ru, лично Максиму Мошкову и всем моим читателям. Без них это произведение не было бы написано.

Смертью никто не волен распоряжаться. Но если кто-нибудь станет угрожать твоей Отчизне, жизни твоей матери, сестры или женщины, которую тебе отдали на попечение – то стреляй тому в лоб, не рассуждая, и не мучайся из-за этого никакими угрызениями совести.
Генрик Сенкевич

Средиземное море, траверза Бейрута Ударный авианосец «Цесаревич Николай» 20 мая 1992 года

Господи, неужели сейчас этот полет закончится? Никакая качка на море не сравнится с вибрирующим мелкой дрожью полом вертолета Сикорского и ревом турбин над головой. Аж зубы ноют.

Давайте познакомимся, раз уж пока находимся в полете и делать особо нечего. Князь Александр Воронцов, двадцати семи лет от роду, извольте любить и жаловать. Лейтенант флота Его Императорского Величества, выпускник Санкт-Петербургского нахимовского морского корпуса. Слава Богу, не женат, хотя пользуюсь успехом у дам, рост метр восемьдесят два, волосы русые, глаза светло-голубые. И совершенно пустая голова – так изволили выразиться grandpapa, с которым мы недолго виделись в императорском яхт-клубе перед моим отлетом...

Как я умудрился сюда попасть... То грустная история, господа. Но раз уж вы никуда не торопитесь...

Еще три дня назад я был в Санкт-Петербурге... Балы, красавицы, лакеи, юнкера... Цесаревич Николай, в честь которого и назван флагман ударной авианосной группы, на который я сейчас лечу, – мой старый дружок еще с шести лет, с наших игр в Константинополе, в Одессе, в Севастополе и по сей день. Вместе мы, конечно, много чего... отчудили.

И вот – здравствуйте... Самолет военно-транспортной авиации до Константинополя, затем транспортный вертолет – до авианосца. Впрочем, с цесаревичем Его Величество церемонились еще меньше – сразу отправили обратно в Туркестан, в летний лагерь десантников, где они проходили горнострелковую подготовку. Все правильно: цесаревич Николай учился в кадетском корпусе Его Императорского Величества, который выпускал пополнение для десанта – вот его в десант и загнали. А я учился в нахимовском. Значит – в Средиземноморскую эскадру Черноморского флота, которой командовал мой дед до того, как перейти в Адмиралтейство, и где спокойно никогда не было. И надеяться, что дедушка телефонирует командующему эскадрой адмиралу Нетесову, не стоит. Верней, телефонирует-то он телефонирует, к гадалке не ходи – но только для того, чтобы приказать гонять меня, своего внука, в хвост и в гриву. Своего деда, адмирала Воронцова, я знаю и никаких надежд на его заступничество не питаю...

А как все хорошо начиналось... Бал в Царском Селе по случаю переезда¹ закончился в час ночи, но молодежь решила продолжить вечеринку. Молодежь – это цесаревич Николай, великая княжна Ксения, взаимности которой я безуспешно добивался который год, ваш покорный слуга собственной персоной и князь Владимир Голицын – закадычный друг цесаревича еще по кадетскому корпусу. Решили поехать в столицу, развеяться – в Царском Селе молодежных развлечений было немного, ЕИВ² держали все в строгости...

И ведь говорил Николаю – не брать «Руссо-Балт» из гаража ЕИВ, найти другую машину, не такую приметную...

От полиции мы ушли – красиво, как в синемафотографе. Хоть и натворили дел, но я, как самый трезвый из всех после получасовой гонки по проходным дворам центра Питера, стрянул полицейских, выбрался из города. Только машину, несмотря на ночь, опознали – и у ворот дворца нас уже ожидал дворцовый комендант, генерал свиты ЕИВ Михаил Павлович Лопухин. И Государь Император Александр Пятый, в наспех наброшенном на плечи казачьем кителе....

Для справедливости надо сказать – цесаревичу попало больше всех. Он и так находился на испытательном сроке после того, что произошло в Рождество – прощения у государя он вымолил чуть ли не на коленях. Тогда Его Императорское Величество смилостивились – сейчас же никаких милостей ждать не приходилось...

Суд по всему свершившемуся был скорый, не сказать что праведный. На следующий же день цесаревич отправился в Туркестан, в десант. Володю Голицына отправили в Месопотамию, в Багдад, на базу особой группы казачьей стражи, выполнявшей там функции миротворцев при генерал-губернаторе Месопотамии. Ну а меня – как уже было сказано – в Средиземноморскую эскадру Черноморского флота³...

Для того чтобы было понятнее, немного расскажу про то место, где мне предстоит служить. По Берлинскому мирному договору Российской империи досталась практически вся территория бывшей Османской империи. В Германии и Австро-Венгрии люди сидели умные, но о том, какие на самом деле запасы нефти скрывает этот регион, тогда и знать не знали и о будущем экономическом значении нефти – тоже не ведали. Тогда ведь еще и танков-то как таковых не было – была кавалерия и застревающие на каждом шагу неуклюжие железные повозки с пушками, горящие как факел от снаряда любой полевой пушки. Вот и отдали России то, чего не нужно было самим – нищие, разваленные за время владычества османцев окраины, в которые деньги – валить и валить. Возьми, Боже, что нам негоже, щедрой рукой отдаем. Возможно, рассчитывали, что мы надорвемся, что нас подточит война на Территориях. Потом, когда поняли, спохватились – да поздно. Не воевать же, в конце концов, с союзниками...

Административно-политическое устройство этого региона установлено было еще Государем Императором Николаем Вторым. Собственно, к Российской империи относились только сам Константинополь – зимняя столица Империи и резиденция русских монархов, проливы и узкая полоска земли по побережью. Всему остальному была предоставлена известная доля самостоятельности, аналогичная Финляндской и Варшавской губерниям. Генерал-губерна-

¹ Имеется в виду переезд императорской фамилии в летнюю столицу – Санкт-Петербург, где императорская фамилия пребывает с 15 мая по 15 ноября. В Российской империи с 1923 года было две столицы – летняя в Санкт-Петербурге и зимняя – в Константинополе. Кроме того, были три города столичного значения – Москва, Варшава и Екатеринбург, где были построены царские дворцы и где император тоже бывал. Экономической столицей Империи была Москва, там располагались министерства, ответственные за экономическую политику. (Здесь и далее примеч. автора.)

² Здесь и далее эта аббревиатура обозначает – Его Императорское Величество.

³ Дети аристократов Империи при рождении приписывались к той или иной воинской части, там они проходили подготовку – в кадетских корпусах, которые выпускали пополнение для этих частей. Там же они и служили, начиная сразу с обер-офицерских званий – причем служили все, включая даже цесаревича. Служба в армии могла потом переходить в службу при дворе (с при-своением придворного звания и продвижением по службе), но в армии отслужить было нужно минимум три года. Поэтому всех отправили именно в те части, где они и должны были служить.

торы назначались Государем Императором по представлению местных элит. Но поскольку на Востоке спокойно никогда не было – спокойствие на Территориях и власть генерал-губернатора обеспечивала казачья стража и Черноморский флот с самыми мощными соединениями морской пехоты во всей Империи. Надо сказать, что морская пехота Черноморского флота по численности и вооружению вдвое превосходила морскую пехоту обоих других флотов, вместе взятых. И только на Черноморском флоте было три десантных вертолетоносца, на других флотах – по одному...

Годах в шестидесятых-семидесятых все было мирно и спокойно – мир практически поделен, смысла дергаться нету. Российская империя (за которой был почти весь Арабский Восток плюс вассальная Персия), Священная Римская империя германской нации (вместе со своим союзником – независимой Бурской конфедерацией занявшая весь Африканский континент, плюс сделавшая вассалом Испанию, оккупировавшая Францию и весь север Европы), Австро-Венгерская империя (фактически конфедерация, которой при разделе мира достался почти весь юг Европы, кроме Италии), Северо-Американские Соединенные Штаты (с их интересами в Латинской Америке), Британская империя, которая включала в себя Индию, Канаду и Австралию (их у нее вовремя не отобрали), Японская империя, включавшая в себя Китай и Корею. Небольшое количество неприсоединившихся государств, каждое из которых искало себе сюзерена – и находило. Мирное развитие – атом, космос... Все наращивали мускулы, ревностно глядя друг за другом.

Семьдесят лет без большой войны...

А вот сейчас... Сейчас спокойствие тех времен воспринималось как сказочный сон...

И не то чтобы шла война – нет, войны не было. Было намного хуже: когда враг вроде есть – а вроде его и нет. Мелкие провокации на границах, какое-то шевеление. Непокойно в Варшавской губернии – поляки так и не унимаются. Теракты – об этом на какое то время и думать забыли, а теперь нате – с каждым годом все хуже и хуже. Агрессивный ислам – снова поднимались искорененные (как считалось) ваххабизм и махдизм, появившиеся неизвестно откуда. И это при том, что Государь Император никому не запрещал исповедовать ислам, в конвое Его Императорского Величества едва ли не третья часть была мусульманами. В Константинополе и вообще на всей территории бывшей Османской империи не снесли, не закрыли ни одну мечеть – государь строго запретил. Юг Империи торговал с севером, проводилась масштабная программа ирригации, на обводненных землях развивалось земледелие. Про межплеменные и межклановые столкновения под властью Белого царя здесь и думать забыли. Чего же им не хватает?

Наркотики – как-то раз, по словам дедушки, присутствовавшего в тот момент в Адмиралтействе, Его Императорское Величество сказали, что для надежного искоренения этой заразы надо отправить ударную группу Тихоокеанского флота с приказом занять Гонконг. Оттуда, с британских территорий, эта зараза расплзлась повсюду. Уже было несколько дипломатических демаршей – без толку...

Тяжелый вертолет в последний раз истошно взвыл турбинами, через вибрацию я уловил момент, как шасси мягко коснулось палубы огромного корабля. Медленно поползла вниз аппарель грузового люка. Глянул на часы – летных операций в это время, по идее, быть не должно. В воздухе сейчас должна быть максимум дежурная четверка истребителей. И то лучше – от рева реактивных двигателей можно было оглохнуть...

Ступив на палубу «Цесаревича», посмотрел в ослепительно-голубое небо, какое можно увидеть только на Ближнем Востоке. Не было ни единого облачка, лишь в стороне от авианосца, чтобы не мешать полетам, завис дирижабль прикрытия⁴. Вдохнул столь знакомый еще

---

⁴ В Империи наряду с самолетами и вертолетами широко использовали дирижабли. Было несколько типов транспортных

со времен нахимовской практики запах – йодистый запах моря, смешанный с острым запахом авиационного керосина. Вдалеке от острова⁵ техники проверяли работой отремонтированный самолетный реактивный двигатель – грохот давил на уши даже за добрую сотню метров...

Огляделся, пытаюсь понять, какие корабли входят сейчас в эскадру, – из этого можно примерно представить, какие задачи эскадра готовится выполнять...

Справа от флагмана, примерно в пяти кабельтовых, серо-стальным колоссом на водной глади застыл линкор «Император Александр Третий». Даже отсюда были хорошо видны чудовищные стволы орудий главного калибра – три восемнадцатидюймовки. Спущенный на воду пятьдесят два (!!!) года назад, линкор прошел уже четыре модернизации. Вместо нескольких десятков малокалиберных зенитных пушек был установлен комплекс «Риф» и несколько «Кортиков». Двигатель меняли два раза, но ядерную энергетическую установку установить так и не смогли. Атомный линкор в русском флоте был только один – «Император Александр Четвертый», спущенный на воду всего шесть лет назад. В восемьдесят третьем на «Александре III» вместо кормовой башни главного калибра установили стартовые площадки для ракет РК-55 модификации «море – земля» – линкор нес шестьдесят стартовых комплексов таких ракет. Не менялся только главный калибр – сейчас он был предназначен не для артиллерийских дуэлей с такими же линкорами, а для поддержки наземных частей и соединений. Один восемнадцатидюймовый снаряд оставлял воронку размером с хороший стадион...

Стандартная связка русского флота – линкор для ударов по наземным целям и один-два тяжелых авианосца прикрытия – для авиационного прикрытия группировки. У Империи на данный момент было десять ударных авианосцев (все – атомные, одного проекта, самому старому всего двадцать лет) и шесть линкоров (атомный только один, остальные – сильно модернизированные старые), использовались они часто парами. Больше авианосцев было только у САСШ – четырнадцать, зато линкоров – всего четыре, а таких десантных платформ, как «Александр Колчак» (на которых, открою секрет, могли и самолеты вертикального взлета базироваться в случае необходимости...), не было вовсе.

Но сильнее всего я удивился, когда посмотрел налево. Слева от флагмана, тоже примерно в пяти кабельтовых, стоял еще один авианосец, только меньших размеров. Но это был не авианосец, я это хорошо знал, поскольку бывал на нем не раз. Это была платформа для поддержки специальных десантных операций, переоборудованная в восемьдесят третьем из списываемого авианосца «Александр Колчак». Сейчас вместо самолетов на нем базировались тридцать тяжелых транспортных вертолетов Сикорского, двадцать вертолетов огневой поддержки, способных нести вооружение как «воздух – земля», так и «воздух – море», с него же можно было поднимать в воздух и управлять беспилотными разведывательными аппаратами – до двадцати машин одновременно. Кроме того, у «Александра Колчака» система противовоздушной обороны была значительно усилена по сравнению с обычной системой ПВО на авианосцах, поскольку авианосцы прикрывает с воздуха базирующееся на нем авиакрыло.

Таких вот «платформ» во флоте Империи было всего три, по одной на флот. Первая на Черноморском флоте, вторая на Балтийском, в Кронштадте, третья – на Тихоокеанском, в Порт-Артуре⁶. Сам «Александр Колчак» базировался в Константинополе, на главной базе Чер-

---

дирижаблей, грузоподъемностью до пятисот тонн, и дирижабли прикрытия, используемые в погранвойсках и на флоте. Дирижабль являлся необходимым элементом ПВО группировки, он нес мощный радар и несколько ракет «воздух – воздух». Применение его в мирное время обходилось намного дешевле, чем постоянно держать в воздухе реактивные истребители-перехватчики и самолеты АВАКС.

⁵ Так на авианосце называется рубка.

⁶ У Империи было три флота – Балтийский, с главной базой в Кронштадте, который включал в себя все побережье Северного Ледовитого океана и действовал в Атлантике, Черноморский с главной базой в Константинополе, запасными – Севастополь, Триполи, Бейрут, Ницца (совместно с Кайзермарине) и Тихоокеанский с главной базой в Порт-Артуре и запасными – Сахалин, Владивосток.

номорского флота. Присутствие в ударной группе «Александра Колчака» наводило на совсем нехорошие мысли.

Подводных лодок я не увидел, но это и неудивительно – всплывать они будут только по необходимости. Такую эскадру должны прикрывать как минимум два многоцелевых охотника типа «Тигр»...

На корабли эскорта – пара крейсеров, несколько эсминцев, плавбаза снабжения – я и не смотрел, неинтересно...

Царское Село

20 мая 1992 года

Совершенно секретно

Собственная Его Императорского Величества канцелярия

ЕИВ, лично в руки

...

На протяжении 1990–1992 годов наблюдается значительное нарастание центробежных тенденций и попыток дестабилизировать обстановку в Империи. Основным способом дестабилизации обстановки избрано создание сепаратистских движений и совершение террористических актов. Так, если за 1990 год совершено 54 террористических акта, за 1991 год – уже 127, то только за четыре месяца 1992 года совершено 118 террористических актов, в результате которых погибло одна тысяча пятьсот шестьдесят семь человек. Ниже привожу крупнейшие террористические и сепаратистские группировки, выявленные заграничным отделом Собственной Его Императорского Величества канцелярии, и краткую информацию об их деятельности:

1. Аль-Каида Аль-Сулбах – запрещенная экстремистская организация мусульман-суннитов, открыто призывает к «террору против неверных собак» и к «изгнанию русских свиней со священной земли Мекки и Медины», к созданию «Всемирного исламского халифата». Только в 1992 году ею взята на себя ответственность за сорок четыре террористических акта различной степени тяжести, продолжается работа по созданию единого исламского террористического подполья. Возглавляет организацию некий Осама Бен Ладен, предположительно находящийся на территории Британской империи. По непроверенным данным, члены этой организации умышляют на убийство Его Императорского Величества и членов императорской фамилии.

2. Хезбалла (партия Аллаха) – запрещенная экстремистская организация мусульман-шиитов, призывает к «джихаду до победы», к «священной войне», к саботажу и террористическим действиям. В 1992 году ею совершено двадцать семь террористических актов, в том числе совершена попытка подорвать нефтеперегонный завод в г. Бейрут. Местонахождение штаб-квартиры и лидер неизвестны.

3. Делегатура Варшавска – запрещенная экстремистская организация польской эмиграции, ставящая целью насильственное отделение Привисленского края от Империи и провозглашение независимой Польши. Возглавляет данную организацию некий «генерал» Мазуровский, изгнанный из Русской армии за поведение, недостойное офицера, лишенный чина капитана. Штаб-квартира находится в Лондоне, за четыре месяца 1992 года совершено шестнадцать террористических актов. Особый упор данная организация делает на пропаганду сепаратизма в Польше, в большом

количестве засылает провокационные печатные материалы, изымаемые полицией и третьим отделением СЕИВК...

4. Хагана – запрещенная еврейская экстремистская организация, ставящая целью создание «независимого еврейского государства» на территории Палестинской губернии. В 1992 году совершено девять террористических актов, большой упор данная организация делает на пропаганду и на инфильтрацию своей агентуры в органы власти с последующим саботажем и провокациями. Лидер организации неизвестен, штаб-квартира предположительно находится в Лондоне

5. Красный интернационал – запрещенная организация коммунистического толка, наследница так называемой «Партии большевиков» Ленина. Штаб-квартира находится в Швейцарии, Женева. Призывают к «коммунистической революции», к «власти рабочих и крестьян». Террористическую деятельность не ведут, основной упор делается на агитацию и разложение. Обладают значительными печатными мощностями, происхождение денежных средств, которыми располагает данная партия, неизвестно. Умышляют на государственный переворот, пытаются вести разлагающую работу в армии.

Все эти организации созданы с целью совершения тяжких и особо тяжких преступлений на территории Российской империи, в том числе антигосударственных, и в настоящее время активно совершают подобные преступления.

В то же время ряд наместников на Территориях проявляют преступное благодушие, отказываются оказывать необходимую помощь СЕИВК в выявлении и ликвидации террористических ячеек, приукрашивают складывающуюся ситуацию в отчетах, докладываемых на высочайшее решение.

Обращаю также Ваше внимание, что, по меньшей мере, у трех из пяти террористических организаций штаб-квартиры находятся в Лондоне. На территории Британской империи производится закупка оружия, взрывчатых веществ, обучение террористических групп, в данной деятельности активно принимают участие сотрудники Секретной разведывательной службы Великобритании. Все это не может происходить без ведома и одобрения правительства Ее Величества.

Испрашиваю высочайшего повеления на нижеследующее:

1. Создать постоянно действующий Чрезвычайный Антитеррористический Комитет с включением в него специалистов заграничного отдела СЕИВК, разведки Генерального штаба, разведки ВМФ, отдела специальной документации Министерства иностранных дел, заграничного департамента полиции. Данный комитет должен действовать на постоянной основе от высочайшего имени.

2. Разрешить комитету принимать решения о ликвидации лиц, чье членство в подрывных организациях установлено и которые совершили или умышляют совершить террористический акт против подданных Империи либо дружественных держав.

3. Активизировать деятельность заграничного отдела СЕИВК в САСШ и в Британской империи с целью выявления и нейтрализации лиц, причастных к расширению террористических действий на территории Империи.

4. Предложить Министерству иностранных дел значительно усилить дипломатическое давление на САСШ и Великобританию с целью прекращения указанными государствами предоставления убежища и оказания помощи антироссийским подрывным и террористическим организациям.

Докладываю на высочайшее усмотрение

Заграничный отдел СЕИВК

В.В. Путилов

Его Императорское Величество Государь Александр Пятый положил кожаную папку с докладом на стол, несколько раз глубоко вздохнул, пытаясь унять раздражение. Пододвинул к себе серебряный поднос, отрезал большой кусок лимона, медленно и со вкусом прожевал. Немного улеглось...

Путилов... Государь прищурился, пытаясь вспомнить. Кажется, тот самый подполковник из миссии в Берлине, военный атташе, о ком немцы отзывались только в превосходных степенях. Примерно полгода назад Государь отозвал его из Берлина, присвоил чин полковника и повелел возглавить заграничный отдел СЕИВК вместо старика Юрьевского, которого проводили на пенсию. И теперь убедился – не ошибся! Если Юрьевский частенько боялся побеспокоить Государя, то Путилов наоборот – даже иногда стучал краски в докладах. Но Государю это нравилось больше – на то и разведка, чтобы беспокоиться уже тогда, когда оснований для беспокойства еще нет. Всего полгода прошло – и уже немало сделано. Надо как-то поощрить... Государь пододвинул переплетенный в кожу блокнот, с которым не расставался, сделал пометку...

Происходящее не укладывалось в голове Государя, он просто не мог понять мотивов, которые движут этими людьми. Кому плохо живется в Империи? Кто обижен?

Мусульмане... Еще император Николай Второй после взятия Константинополя строго-настрого запретил разрушать мечети. А сейчас – даже строятся новые. В императорском конвое – третья часть мусульмане, а ведь Государь им свою жизнь и жизнь членов императорской фамилии доверяет!

Ни одному мусульманину не запрещается исповедовать свою веру. Ни один мулла, ни один муфтий не испытывают гонений и неудобств, если только не пропагандируют «священную войну». Действуют даже исламские университеты, где совершенно легально богословы изучают и толкуют Коран.

Со времени Османской империи Ближний Восток просто преобразился. Найдена нефть в огромных объемах, строятся города, железные дороги, развивается промышленность. Местное купечество ничуть не уступает российскому. Высочайшим повелением запрещен экспорт сырой нефти в САСШ и Британскую империю, теперь экспортируются только продукты ее переработки, что дает несоизмеримо больше денег. Строятся курорты, только на мелиорацию и окультуривание земель выделяется по несколько миллиардов золотых рублей ежегодно.

Но самое главное – за все время, пока Ближний Восток находился под властью Белого царя, там не произошло ни одного крупного межнационального или межрелигиозного столкновения. Ни одного! Если на территории Британской империи то и дело кто-нибудь кого-нибудь режет – британцы большие мастера действовать по методу «разделяй и властвуй», – то Государь считал абсолютно недопустимым, когда его подданные бьют и режут друг друга. Везде стояли казаки, рядом – морская пехота и армейские части, наместники и генерал-губернаторы строго следили за порядком. Такого, как в Османской империи, когда вырезали целый народ, армян, причем с разрешения власти – и в страшном сне представить было невозможно.

Евреям – а этим-то что надо? Этим что не устраивает? Свое государство хотите, «на исконных землях» – а кто вам мешает жить и работать на этих землях сейчас?

Еще в одна тысяча девятьсот двенадцатом году высочайшим повелением провозглашена свобода совести. Очень многое для евреев сделал Петр Аркадьевич Столыпин⁷, великий премьер, при котором гонения на евреев прекратились.

Неужели не понимают, что, если русские уйдут из Палестины, начнется бойня, которую уже никакими силами не остановить? Только Империя и ее воинские части сохраняют мир, неужели кто-то еще сомневается?

А поляки? Что за идеи про независимую Польшу – безумие покойного Пилсудского покоя не дает? То, что Варшава – столичный город, – не устраивает? То, что польские дворяне и их права приравнены к правам российских – не устраивает? Неужели не понимают, что независимая Польша – это добыча, она не сможет долго существовать сама по себе, это доказал исторический опыт. Не будет русских – придут немцы. Неужели изгнанный из армии негодяй Мазуровский более достоин управлять Польшей?

Про коммунизм – вообще даже думать не хочется. Император читал и Маркса, кстати, с большим интересом. И бред Ленина, их покойного вожака.

Кухарка может привлекаться к управлению государством – видано ли? Он, Император Всероссийский, учился с шести лет, осваивая школьную программу, потом одновременно университетскую и программу Академии Генерального штаба. Потом в армии служил, в военновоздушных силах, дослужился до командира экипажа стратегического бомбардировщика. И то знаний не хватает, приходится постоянно учиться то одному, то другому, выкраивать, по меньшей мере, час в день для чтения научной литературы. Больше миллиарда подданных, а отец учил: император в ответе за каждого подданного перед совестью и перед Богом!

Кроме того, если кухарка будет привлекаться к управлению государством – то кто же куховарить, простите, будет?

Его сын, цесаревич Николай, – учится еще плотнее, сейчас требования другие, надо компьютер осваивать. Сам, вопреки отцовской воле, выбрал место службы – не в придворном полку, не в лейб-гвардии – в разведроте десанта! Хотя и остолоп еще тот – но в армии его уважают и любят. Лейб-гвардия, десантные и казачьи части за ним и в ад пойдут. Вот так завоевывается уважение – не притворное, а настоящее, всегда важное для Государя. А мудрость государственная и терпение, чего так недоставало цесаревичу, – они с годами, с опытом приходят⁸...

И кухарка. У плиты стоящая. Как она может управлять Империей без малейшей капли знаний? Ведь даже чтобы управлять автомобилем, нужно учиться и сдать на права – а государство неизмеримо сложнее...

Или кто-то хочет, как в САСШ? Каждые четыре года выборы, как выборы – так какой-нибудь непристойный скандал. И хорошо, если единственный. А денег каких это стоит? Государь неоднократно встречался с президентом САСШ Фолсом и поразился его наглости, пустоте, лживости, бестолковости и ограниченности, незнанию реальной обстановки, постоянным срывам на пустословие, попыткам угрожать. Чуть что – он обращался к советникам или они сами начинали говорить за него, даже подчас перебивали. Неудивительно – если выбрали актера синематографа управлять государством, чего же еще ждать, кроме дешевого спектакля? Как вообще можно ждать ответственности за судьбу отечества от человека, избранного на четыре года? От человека, не служившего в армии, не имеющего должного образования? Если государством управляет кагал советников – зачем тогда вообще нужен президент???

---

⁷ Столыпин – великий премьер-министр Российской империи, выживший в покушении 1911 года и находившийся на премьерском посту до самой своей смерти в тридцать шестом.

⁸ Как ни странно, несмотря на отсутствие войн и имперский характер правления, технический прогресс в мире не останавливался, а шел в некоторых областях еще быстрее. Поэтому был и мирный атом, и военный, и Интернет, и компьютеры – все было. Только порядка намного больше.

Или этот новый претендент на высочайшее кресло в САСШ – как его там... Холбрук. В армии не служил, наркотики курил, в своем штате разврат устроил – волосы вянут... И это – глава государства? Нет уж, спаси Бог, такой не преумножит – и собранное-то промотает...

А эти ленинские, большевистские призывы к поражению государства в войне? Кто-то воюет, кровь проливает, а кто-то – к поражению призывает... Что это, как не предательство? За то и убили его, нашлись патриоты, не выдержавшие...

И все-таки – идеи загранотделом предложены здравые. Урок истории – Император Николай Второй не уважал разведку и спецслужбы, не прислушивался к ним, и вот итог – едва страну не потерял! Отец, великий Император Александр Четвертый⁹, передал ему в руки величайшую Империю в истории человечества – и его долг перед народом ее сохранить. А Господь даст – и приумножить...

Здравые, здравые идеи... И с Британией надо что-то делать...

Государь начертал несколько слов на докладе начальника заграничного отдела, заверил высочайшей подписью, потянулся к телефону...

– Графа Кочубея пригласите. Аудиенция через час...

---

⁹ Александр Четвертый Великий – император с 1938 по 1979 год, величайший император в истории Российской империи. Сын Михаила Романова, брата Николая Второго, 1920 г.р., вступил на престол в результате долгих интриг после смерти бездетного Алексея Второго (от гемофилии). В нарушение традиций имел не военное, а коммерческое и дипломатическое образование. За сорок один год его правления Империя сделала огромный шаг вперед и стала едва ли не самой промышленно развитой державой мира. Император Александр Четвертый завершил освоение Сибири и Дальнего Востока, начатое еще П.А. Столыпиным, в несколько раз увеличил промышленное производство, сделал огромные капиталовложения на Ближнем Востоке. Трагически погиб в 1979 году в авиакатастрофе.

Ударный авианосец «Цесаревич Николай» 20 мая 1992 года

Перед тем как лететь, я позвонил одному своему однокашнику по нахимовскому, узнал – Средиземноморская эскадра готовится к плановым учениям совместно с Кайзермарине в районе Африканского Рога. Но оставался один вопрос – а зачем тогда здесь «Александр Колчак». На обычные учения он не выходит – на нем базируются даже не морская пехота – отряды специального назначения! Разведка, подводные диверсанты... Тем более в составе такой мощной эскадры – едва ли не треть Черноморского флота здесь...

– Лейтенант Воронцов? – Чей-то голос отвлек меня от размышлений о брэнном, вернул в реальный мир.

– Честь имею!

– Адмирал Нетесов¹⁰ желает вас видеть... Извольте следовать за мной! Вещи можете пока оставить здесь...

Оставив вещи в вертолете, я пошел за старшим лейтенантом, адъютантом адмирала. Кажется, я его раньше уже где-то видел...

Контр-адмирал Нетесов Константин Павлович – высокий, худой, с аккуратно приглаженными усиками и пробивающейся на висках сединой, в свое время служил под началом моего дедушки, часто бывал у нас и в Севастополе, и в Санкт-Петербурге. Тем не менее ждать каких-либо послаблений по службе от него не приходилось. Вот и сейчас – я молча стоял по стойке «смирно» под изучающим взглядом контр-адмирала уже пару минут...

– Хорош, хорош... – наконец пророкотал адмирал густым басом, который несколько не сочетался с его внешностью, – хорош азард¹¹. Наслышаны о ваших похождениях, наслышаны...

Наученный общением с дедушкой и с преподавателями в училище, я молча стоял под начальственным взглядом. Если командир что-то говорит – это не факт, что он обращается к тебе и ждет ответа...

– Как служить намерены?

– Так, чтобы не позорить честь рода Воронцовых и русского флота, господин контр-адмирал! – резко, даже излишне резко ответил я, спектакль этот меня уже начал раздражать...

– Достойно, достойно... Случайно, Николай Воронцов¹² не ваш родственник? – как бы невзначай осведомился адмирал Нетесов, хотя ответ на этот вопрос прекрасно знал...

– Это мой прадедущка, господин контр-адмирал!

– Тогда служите так, чтобы быть достойным его памяти, молодой человек! – резко закончил адмирал и вдруг... улыбнулся

Несколько отлегло и у меня...

– Где именно желаете служить?¹³

– На «Александре Колчаке», господин контр-адмирал! Я бывал на нем и не раз!

---

¹⁰ Немного про кадровую политику Империи. Императора Александра Четвертого, когда он еще не был ни императором, ни даже наследником, сильно травили из-за того, что его мать была не голубой крови, а даже с примесью купеческой. Как сказал Николай II: «Со многими дворами Европы мы в родстве – не хватало еще породниться с Гостиным». Александр запомнил эту травлю и, придя к власти, начал политику выдвижения на должности не по признакам родovitости и наличия «голубой крови», а по способностям и заслугам. Поэтому сейчас в Империи даже люди незнатного происхождения порой занимали высокие посты, получали титулы, их возводили в потомственное дворянство – и ничего такого в этом не было.

¹¹ Это устаревшее выражение означает человека лихого, даже излишне.

¹² Николай Карлович Воронцов, капитан первого ранга, командовал эсминцем при прорыве в Скапа-Флоу. Приказал вступить в сражение с английским броненосцем и потопил его, но сам геройски погиб в бою.

¹³ Аристократы в некоторых случаях имели право выбора, хотя честь рода заставляла выбирать наиболее опасные участки.

– Специальность?

– Разведка!

– Вообще-то ваш grandpapa изволили телеграфировать насчет вас из столицы... – задумчиво произнес адмирал, потерев рукой чисто, до синевы выбритый подбородок, – и дали мне недвусмысленный намек надолго назначить вас в наряд по кухне... Но... в конце концов... и мы когда-то были молодыми... Желаете на «Александр Колчак» – извольте...

Адмирал прошелся по кабинету, зачем-то остановился перед глобусом, стоящим в углу на малахитовой подставке...

– В распоряжение капитана первого ранга Никонова!

– Есть, господин контр-адмирал! – отчеканил я.

В дверь негромко постучали; не дожидаясь ответа адмирала, в каюту зашел адъютант, остановился у самого порога...

– Господин контр-адмирал... Командор, граф Теодор фон Белов с «Маркграфа Гессенского» испрашивают разрешения отдать визит...

– Телеграфируйте. Контр-адмирал Нетесов будет рад принять графа фон Белова на борту «Цесаревича»...

Десантный корабль «Адмирал Колчак» 20 мая 1992 года

... – Автомат для подразделений особого назначения «АСМ» «Морской Лев», производится с 1990 года на Тульском Императорском оружейном заводе. Предназначен для ведения огня как в воздушной среде штатными боеприпасами, так и в водной специальными патронами-стрелами. Совместим с штатным подствольным гранатометом, штык-ножом, любыми видами прицелов. Дальность эффективного огня в воздухе до пятисот метров, в водной среде...

– Достаточно, достаточно... – штабс-капитан по адмиралтейству¹⁴ Изварин махнул рукой, – я знаю, что в Санкт-Петербургском нахимовском теорию дают хорошо. А стреляете вы так же хорошо, лейтенант?

– Разрешите, господин штабс-капитан?

– Действуйте...

Тир для пристрелки оружия и стрелковых упражнений на «Адмирале Колчаке» был небольшой – всего двадцать пять метров и всего шесть кабинок для стрельбы. Я занял крайнюю, включил подсветку, выставил мишень, естественно на самую максимальную дальность. Да и какая тут максимальная дальность – камнем докинешь...

Примерился к автомату – конечно, не свой, заказной и лично пристрелянный¹⁵ казачий «АК» – незнакомый автомат с незнакомым балансом. Цевье, например, вынесено совсем далеко и магазин тоже – без тренировки с завязанными глазами не сменишь. Но для такой дальности – пустяк...

Прицелившись в черную точку по центру мишени, я задержал дыхание и аккуратно дождал спуска. Автомат выплюнул короткую очередь, отдача показалась мне немного резче, чем в «калашникове» – но все три пули пришли туда, куда я и ожидал – не вышли за пределы «восьмерки»...

– Талант есть...

– Разрешите, господин штабс-капитан...

– Извольте, лейтенант...

Я достал из сумки, которую бросил на входе в тир, свой «АК», пристегнул магазин. Огляделся, поднял валявшуюся в углу небольшую жестянку, кажется из-под оружейной смазки ...

– Разрешите? – указал на дверь.

...

Вместе со штабс-капитаном вышли на палубу, залитую ярчайшим солнцем, неспешно отошли на самый край от стоящих в ряд на палубе вертолетов...

– Без команды, господин штабс-капитан, – я протянул своему непосредственному командиру жестянку, – бросьте...

– Без команды? – усомнился Изварин. – А попадете, лейтенант?

– С первого выстрела. Шампанского. Дюжина. В офицерском клубе. После похода.

– Принял! – Глаза штабс-капитана Изварина загорелись азартным огнем, он взял жестянку, отошел шагов на пятнадцать. – Готовы?

Я скинул к плечу автомат, застыл в стойке, примерно напоминающей стойку, которую принимают при стрельбе по тарелочкам...

– Готов!

---

¹⁴ Звания морской пехоты Империи аналогичны пехотным, но с прибавлением «морской» для нижних чинов и «по адмиралтейству» для обер-офицерского состава и выше.

¹⁵ Аристократы имели право заказывать оружие у частных мастеров для себя «под руку».

Штабс-капитан Изварин бросил на двенадцатой секунде – помариновал изрядно, – причем бросил не вверх, а скорее вперед, что делало выстрел еще сложнее. У края палубы уже столпился технический персонал, люди из палубных команд, понаблюдать за бесплатным представлением – но я не обращал на них внимания, я вел стволом автомата за еле видной блестящей проклятой жестянки...

Самое главное при такой стрельбе – уловить то самое, почти неуловимое мгновение, когда предмет начинает падать. Перед этим он на долю секунды как бы замирает в воздухе – и вот тут надо стрелять. Если стрелять по летящей банке – неважно, вверх она летит или уже вниз, – попасть можно, только если сообразовал фортуна...

Уловив момент, когда жестянка – размером она казалась не больше мухи – солнечным зайчиком застыла на мгновение над спокойной водной гладью, я нажал спуск. Автомат привычно дернулся – и зайчик метнулся словно бы в небеса, подстегнутый пулей.

Попал...

– А-а-ставить! – донеслось сзади, бас говорившего своей тональностью и мощью походил на низкий корабельный гудок

Я обернулся – позади, рядом со штабс-капитаном, стоял дородный бородатый офицер в форме капитана первого ранга. На меня он не обращал ни малейшего внимания...

– Штабс-капитан Изварин, что это за стрелковые экзерциции на палубе?! Где порядок?! Извольте объясниться!

– Пополнение принимаем, господин капитан!

– Пополнение... А тира и спортзала для этого уже недостаточно?

– Никак нет, господин капитан!

– Эх, Изварин... – вдруг сменил тон капитан, – не дослужиться тебе до черных орлов¹⁶ вместе с твоими супостатами... Попал хоть?

– Попал, господин капитан! Я... На дюжину шампанского...

– Куда его планируешь?

– В первый экипаж¹⁷, там недокомплект сейчас...

– В первый? Там же севастопольские все¹⁸.

– Ну, вот и проявит господин лейтенант свою силу воли, как только что проявил свои способности к стрельбе... – недобро усмехнулся штабс-капитан...

– Вам служить... Гильзы подберите только...¹⁹

---

¹⁶ Черные орлы были вышиты на погонах старшего офицерского состава флота, от контр-адмирала.

¹⁷ Экипаж – восемь человек, столько несет групповой подводный носитель, столько же – скоростная лодка, два экипажа с вооружением берет транспортно-боевой вертолет.

¹⁸ Каперанг Никонов намекает на давнюю и лютую вражду. Крупнейший по численности нахимовский кадетский корпус находится в Севастополе, дальше шел Санкт-Петербург, но в питерском качестве преподавания считалось выше. И там и там были факультеты разведки, готовившие боевых пловцов для Черного моря и для Балтики соответственно. Кроме того, дети высшего комсостава флота, продолжающие семейные традиции, учились чаще всего в Санкт-Петербурге. Хуже всего было то, что князь Воронцов начинал обучение морскому делу в Севастополе, а по назначении деда в Адмиралтейство переехал в Санкт-Петербург и закончил обучение там. По меркам питомцев Севастополя, это – предательство. Сам штабс-капитан Изварин тоже был родом из Севастополя, поэтому и закатал Воронцова в первый экипаж совсем не случайно.

¹⁹ На палубе авианосца любой посторонний предмет, даже размером с гильзу, может засосать в воздухозаборник турбины летательного аппарата и вызвать серьезную аварию.

Десантный корабль «Адмирал Колчак» Вечер 20 мая 1992 года

Поскольку «Адмирал Колчак» из авианосца был переоборудован в десантный корабль, условия существования матросов и младшего офицерского состава были на нем... не особо хорошими. Тем более что сейчас на корабле располагалось значительно больше личного состава, чем было предусмотрено проектом. И если на новейшем «Цесаревиче Николае» младшие офицеры жили в каютах по два человека, то на «Александре Колчаке» на той же самой площади стояли две «двухэтажные» койки – как в нахимовском. Ну да ладно, мне не привыкать...

Из моего нового экипажа пока никого на месте не было. Поэтому я спокойно зашел в каюту, разместил в свободной тумбочке свои вещи, повесил на место автомат²⁰ и стал ждать своих новых сослуживцев. Учитывая, что на Черноморском флоте служили в основном бывшие гардемарины Севастопольского нахимовского училища, ничего хорошего от вечерней встречи мне ждать не приходилось...

Новые мои сослуживцы появились через полтора часа. Услышав шум в коридоре, я подобрался – и почти сразу же дверь распахнулась. Высокий чернявый здоровяк в форме, как и у меня – с лейтенантскими погонами, изумленно застыл в дверях, загородив остальным проход...

– Никак господин Воронцов собственной персоной... – не предвещавшим ничего хорошего тоном начал он.

– Он самый, господин Халеми, прошу любить и жаловать... – Я одним неуловимым, отточенным годами тренировок в учебке движением соскочил с верхней койки, издевательски поклонился...

Самое худшее, что может быть. Али Мехмет Халеми, уроженец Константинополя, учился он на том же потоке, «что и я» – только я во второй роте, он – в четвертой. Хулиган и заводила, если от кого и можно было ждать неприятностей – так это от него. Мою историю с переводом он, безусловно, помнил. И, несмотря на то что ему, как и мне, стукнуло уже двадцать семь... честь родного училища он попытается отстоять...

Али сделал шаг вперед и в сторону, пропуская еще двоих орлов, учившихся, видимо, там же, но на курс или два младше – их я не помнил...

– Какими ветрами вас занесло на наш флот со столичных высей... – Али сделал еще один шаг вперед. От моего внимания это не укрылось, и я покрепче схватился за дужку кровати – в ночных разборках в учебке я активно участвовал и все приемы еще помнил. Али мгновенно просек ситуацию и понимающе улыбнулся...

– Попутным, Али, попутным... – миролюбиво сказал я, – если хочешь устроить собеседование по вопросам чести, изволь. Но – когда вернемся из похода...

– Так, значит, ты и есть тот самый восьмой, кто устроил цирк-шапито на палубе, как в ковбойском синематографе?

– Я и есть ваш восьмой номер²¹. Имеешь что-то против?

Смуглое лицо Али искривилось в улыбке, блеснули белоснежные зубы...

– А ты знаешь – ничего. Восьмой – так восьмой...

---

²⁰ В армии Империи штатное оружие в оружейную комнату не сдавали – носили всегда с собой. В каюте было место, чтобы разместить оружие – не дальше вытянутой руки. В нашем мире такие порядки только в израильской армии.

²¹ Восьмой номер – в экипаже у каждого был свой номер. Если кто-то уходил – то приходящий на смену получал последний, восьмой, номер...

Царское Село 20 мая 1992 года

Граф Павел Владимирович Кочубей, премьер-министр Российской империи вот уже пять последних лет, слегка опоздал на аудиенцию к Государю – не рассчитал с дорожными пробками, сущим питерским проклятьем. Звонок застал его на Певческом мосту, в Министерстве иностранных дел, и пока его автомобиль пробивался через заторы старых улиц – времени прошло много...

Не дожидаясь, пока охрана выпустит его из машины, граф Кочубей сам изо всей силы толкнул массивную дверь бронированного «Хорьха», подхватил под мышку папку, почти бегом начал подниматься вверх по ступенькам...

В Александровском дворце было, как и всегда, тихо, почти безлюдно, даже торжественно – и в то же время уютно. Пахло духами «Русская кожа», специально для русского двора производимыми в Нормандии²². Адъютант Государя ждал премьера у подножия лестницы – как всегда серьезный, безмолвный и сосредоточенный. Не говоря ни слова, он повел графа через анфиладу комнат второго этажа. Прикинув маршрут, которым они шли, Кочубей догадался, что Государь примет его в своей любимой охотничьей комнате...

Государь стоял у окна, в своей любимой форме казачьей стражи – простой и удобной, без единого знака отличия. Заслышав шаги, он обернулся...

– Ваше Величество... – поклонился граф, как это было предписано этикетом. Государь махнул рукой.

– Будет, Павел Владимирович, будет... Скоро двадцать первый век, не стоит обращать внимание на церемонии. Тем более вам...

– Церемония – повивальная бабка могущества... – проговорил премьер.

– Могущества нам не занимать, божьей милостью и трудами нашими. Присядем?

Премьер обратил внимание, что на столике в углу кабинета их ожидал чай – любимый чай премьера, грузинский, крепкий, черный как деготь. Государь обладал превосходной памятью и помнил привычки и маленькие слабости своих приближенных, равно как и многое другое...

– Павел Владимирович... Вы читали доклад заграничного отдела, копия его должна была быть доставлена вам вчера фельдъегерем. Я хотел бы знать ваше мнение...

Кочубей задумался, отхлебнул ароматную, обжигающую, горячую жидкость из фарфоровой чашки, тщательно продумывая ответ. Доклад он считал скандальным, предложенные меры – несвоевременными...

– Ваше Величество... Доклад я прочитал. Господин Путилов... немного сгущает краски... Вероятно, он... только входит в курс дел... поэтому и предлагает такие... опасные решения... Я считаю, что выводы в докладе чересчур... поспешны. Мы не должны поддаваться на провокации.

Государь поставил недопитую чашку чая на столик, в упор взглянул на премьера.

– Давайте разберемся по существу. Приведенные в докладе цифры террористических актов и погибших в них людей – они соответствуют действительности?

– Вообще-то соответствуют... Но нужно принимать во внимание то, что если взять в пример происходящее в Африке... или ситуацию с мусульманами в северных районах Индии²³ – мы можем сказать, что на Ближнем Востоке ситуация не катастрофическая...

---

²² Так теперь называлась территория Франции.

²³ Надо сказать, что в нашем мире Индия и Пакистан до 1947 года были единым государством под властью британской короны, при их разделении произошла чудовищная резня, в которой погибло более миллиона человек. В мире, который здесь описан, Пакистана не существует, а на севере Индии очень неспокойно. Там же, на севере Индии, под патронажем британских

– И я хочу принять необходимые меры к тому, чтобы она не стала катастрофической, Павел Владимирович! – перебил его Государь. – Я прекрасно знаю ситуацию и в британских и в германских владениях. Но для меня гибель даже одного моего подданного от рук террористов – недопустима. То, что происходит на Ближнем Востоке, ставит под сомнение нашу способность управлять этими землями и вести их к процветанию. Мы не можем проявить слабость, Павел Владимирович, и не можем, не имеем права потерять то, что приобретено свершениями поколений наших предков. Поэтому сегодня я высочайшим указом утвердил программу чрезвычайных мер, предложенную заграничным отделом.

Премьер чуть заметно вздрогнул – на такое быстрое и жесткое решение он не рассчитывал.

– Но что скажут британцы и САСШ? Не воспримут ли они это как агрессию против их суверенных прав?

– Происходящее уже является агрессией против суверенных прав – наших, российских, суверенных прав. Российская империя не содержит бандитов и террористов, не продает им оружие, не натравливает их на соседние государства, не претендует ни на чьи земли. Мы вправе ожидать такого к себе отношения и со стороны других держав. Не забывайте, что положения Берлинского договора²⁴ по селтльментам²⁵ истекают через восемь лет, продление их мы вполне можем поставить под вопрос. Вы помните заслуги Петра Аркадьевича на вашем посту перед государством Российским? – внезапно сменил тему Государь.

– Да, помню... Конечно же...

– Его заслуги велики и неоспоримы. Благодаря ему – именно ему и никому другому – Империя существует до сих пор. Но помнить нужно и другое – мы были на краю пропасти. Мой предшественник, император Николай Второй, своей нерешительностью и боязнью жестких мер едва не погубил страну, собранную десятками поколений наших предков. И это мы тоже должны помнить, Павел Владимирович, хорошо помнить...

спецслужб действуют многочисленные лагеря для подготовки радикальных исламистов...

²⁴ Берлинский мирный договор, ставший основой послевоенного мироустройства, вовсе не был актом о безоговорочной капитуляции, как это может показаться на первый взгляд. Если на земле войска «коалиции пяти» потерпели тяжелое поражение от русских и германских войск, то в море ситуация была другой. В 1922 году великие державы сошлись в клинче, потеряв в морских сражениях по 60–80 % своего флота. Германцам удалось действиями своего подводного флота сильно затруднить сообщение Британии с колониями, но не прервать окончательно. И лишь после героического прорыва русской эскадры к берегам Британии (практически полностью погибшей во время прорыва) и после того, как САСШ наметнули, что зимой на Аляску можно перебраться и по льду, «коалиция пяти» решила, что с нее хватит, и заключила более-менее приемлемый мир. Больше всего потеряла Британская империя (но многое осталось при ней!), САСШ остались при своих, и только Франция как независимое государство перестала существовать. Британцы на переговорах просто ее подставили, по факту она и так была оккупирована Германией, и вопрос о ее освобождении не поставили.

²⁵ Селтльмент – территория для проживания иностранных подданных, на которой они живут по законам своей страны, законы страны пребывания на них не распространяются, и даже полиция страны пребывания не имеет права зайти без разрешения в селтльмент. Право экстерриториальности, короче.

Средиземное море Ночь на 21 мая 1992 года

Пограничный сторожевой корабль «Быстрый» был небольшим, построенным по новому проекту всего пять лет назад. Длина примерно двадцать метров, элегантные обводы корпуса, высокая рубка. Больше всего он походил на одну из частных дорогих яхт, строившихся на южных верфях Империи во множестве, если бы не серо-стальной цвет и Андреевский флаг на флагштоке – от яхты почти не отличить. Еще от яхты он отличался спаренным крупнокалиберным пулеметом на носу. Больше вооружения на нем не было...

Капитан пограничной стражи Головин, вышедший на ночное патрулирование из порта Бейрут, всматривался в непроницаемую мглу, окутывающую рубку, крепко сжимал штурвал. Сегодняшняя ночь была особенно темной – разбойной, – все небо затянуто облаками, качка не слишком сильная, но... беспокойно как-то. Вся надежда на радиолокатор и эхолот, над которыми склонился боцман Деревенько; его лицо, освещаемое зелеными отсветами экранов приборов, было напряженным и сосредоточенным. Нелегко вести корабль в открытом море только по показаниям приборов, да еще и недалеко от береговой черты, где есть немалые шансы сесть на мель. Но капитан знал – пока его боцман у приборов, на мель не сядем и ни с кем не столкнемся...

Почему капитан вышел в ночное патрулирование, он и сам не знал. Предчувствие... Нынешняя ночь была как раз такой, которая нужна контрабандистам. На своих древних азу²⁶, оснащенных мощными подвесными моторами, они сновали туда-сюда, перевозили контрабанду, оружие, наркотики. Даже сорока пяти узлов скорости сторожевика порой оказывалось недостаточно, чтобы перехватить злоумышленников. Но капитан Головин, по признанию коллег и начальства, обладал редкостным даром предсказывать действия контрабандистов: он прекрасно знал территорию патрулирования и не гонялся за контрабандистами, а подкарауливал их и выходил на перехват. И еще одним был известен капитан Головин – взятки он не брал. Совсем...

– Внимание! Прямо по курсу! Двенадцать кабельтовых! Неизвестное судно!

– Перехват?

– Нет. Это крупнотоннажное судно...

Капитан поднес к глазам бинокль – горизонт был пуст...

– Где судно?

– Прямо по курсу, две мили, расстояние сокращается!

Да что же это такое происходит...

Море было относительно спокойным...

– Кондуктор²⁷ Хамани, примите управление судном... – бросил капитан третьему находившемуся в рубке офицеру

– Кондуктор Хамани управление принял, – спокойно сказал молодой офицер, принимая штурвал...

Капитан вышел на палубу, на ощупь привычно переключил бинокль на режим ночного видения, поднес прибор к глазам – и чуть не упал за борт! Прямо на них шло, разрезая форштевнем водную гладь, крупнотоннажное судно, судя по огромным, выступающим над палубой полусферам – газовоз, предназначенный для перевозки сжиженного природного газа. На нем, в нарушение всех возможных правил судоходства, не было зажжено ни единого ходового огня!

---

²⁶ Азу – лодка, издревле используемая на территории Средиземного моря и Персидского залива. Часто использовались контрабандистами для перевозки наркотиков, оснащались мощными подвесными моторами.

²⁷ Кондуктор – старший унтер-офицер на флоте, дальше идут уже обер-офицерские звания...

– Да они что там, белены объелись...

Капитан вломился в рубку «Быстрого», едва не упав, схватил микрофон громкоговорительной установки, крутанул переключатель, выводя звук на полную мощность...

– Капитан судна прямо по курсу! – гроыхнуло над морем. – Говорит капитан российского сторожевого судна! Вы грубо нарушаете правила судоходства, идете без ходовых огней! Немедленно заглушите двигатели, приготовьтесь принять на борт досмотровую группу! Вы в российских территориальных водах!

Капитан переключил связь на международную частоту, ответа не было...

– Расстояние?

– Четверть мили, сокращается!

– Начинай маневр уклонения, доложи в штаб о чрезвычайной ситуации!

– Есть!

Капитан снова вышел на палубу, поднес к глазам бинокль. Неизвестное судно было уже совсем близко, на палубе наблюдалось какое-то шевеление. Головин вгляделся изо всех сил – казалось, что несколько человек устанавливают на палубе какие-то приборы...

Оставалось только одно – капитан выдернул из кобуры на поясе ракетницу, нажал на спуск. Ярко-красная молния рванулась вверх, разрезая непроницаемый мрак восточной ночи. Может, хоть так они увидят и отреагируют...

И неизвестные отреагировали – но совсем не так, как ожидал капитан. Словно две шаровые молнии одна за другой рванулись с борта неизвестного корабля. Через две секунды они превратили российский сторожевик в пылающие обломки, еще через пятьдесят секунд неизвестный корабль протаранил обломки носом, окончательно потопив их. Но унтер-офицер Хамани, до конца не выпускавший из рук штурвал, доложить на базу о ЧП все-таки успел...

Десантный корабль «Адмирал Колчак» Ночь на 21 мая 1992 года

– Витька Маркелов?

– На «Александре Четвертом». Уже лейтенант.

– А Водопляс?

– Водопляс... – Али усмехнулся, видимо вспоминая, как они подрались на первом курсе²⁸, серьезно подрались, с разбитыми в кровь лицами и выбитыми стеклами, так что стоял вопрос об исключении обоих – Водопляс, как и ты, предателем оказался, на Балтике служит...

– Какой я тебе предатель...

Договорить мы с Али не успели – бритвой по нервам резанул звук корабельной сирены. Боевая тревога...

– Учения, что ли... – Али встал, недоуменно посмотрел на часы: – Всем на местах оставаться! Я сейчас проясню...

– Меньше получаса назад штаб Бейрутской базы получил доклад от пограничного сторожевика «Быстрый» о неизвестном крупнотоннажном судне, идущем без ходовых огней и ведущем себя подозрительно. Почти сразу же после доклада «Быстрый» исчез с экранов радаров, попытки установить с ним связь успехом не увенчались. Последнее, что передали по связи – что по ним открыт огонь. Неизвестное судно сейчас приближается к порту Бейрут, находится от него на расстоянии в двадцать морских миль. Мы к нему ближе всех.

– Судно установили? – густым, прокуренным басом пророкотал каперанг Никонов.

– Судя по отметке – газовоз «Эдинбург», ходит под флагом Великобритании. Дедвейт²⁹ сто тысяч. Вышел из порта Бейрут два дня назад, груженым, портом назначения указан Амстердам...

– Так какого черта он возвращается? – взревел капитан. – За такое время он нигде не мог разгрузиться и уж тем более – дойти до Амстердама. Объявить боевую тревогу, готовьте вертолеты и абордажную команду! Поднимайте разведывательный беспилотник!

Капитан повернулся на своем кресле, настроил находившуюся под рукой рацию на международную частоту...

– Вниманию капитана судна «Эдинбург»! Вы открыли огонь по судну Российского военно-морского флота! Приказываю лечь в дрейф, прекратить сопротивление, приготовиться к принятию досмотровой группы! При оказании сопротивления будет применяться оружие!

Ответом было только шипение помех...

---

²⁸ Водопляс – потомственный казак, а Али – потомственный турок. Вопрос решили, как водится, мордобитием. Серьезным, оба едва не вылетели из учебки...

²⁹ Дедвейт – полная грузоподъемность судна.

Боевая тревога...

Лихорадочно проверяемое снаряжение, матерный рык командира. Грохот сотен ног по стальным переборкам корабля. Разрезающие тьму прожектора. И какое-то... чувство в груди, странное, будто сейчас прыгнешь в пропасть – и обязательно вернешься.

Боевая тревога...

Мы уже собрались на освещенной мощными прожекторами палубе, в полном боевом снаряжении для десантно-штурмовой операции. Четыре боевых экипажа, тридцать два человека, готовые к выполнению любой боевой задачи. На меня, как на восьмого номера, помимо стандартной выкладки нагрузили еще и рацию, не слишком тяжелую, но все же. И сейчас, стоя последним в строю, я слушал переговоры в эфире, закрепив на ухе наушник. Тот радиообмен, что я слышал, наводил на скверные мысли...

– *Внимание всем! Начальник лоцманского центра порта Бейрут вышел на связь с бортом «Эдинбурга» и получил внушающий серьезные опасения ответ!*

– *Внимание всем! Разведывательный вертолет обстрелян с борта «Эдинбурга» и сбит! Цель ведет себя враждебно, повторяю – ведет себя враждебно! На приказы остановиться не отвечает!*

– *С борта «Цесаревича» поднялась авиагруппа, РВП³⁰ минута тридцать!*

– *Абордажная группа готовится высадиться на палубу «Эдинбурга»! Прошу до команды огня по «Эдинбургу» не открывать!*

– *Вас понял, докладывать о малейших изменениях обстановки!*

– *Есть!*

Штабс-капитан Изварин, так же, как и мы, одетый в черную боевую униформу, с оружием, был немногословен...

– Господа, в пяти морских милях от нас находится британское судно-газовоз, идущее к Бейруту с неизвестными целями. Судя по данным разведки – груженный. С борта судна ведется огонь, сбит разведывательный вертолет, потоплен пограничный сторожевик. Наша задача – взять судно под контроль, зачистить его и не допустить входа в порт Бейрута. Оружие применять по усмотрению, но осторожно – угроза взрыва танков со сжиженным газом. При высадке быть готовыми к серьезному противодействию! Вопросы?

– Никак нет, господин штабс-капитан! – синхронно рывкнули мы...

– Тогда – с нами Бог, господа!³¹ По машинам!

– С нами Бог, за нами Россия! – слитно донеслось из чрева уже раскручивающих лопасти «Сикорских».

– С Богом...

Вертолеты неслись над морем неотвратно и стремительно, друг за другом, словно русские гончие, что видят впереди зверя и выкладываются в последнем рывке. Мир для меня свелся к гудящему, вибрирующему мелкой дрожью, тускло освещенному чреву вертолета. Все как во время выпускного экзамена, когда нас ночью выбрасывали с вертолета в Финском заливе недалеко от берега, и добираться до Кронштадта как хочешь – но будь любезен прибыть на построение в установленное время. Сейчас же в руках был намертво зажат автомат, и это была не игра...

– Готовимся к штурмовому десантированию!

---

³⁰ Расчетное время прибытия.

³¹ Так в армии Империи было принято напутствовать уходящих на боевое задание.

Опасное решение – хотя приказы командира не обсуждаются, но все равно опасное. Штурмовое десантирование – это прыжок с небольшой, несколько метров, высоты на неосвещенную палубу корабля. Без веревки, безо всего. Бросок навстречу неизвестности...

В открытый десантный люк вертолета врывался ветер, у люка на откидном сиденье сидел снайпер, уже закрепивший в пулеметной турели свою «Стрелу» с тепловизорным прицелом. Хотя все понимали – стрелять по «Эдинбургу» нельзя, одна пуля, пробившая танк со сжиженным газом, и от нас не останется даже пепла – но так как-то ... надежнее, что ли...

– До цели одна миля! Заходим с кормы!

И тут в гарнитуре рации набатным звоном разорвалась чужая речь. Чужая – несмотря на то, что говорили по-русски...

– *Во имя Аллаха, милостивого и милосердного...*

– На, послушай! – Я протянул Али гарнитуру рации.

– *Мы, муджахеддины Фронта исламского освобождения, требуем от русских собак навсегда убраться со святой земли Мекки и Медины! Все, что сегодня свершится, будет последним предупреждением неверным псам, держащим в рассеянии и неверии многие миллионы мусульман! Аллаху Акбар!!!*

– Вниз! – заорал Али, перекрывая даже рев вертолетных двигателей; турок и мусульманин, он прекрасно понял, что произойдет дальше. – Вниз, к воде! Разворачивай вертолет!

Винтокрылая машина резко нырнула вниз и вправо, прижимаясь к воде – и тут горизонт осветился ярчайшей вспышкой – словно ночь легким мановением волшебной палочки превратилась в распятый солнечными лучами день. Испугаться я не успел – через секунду ударная волна швырнула многотонный вертолет как пушинку...

Бейрут, госпиталь ВМФ 25 мая 1992 года

Сознание вернулось внезапно, неожиданно. Сначала появился свет – белый, немило-сердно режущий глаза. Умом я понимал, что где-то лежу и глаза мои закрыты, – но свет все равно слепил меня, и не было от него спасения...

Стараясь отвернуться от этого света, я замотал головой, сморщился от резкой боли. Рядом кто-то крикнул: «Доктор! Доктор!» – но этот крик прозвучал, словно откуда-то изда-лека. Я хотел открыть глаза, посмотреть, где я и что со мной, но не смог – снова отключился, погрузился в спасительную тину беспамятства...

Второй раз я пришел в себя уже через час – на сей раз уже окончательно и бесповоротно. Время уже клонилось к закату, судя по лучам солнца, бьющим в палату через окно...

На сей раз я просто открыл глаза – я уже помнил, что произошло, прекрасно помнил. Помнил и ночное построение на палубе, и рев турбин «Сикорского», несущегося к захвачен-ному газовозу, и слепящий свет, который, казалось, был виден не через иллюминаторы, а через броню. Не знал я только одного – кто из наших остался в живых...

Повернув голову, я убедился, что по крайней мере один человек из моего нового экипажа точно жив – на соседней кровати, в больничной пижаме, поддерживая правой рукой закован-ную в лубок левую, сидел Али в боевой раскраске. В боевой раскраске – вся его физиономия представляла собой живописную картину из синяков, порезов и пятен йода. Заметив, что я повернул голову, Али соскочил с кровати, наклонился надо мной...

– Саня? Ты узнаешь меня...

– С трудом... – прокаркал я, слова буквально продирались через распухшее и пересохшее горло, – пить...

Вода была теплой, графин целый день простоял на тумбочке – но вкуснее воды я не пил давно...

– Турок³²... Ты что...

– Отдыхаю на больничной койке вместе с тобой. Кстати – ведь ты меня из тонущей вер-тушки вытащил, не помнишь? За мной должок...

– Я? – В голове была пустота, единственное, что помнилось, это яркий, выжигающий глаза свет, лучи которого пронзали иллюминаторы вертолета подобно мечам...

– Ты, Ворон³³, ты. Мы последние выбирались, вертушка уже под водой была, а у меня с рукой – сам видишь. Ты меня и вытащил...

– Не помню ни хрена...

– Вспомнишь. Всех нас прилично шарахнуло, правда, сейчас в госпитале только мы двое и остались. Остальные долечиваются...

– Ладно. А что вообще произошло?

– Они взорвали газовоз. Поняли, что до Бейрута им не дойти, и взорвали его прямо в море. Хорошо еще, что вертолеты у самой воды были, если бы ударная волна достала нас на высоте – сейчас бы мы с тобой не разговаривали...

– Так, получается, это ты нас всех спас?

– Да брось... Так вот – шарахнуло так, что достало «Колчак». Там все чуть с ног не попа-дали. Выслали спасательный вертолет, подобрали нас – нашли почти сразу. Вверху эскадрилья

---

³² Турок – таким был позывной Али, никакого национализма в этом не было, турок и турок. В Империи вообще, называя друг друга «русский» или «турок», просто констатировали факт, и не более того.

³³ Ворон – прозвище и позывной Воронцова в Севастополе до тех пор, пока его не стали считать предателем.

была, они с «Цесаревича» поднялись, их тоже ударная волна достала. В общем – вытащили нас и сразу в госпиталь...

– А где эскадра? Мы же на учения шли?

– Эскадра ушла на учения, они уже в районе Африканского Рога. А «Колчак» здесь, на траверзе болтается... Я слышал, нас временно на берег, в Бофор³⁴, списывают...

– С нашими что, с экипажем?

– Аллах миловал – только двоих потеряли. А в нашем экипаже все целы. Вертолет сразу в воду швырнуло. Взрыв такой был, что зарево даже с Бейрута хорошо видно было...

– Слушай, Али... – Мысли метались в голове, сформулировать вопрос было сложно, – скажи, какого черта им надо?

Но Али меня прекрасно понял...

– Есть разные люди, Ворон... Раньше у нас была своя страна, были султаны, беи... Сейчас этого нет – но есть Империя, которой служил мой отец и которой служу сейчас я. Многих это устраивает – но не всех. Есть те, кто готов проливать кровь братьев своих по вере. Есть и заблудшие души... Я вижу то, что я вижу – что русские не хотят вражды, что меня, внука офицера враждебной вам армии, приняли в армию, что я стал офицером, что моя сестра учится в русском университете. Что никто не запрещает нам молиться своим богам и почитать своих предков. Но не всех это устраивает. Я не знаю, как это объяснить...

Это действительно не объяснить нормальному человеку и нормальными словами...

– Мир? – Я протянул руку своему командиру экипажа, и он крепко пожал ее.

– Мир! Кстати, тут тебя письмо дожидается, в красивом голубом конверте. Я не набрался смелости его вскрыть и оставил до тебя...

Я резко дернулся, так резко, что помутилось в голове...

– Спокойно, спокойно... – Али вложил конверт мне в руки. – Сам вскроешь или помочь?

– Иди ты...

Mon sher, наконец-то я тебя нашла. Твой grandpapa наотрез отказывался говорить, где ты, но от меня не спрячешься, ты же знаешь.

По городу ползут ужасные слухи относительно того, что произошло там у вас. Рара был просто в ярости, когда ему доложили. Не хочу думать о плохом, не хочу верить предчувствиям, напиши так скоро, как только сможешь. Со мной все хорошо, грызу гранит науки и вымаливаю прощение. Пиши на адрес Кэти, она передаст.

К.

Я поднес письмо к носу, вдохнул тончайший, едва уловимый аромат дорогих духов. «Опиум» – ее любимые духи...

– Наверняка от дамы, где-нибудь в Петербурге тоскующей по своему возлюбленному...

– Тебя на дуэль³⁵ давно не вызывали? Слишком длинный нос у тебя...

– Какие дуэли, я же... – Али оборвал мысль, – а вообще, знаешь... Нам надо что-то решать, кто как – а я в этом странном госпитале долго оставаться не собираюсь...

– И тем не менее придется, сударь... – голос от двери возвестил о приходе доктора, – вставать вам тоже никто не разрешил...

Секретно

ЕИВ лично в руки

---

³⁴ Крепость Бофор – основанная еще крестоносцами огромная крепость, расположенная на скале. В крепости были расквартированы десантники и части особого назначения, в том числе и отряды боевых пловцов. В целом крепость представляла собой мощную и практически неприступную твердыню, основной узел обороны Южного Ливана в целом.

³⁵ Дуэли были строжайше запрещены, карались тюрьмой всем участникам, как дуэлянтам, так и секундантам, но особо горячих это не останавливало...

Тема: обстановка на Восточных территориях

...

Обстановка на Восточных территориях, входящих в состав Империи, характеризуется постепенным ростом напряженности, террористических и криминальных проявлений. Начиная с января сего года, специальной группой под моим руководством на месте проведен ряд мероприятий по изучению причин и возможных последствий нарастания террористической угрозы. Проведенными мероприятиями установлено следующее:

1. Террористическое движение, ранее разрозненное, в последнее время значительно консолидировалось. На Восточных территориях действует крупная шпионско-террористическая сеть, спонсируемая из-за рубежа. Отдельные группировки являются лишь ее звеньями и, несмотря на некоторые расхождения во взглядах, получают ассигнования и руководство из единого центра. Ассигнования заключаются в передаче денежных средств, оружия и информации, в обучении террористов на территории других стран, в предоставлении им убежища, в том числе на территории селтльментов.

2. Вызывает особое опасение тот факт, что в террористические действия вовлекается молодежь, средний возраст задержанных участников террористических группировок двадцать пять лет. Это связано с тем, что в отличие от старшего поколения молодое поколение не помнит жизнь, какой она была в доимперский период. Все возведенные сооружения, все блага, которыми она пользуется, она воспринимает как должное. Лидеры террористов умело разжигают межнациональную, межрелигиозную ненависть и сепаратистские настроения. При этом зачастую основным объектом нападения служат не русские, а евреи либо представители других арабских народностей. Это связано с тем, что места проживания русских охраняются казачьей стражей и многие русские на Территориях имеют боевое оружие. В этом случае присутствие русских войск преподносится как фактор, мешающий расправиться со своими давними врагами.

3. Положительным моментом является то, что сочувствие к сепаратистам проявляет в лучшем случае каждый пятый житель Восточных территорий, а во многих местах их поддержка, активная или пассивная, ограничивается десятью и менее процентами населения. Таким образом, если мы поддадимся на настойчивые предложения САСШ и Великобритании организовать народное волеизъявление по вопросу дальнейшего статуса Восточных территорий – большинство населения выскажется за дальнейшее их пребывание в составе Российской империи. С другой стороны – даже поддержки каждого десятого жителя территорий достаточно для поддержания террористической активности на опасном для государства уровне. Данные сведения были собраны в ходе длительной и серьезной работы на «арабской улице» и могут считаться достоверными.

4. Вопросы вызывает тот факт, что одновременно с ростом террористической активности в средствах массовой информации САСШ и Великобритании проводится серьезная агитационная кампания, имеющая основной целью вызвать сочувствие к целям и задачам террористов, представить их в роли «борцов за свободу» и способствовать отделению Восточных территорий от Империи на тех или иных условиях. Также в СМИ содержатся недопустимые выпады против самодержавной власти, предоставляется слово лицам, бежавшим из Российской империи от

уголовного преследования. Несмотря на то что Российская империя не находится в состоянии войны с САСШ или Великобританией, такие их действия носят явно враждебный и антироссийский характер.

5. Одновременно с количеством за последнее время выросла и общественная опасность совершаемых террористических актов. Если во второй половине восьмидесятых годов акции обычно проводились против отдельных должностных лиц гражданской администрации либо армейских чинов, то сейчас львиная доля терактов совершается в крупных городах и направлена на создание атмосферы страха и дестабилизацию ситуации в целом. Также имеют место попытки террористических атак на ключевые узлы инфраструктуры, прежде всего гражданской.

6. Последний террористический акт, предотвращенный благодаря действиям ВМФ и морской пограничной стражи, ранее немыслим и означает выход террористической угрозы на принципиально новый уровень. Захват груженого судна-газовоза и попытка взорвать его в морском порту Бейрута при успешном доведении этого замысла до конца означали бы гибель не менее ста тысяч человек, полное разрушение всей инфраструктуры порта и разрушение части города. Таким образом, работа всей нефтяной и нефтеперерабатывающей индустрии Восточных территорий была бы приостановлена на неопределенное время, а государству Российскому был бы нанесен миллиардный ущерб.

Для недопущения новых террористических атак и ликвидации террористической сети прошу высочайшего повеления на нижеследующие действия:

1. Немедленно начать вооружение казачьих войск на Восточных территориях за счет казны³⁶ по нормативам военного времени.

2. Ввести на всех Восточных территориях режим чрезвычайного положения и длить его до высочайшего повеления об отмене.

3. Блокировать территорию британских селтльментов силами армейских частей, организовать строжайший досмотр всех людей и грузов при входе и выходе с территории селтльментов.

4. В районах, где наблюдается наибольшая активность экстремистских элементов, отстранить от управления гражданскую администрацию, ввести военное управление. Рассмотрение дел, связанных с умыслами против государства, передать в ведение судов военного трибунала и вести их рассмотрение в ускоренном порядке.

Остаюсь верным Вашему Императорскому Величеству

Товарищ³⁷ министра внутренних дел

К. Цакая.

С пунктом 1 согласен, но только по легкому вооружению.

Остальное считаю преждевременным.

Александр.

---

³⁶ Казаки служили в армии в обязательном порядке три года и все это время снабжались за счет казны. Только стрелковое оружие, с которым они приходили в армию, они покупали за свой счет, и у них же оно оставалось после службы. Вне службы казаки в мирное время покупали оружие и снаряжение за свой счет, в военное время – оно выдавалось за счет казны со складов мобилизационного резерва.

³⁷ Соответствует нынешнему «заместитель».

Каха Цакая... Этот человек, назначенный еще императором Александром Четвертым, вот уже девятнадцать лет был товарищем министра внутренних дел, пережив на своем посту трех министров. В либеральной западной прессе его называли «цепным псом Империи» и «душителем свободы». Может, это и так. Но при всем при этом он был великолепным аналитиком и опытейшим руководителем, способным координировать действия спецслужб в самых патовых ситуациях. Получив от Государя согласие только по первому пункту своих предложений, он немедленно начал действовать. Причем легким вооружением он счел то, что можно унести или увезти на себе, а не только стрелковое вооружение. Поэтому весь конец мая казаки усиленно вооружались. Кроме стрелкового оружия и боеприпасов – а их выдавали по требованию, столько, сколько нужно, – Цакая распорядился выдать и многое другое – крупнокалиберные пулеметы, автоматические гранатометы, безоткатные орудия и даже зенитные установки ЗУ-23-2 на колесном ходу. Наверное, это и стало решающим фактором, предопределившим дальнейший ход событий...

Бейрут, крепость Бофор 06 июня 1992 года

Любой человек, кто первый раз попадал в крепость Бофор, не мог сдержать своего восхищения древним величием ее стен. Удивительно, но русская армия, организуя в этом районе сильно укрепленный район, умудрилась оставить в своем подлинном величии каменные стены крепости – только лес антенн над замком и стоящие на крутых склонах ряды боевых машин говорили о том, что сюда пришли новые времена...

Доктор кряхтел, недобро хмурил брови – но, в конце концов, дал нам «добро» на продолжение службы. Меня должны были выписать еще три дня назад – но я решил дожидаться Али и ехать к новому месту службы вместе. Что оно собой представляло – я не знал, только догадывался по фотографиям и рассказам преподавателей в училище. Старший лейтенант Веселаго, командир нашего учебного взвода в Севастополе, прослужил здесь более пяти лет и, когда был в хорошем настроении, любил вспоминать покрытые зеленью холмы Южного Ливана...

Южный Ливан и впрямь был красив. Основная экономическая деятельность в этом регионе приходилась на Бейрут, это был финансовый центр Востока, ходили даже разговоры, чтобы превратить Бейрут в город столичного значения – но дальше разговоров пока дело не шло. В целом же в Бейруте помимо отделений всех крупнейших банков (Первого Русско-Германского, Объединенного кредитного, Военно-промышленного и других) был построен один из крупнейших в мире портов и два огромных нефтеперерабатывающих комплекса, питающиеся от стратегического трансаравийского трубопровода³⁸. Практически вся восточная нефть, идущая на экспорт, экспортировалась через Бейрут, в глубь Империи она шла по нефтепроводам...

Оставшаяся часть Ливана была крестьянской – на скудной каменистой холмистой почве крестьяне выращивали виноград, где-то и пшеницу сеяли. Делали красное вино «Бекаа» – очень даже неплохое...

Крепость Бофор была одной из ключевых опорных точек оборонительной системы этих мест. Возводилась она еще крестоносцами, но сейчас в ней и вокруг нее располагался опорный пункт, в котором могли разместиться не меньше двух полков. Все холмы вокруг крепости были превращены в систему оборонительных укреплений, чудовищным трудом в каменистой земле отрыли капониры для самоходных гаубиц и боевых машин пехоты, выкопали блиндажи для личного состава. Но это было всего лишь прелюдией к системе обороны самой крепости.

Сама крепость была построена на высоком холме – увидев ее первый раз, я попытался прикинуть, какими же силами надо ее штурмовать – и не смог. Три-четыре этажа вверх и десять этажей вниз, в скальную породу, где немислимым трудом были выбиты и укреплены подземные этажи, бункеры, переходы, казармы, склады...

Ехать до крепости было тяжело – дороги в этой местности были не асфальтированными, а гравийными, да еще на «Егере»³⁹, образцом комфорта не являющемся. Пока машина преодолевала один крутой поворот за другим, карабкаясь по обрывистым, покрытым зеленью холмам, мы с Али думали о том, почему нас списали на берег – несмотря на то что врачебная комиссия сочла нас годными к службе. О том, что официально мы вычеркнуты из всех списков, из всех

---

³⁸ Трансаравийская трубопроводная система – огромный трубопровод (и в нашем мире тоже) в несколько веток, построенный так, чтобы экспортировать арабскую нефть через порт Бейрут. Однако после начала гражданской войны в Ливане и после появления у правителей стран, через которые проходит трубопровод, чуть что – останавливать прокачку, нефть стало выгодно отгружать танкерами, строить новые терминалы, несмотря на то что дороже. В Империи, конечно, такого произойти не могло, и ключевой экспортной трубой на САСШ и Британию была именно эта система.

³⁹ «Егер» – один из видов внедорожников, выпускаемых Империей в большом количестве. Довольно большой, в его кузове могло разместиться до девяти человек.

документов, мы и не подозревали. И о том, что посланное мною в Петербург ответное письмо даме моего сердца перехвачено на почтовом ведомстве, я тоже не знал...

Высадили нас у самого входа в крепость, и не успели мы оглядеться – как нас уже вызвали «предстать пред очи». Полковник Лопухин, военный комендант укрепленного района Бофор, изволили нас видеть...

Однако в тесном кабинете коменданта военных не было. В кабинете нас ждал довольно молодой на вид человек (лет сорок, не больше) в черном гражданском мундире. Кажется, я его даже где-то видел в петербургских салонах. Знаки различия на мундире указывали на то, что перед нами действительный статский советник Империи⁴⁰...

– Господа...

– Лейтенант Воронцов, ваше превосходительство! – отрекомендовался я

– Лейтенант Халеми, ваше превосходительство! – с заметным акцентом, проявлявшимся у него только тогда, когда он нервничал, поприветствовал незнакомца Али.

– Присаживайтесь...

Удивительно, но незнакомец нам не представился и не предъявил никакие полномочия – хотя я понимал, что без оных оказаться в кабинете коменданта базы, причем в отсутствие хозяина, он не смог бы никак. Похоже – либо разведка Генерального штаба, либо и вовсе – заграничный отдел...

– Господа, зовут меня Иван Иванович, называть меня «превосходительством» или каким-либо иным титулом не стоит. Кстати, вы не тот ли самый князь Воронцов...

Похоже, слава впереди меня бежит. Оскандалился...

– Тот самый... – неохотно подтвердил я.

Улыбка мелькнула на губах советника – и погасла, как гаснет огонек свечи под сильным порывом ветра...

– Перейдем сразу к делу, господа... Вам известно, что происходит в последнее время?

Вопрос был задан намеренно неопределенно, поэтому нам оставалось лишь признать в собственном незнании...

– Есть силы... – Иван Иванович говорил нарочито медленно, словно взвешивая на каких-то призрачных весах каждое слово, – которым крайне выгодно... инициировать отторжение от Империи территории всего Ближнего Востока... прикрываясь исламским экстремизмом и сепаратизмом. Мы считаем, что произошедший в последнее время взрыв радикального ислама... прикрывает намерение некоторых держав... утвердиться на Ближнем Востоке. С этим мы мириться не можем. Высочайшим повелением...

На этом месте Иван Иванович прервал свою речь, какое-то время помолчал, словно раздумывая – говорить ли ему дальше и посвящать ли нас в высшие тайны Империи.

– Высочайшим повелением указано предпринять все возможные меры для того, чтобы выявить и ликвидировать очаги экстремизма. При этом... разрешено применять те меры... применение которых ранее было под запретом. Поэтому... ваш первый экипаж отныне становится оперативно-боевой группой специального назначения, подчиненной лично мне. Извольте ознакомиться с приказом, господа...

Секретный приказ был подписан лично военно-морским министром⁴¹ Кокориным – я даже не поверил своим глазам. Чтобы военно-морской министр (!!!) подписывал документы, касающиеся всего лишь нескольких лейтенантов (!!!)

---

⁴⁰ Гражданский чин четвертого класса – не ниже начальника отдела в разведке, к которой этот самый господин, судя по всему, и принадлежал.

⁴¹ Военно-морское министерство, или Адмиралтейство, было самостоятельной структурой и в Министерство обороны не входило. У него были свои базы, своя авиация – как патрульная, так и авиакрылья на авианосцах, свои наземные части – морская пехота и много чего другого.

– Ваше... – начал было Али и тут же сбился – Иван Иванович недовольно повел бровью... – Иван Иванович... мы больше... не служим во флоте?

– Отнюдь, господа! – улыбнулся наш новый начальник. – Вы не только служите во флоте, вы отныне считаетесь участниками боевых действий. Как вы изволили убедиться, все чины, поименованные этим приказом, до особого распоряжения считаются откомандированными в распоряжение разведупра Главного штаба ВМФ. Поэтому и сроки присвоения очередных званий, и все виды довольствия отныне для вас считаются по правилам военного времени. Старлейские нашивки, господа, можете нашить уже завтра. Однако сноситься с родными и знакомыми по любому поводу и любыми средствами связи вам воспрещается до особого распоряжения...

Как-то непривычно – в армии звания присваивались торжественно, обмывались потом еще более торжественно, в офицерском собрании, с поздравлениями, с шампанским рекой, порой и с барышнями. А тут... Впотаек, как будто очередного звания нужно стесняться или в его присвоении нет ничего особенного. Запрет на общение с родными... Было еще одно маленькое «но» – какой смысл офицеру Генерального штаба надевать штатский мундир, если у него есть свой, военный. Похоже, все-таки заграничный отдел...

– В ближайшее время... – начал Иван Иванович, – мы должны, используя разведывательную информацию полиции, картотеку жандармерии, данные иных разведывательных служб, выявить и разгромить террористическую сеть, развернутую в этом районе. Вам что-нибудь говорит имя Осама Бен Ладен?

Али отрицательно покачал головой.

– Что-то читал в «Правительственном вестнике»... – вспомнил я, – кажется, была большая статья. «Злодеи не унимаются», верно...

– Верно... – и снова та самая, мимолетная улыбка. – Злодеи и в самом деле никак не унимаются. Одним из этих злодеев является Осама Бен Ладен, по нашим предположениям – агент разведки либо Британии, либо САСШ, либо обеих разведок сразу. Более того – мы считаем, что он может скрываться в британском сэттльменте в Бейруте, может также иметь подложные документы и прикрываться дипломатической неприкосновенностью. Выявление и ликвидация этого господина будет являться для нашей группы задачей номер один.

Вот это номера-с...

– Ликвидация – это... – осторожно полюбопытствовал я.

– Ликвидация – это ликвидация! – отрезал Иван Иванович. – Никто особо не опечалится, если в один прекрасный день этого господина найдут плавающим в воде порта Бейрут, который он умышлял взорвать, с пулей в голове! Я расстроюсь по этому поводу меньше всех прочих! Я ясно выражаюсь, господа?!

Вообще, нечто подобное было мне известно. В самой Империи ходили слухи, что существуют люди, решающие вопросы безопасности Империи именно таким образом. В заграничных газетах и англоязычном Интернете с завидной периодичностью появлялись статьи о том, что самодержавная власть Российской империи держится на убийствах, пытках и терроре. Что смертная казнь во многих случаях, когда нельзя применить ее по уголовному закону, просто заменяется на тайные бессудные расправы. Чаще всего такие дела связывались с именем тайного советника Кахи Цакая, несменяемого товарища министра внутренних дел Империи. Похоже, что хотя бы часть из того, что говорилось, была правдой...

Не сказать, что я боялся этого. Любой дворянин с детства и до гробовой доски является солдатом Империи – так учили в семье, такого поведения требовали все мои предки, все мужчины рода Воронцовых, живые и павшие. Да, это грязная работа – но именно поэтому ее

должны выполнять люди с понятием об офицерской чести и долге перед Империей. Гораздо хуже, если работу подонков будут выполнять подонки. Да и те, кто направил груженный газовой на спящий город, умышляя сжечь как можно больше спящих людей – и христиан, и мусульман, всех, – меньше всего заслуживают честного и справедливого суда...

– Где и как мы будем действовать?

– Действовать придется как в Бейруте, так и в его окрестностях, основные звенья террористической сети находятся в самом городе. Иногда будете действовать поодиночке, иногда – оперативно-боевой группой в полном составе. Каждый из вас отныне – человек, ведущий двойную жизнь. С одной стороны – вы приехали в Бейрут отдохнуть или по делам, возможно даже, делам темным, противозаконным. С другой стороны – каждый из вас солдат Империи, помнящий о своем долге! Извольте получить.

Иван Иванович подтолкнул в нашу сторону два толстых пакета из плотной крафт-бумаги.

– Там новые документы, ваше жалованье по гражданскому ведомству за полгода авансом, деньги на оперативные расходы. Жалованье по военному ведомству, равно как и денежная компенсация на все виды довольствия, будет перечисляться на ваши банковские счета. Оружие получите здесь, оно является трофейным, и отчитываться за него не нужно. Каждый из вас купит по автомобилю, подержанному, незаметному, соответствующие средства вложены отдельно в конверт. Снимете квартиры. Меня не ищите, я сам вас найду. К консульствам, к военно-морской базе – ни шагу, увидите знакомых – перейдете на другую сторону улицы. Все ясно?

– Так точно... – сказал я, хотя в голове был полный сумбур и катавасия...

– Тогда извольте исполнять. С нами Бог!

– С нами Бог, за нами Россия!

Бейрут, бульвар Корниш 08 июня 1992 года

За два прошедших дня моя жизнь, доселе текшая весьма размеренно (если можно считать размеренными вечеринки в петербургских шалманах), изменилась так круто, как я не мог и предполагать. За предыдущие годы Империя выковывала из нас клинок, пригодный для того, чтобы разить врага в войне, выковывала тщательно, с пониманием и даже любовью. Сейчас же мне предстояло сразиться в другой войне – войне темной и грязной, войне закоулков и задних дворов, войне, где шпаге предпочитают спрятанный в кармане нож, а вызову на честный поединок – подлый удар в спину...

Квартиру я снял легко – Бейрут интенсивно застраивался, арабские трущобы сменялись блеском тонированного остекления современных жилых комплексов, и желающих сдать комнату было предостаточно. Некоторые богатые купцы в Империи покупали несколько квартир в разных приморских городах, но жили там от силы пару недель в году, а в остальное время сдавали их всем желающим. Такую квартиру снял и я – во второй линии домов, рядом с широким прибрежным бульваром Корниш, который вполне даже соперничал с Ниццей и Монако. Квартирка была маленькой, поэтому и арендная плата была весьма разумной. Заплатил сразу за два месяца. Еще одним несомненным достоинством квартиры было то, что она располагалась на втором этаже, а ее окна выходили на пожарную лестницу. Можно было незаметно покинуть квартиру, а если совсем приплет – даже выпрыгнуть из окна.

Сняв квартиру, я с облегчением перетащил туда весь свой арсенал. Из Бофора мы ехали на арендованной машине, и первый раз я так боялся полицейского досмотра. Первый раз вез оружие, не имея на то никакого разрешения...

Оружие нам выдали не штатное и не российское – видимо, из соображений безопасности. Трофеи – но в хорошем состоянии и с достаточным запасом патронов. Позаботились...

Три пистолета, все три произведены на территории Германской империи. Модернизированный «маузер», старый, но надежный, с тяжелым стволом, со сменными магазинами на десять и на двадцать патронов, со съемным глушителем. Точно из такого пистолета я учился стрелять, точно такие же покупали себе многие офицеры для ношения вместо штатных. Несмотря на то что изобретен этот пистолет был больше девяноста лет назад – не устарел ничуть! А у меня еще была, судя по клейму, спортивная модель с особым качеством отделки. Патрон 9*25 «маузер», позволяет использовать этот пистолет даже на охоте. Впрочем, опасная охота мне как раз и предстояла...

Полицейский «браунинг» 1935 – тоже старая, проверенная временем модель. Тринадцать патронов, спуск легкий как перышко. Вполне можно постоянно носить с собой под одеждой.

«Вальтер» – компактная карманная модель, но под мощный девятимиллиметровый патрон. К нему прилагалась, кроме обычной кобуры, кобура в виде небольшой книги....

Вместо обычного для Империи «калашникова» мне выдали австрийский штурмкарабин «штайр-манлихер». Совершенно непривычная прикладка – магазин находится позади спускового крючка, а не как полагается – спереди. Оптический прицел в качестве штатного. Про себя решил, что нужно где-то с ним потренироваться.

Снайперская винтовка – «маузер», который применяется и в войсках Империи. Самая последняя модель, вполне соперничающая с британскими образцами – британцы и немцы всегда оспаривали титул производителя самых лучших снайперских винтовок в мире. По мне, так немцы все же были впереди...

И, наконец, старый знакомый – богемский «скорпион», один из немногих иностранных образцов, что стоит на вооружении Империи. Любимое оружие как террористов, так и военных, которым по штату не полагался автомат. С ним нас обучали еще в морском кадетском корпусе,

с ним я укладывал все тридцать пуль в мишень размером с дверцу машины одной непрерывной очередью. Глушитель, лазерный прицел – в комплекте, причем глушитель не самодельный, а фабричной выделки...

На следующий день после переезда в Бейрут я купил машину. Нужна была небольшая подержанная машина – но с мощным мотором и надежная. Значит – немецкая, промышленность Империи была сильна только в производстве внедорожников, которые покупали по всему свету, да роскошных лимузинов типа «Руссо-Балт». Обычные же транспортные средства для хороших дорог больше производили немцы...

На стоянке я колебался между «Пежо» и «Вандерером», но в конечном итоге не купил ни тот ни другой. Выбор мой пал на небольшой, но с мощным мотором экипаж производства Баварских моторных заводов – скромное купе светло-серого цвета, но с мощным, двухсоттридцатисильным двигателем. Такая машина не привлекала внимания в потоке, стоила недорого – с торговцем я договорился всего лишь за восемьсот золотых, – и в то же время на ней можно было и догнать кого угодно, и уйти от погони. В вечернее время, когда улицы немного пустеют, я опробовал машину и остался ею доволен...

Бейрут, улица эль-Мутанаби 10 июня 1992 года

Контора Ивана Ивановича – верней, даже не контора, целое страховое отделение «Первого общества страхования от огня»⁴² – находилась в одном из самых престижных старых кварталов Бейрута, в самом центре, в двух шагах от площади Орудий⁴³, на улице эль-Мутанаби, занимая половину старого, постройки еще прошлого века дома. Выглядела контора весьма мирно, если не замечать некоторых мелких деталей – например, бронированные сейфовые двери, два выхода на две разные улицы, пуленепробиваемые и покрытые зеркальной светоотражающей пленкой стекла. Впрочем, сему имелось разумное объяснение – как-никак в конторе принимали страховые взносы, и нужно было защищаться от грабителей...

С Али мы встретились у самого входа, удивительно – но нас было только двое, никто другой из нашего экипажа не пришел. Али переоделся, стал похож скорее на молодого местного армянина из богатой купеческой семьи, немалую долю торговли здесь держали армяне. Машину он тоже купил – подержанную «Альфа-Ромео», вызывающего ярко-красного цвета, и с гордостью подтрунил на ней. Восточный человек, что тут скажешь...

– Ты что, ничего неприметнее не мог выбрать?

– Если хочешь что-то надежно спрятать – поставь на самое видное место! – Али цокнул языком, точь-в-точь как местные купцы, и улыбнулся. Ну-ну...

– Пошли, что ли...

Я размышлял – как нам представляться, чтобы нас пустили внутрь, – но все мои раздумья оказались напрасными. Над дверью, видимо, была видеокамера, я даже не заметил где – но как только мы подошли ближе, приглашающе мигнул зеленый светодиод...

– Господа, открыто – лифт и второй этаж. Без церемоний...

Голос донесся из небольшого динамика, искусно встроенного в дверь. Дела...

Кабинет Ивана Ивановича и в самом деле оказался на втором этаже – удивительно, но лифт и полутемный коридор вели напрямую к нему, минуя даже присутствие⁴⁴. Видимо, для клиентуры был другой вход, если, конечно, тут была клиентура. Впрочем, о чем это я – конечно, была, загранотдел и жандармерия работать умели...

– Доброго здоровья, господа... – Иван Иванович поднялся из-за стола, поздоровался с нами по-арабски, двумя руками, – как, обжились на новом месте?

---

⁴² Такое страховое общество действительно существовало, как и многие другие. Вообще, в Империи страховых обществ было много, и жили они едва ли не богаче, чем банки. Русские купцы отличались осторожностью и предусмотрительностью и не упускали возможность застраховать свой товар и деловые риски. Первое страховое если и уступало знаменитому Ллойд, то ненамного...

⁴³ Площадь Орудий – на самом деле героическое и страшное место. Мало кто знает, что Бейрут с октября 1773 по февраль 1774 года был фактически в составе Российской империи и под контролем русского военно-морского флота. Так что местом действия своей книги Бейрут я выбрал не случайно. В честь этого площадь и была названа «площадь Орудий». В нашем мире, в тридцатые годы эта площадь была переименована в площадь Мучеников, в честь студентов, поднявших антитурецкое восстание и зверски убитых. Наверное, было бы лучше, если бы Бейрут и в нашем мире оставался русским. В нашем же мире, после того, как русские моряки ушли из Бейрута, ровно двести лет спустя, палестинцы, скооперировавшись с местной мусульманской общиной, развязали гражданскую войну. Площадь Мучеников, в самом центре города, стала частью разделительной линии между христианскими и мусульманскими общинами. После ожесточенных многодневных уличных боев весь центр города был сожжен дотла и разрушен. Единственная ассоциация, которая у меня возникает в голове, когда я смотрю на фотографии центра Бейрута того времени, – это Сталинград. Через несколько лет, в 1982 году, в Ливан вторглась израильская армия, и едва отстроенный город вновь был разрушен. И совсем недавно, в 2006 году, израильская авиация вновь бомбила Бейрут. Да, лучше бы российские моряки там оставались...

⁴⁴ Приемная.

– Благодарим! – коротко ответил я за нас обоих с Али, решив как можно меньше втягиваться в разговоры и сразу выяснить, что от нас требуется. Потому что непонятного до сей поры было много...

Видя мое серьезное лицо, Иван Иванович улыбнулся...

– На Востоке, господа, не принято сразу переходить к делам. Нужно сначала спросить о здоровье, о семье и о детях, обо всем прочем и только потом переходить к делам – иначе вы обидите собеседника и ничего от него не добьетесь. Это вам урок на будущее, господа, ибо вам здесь работать...

– Ваше превосходительство! – Я сознательно употребил титул, как бы ставя разговор в официальные рамки. – Я бы хотел узнать, когда и как нам будет позволено приступить к работе.

– Хорошо... – Иван Иванович снова улыбнулся, что начало выводить меня из себя, – но для начала, если уж вы так рветесь работать, я бы хотел узнать от вас – а как вы себе ее представляете, будущую работу. Вам дана задача – взять живым или мертвым некоего злодея, скрывающегося от вас – и не без посторонней помощи – в миллионном городе. Как вы будете действовать?

Мы с Али переглянулись, я не мог поверить своим ушам. Это что, какая-то проверка?

– Ваше превосходительство, мы офицеры флота и привыкли выполнять...

– И тем не менее, господа... – тон Ивана Ивановича вдруг сделался ледяным, – я хочу услышать от вас, как вы понимаете данную вам задачу и как вы видите ее исполнение. Если вам так проще – извольте считать это приказом!

До сего времени все мое знакомство с миром разведки ограничивалось романами, купленными в книжных магазинах. Да, я был разведчиком – но флотским разведчиком, а это совсем другое. Наш экипаж мог прикрепить мину к днищу вражеского корабля или заминировать военно-морскую базу неприятеля. Но искать скрывающегося террориста в малознакомом миллионном городе... увольте... не наша работа...

И тем не менее – что-то надо отвечать...

– Я полагаю, ваше превосходительство, – существует же картотека жандармерии, местного департамента полиции, разведотдела. Ведется какое-то наружное наблюдение за подозрительными... Исходя из получаемой информации...

– Мы и должны действовать... – закончил за меня Иван Иванович. – Великолепно, господа! Просто великолепно! Теперь извольте ответить на такой вопрос: для чего мне, со всеми моими картотеками, с агентурой полиции и жандармерии, с наружным наблюдением за подозрительными нужны вы двое? Только на сей раз подумайте, прежде чем отвечать. Хорошо подумайте. Иначе я весьма разочаруюсь в нашем военном образовании...

Али начал подниматься со стула – но я вовремя пихнул его в бок. Все понимаю, горячая кровь и честь наших *alma mater* нагло задета – но разбираться надо по-другому...

А и в самом деле – почему?

И тут я понял. Понял с такой отчетливостью, что стало страшно....

– Вы не можете никому доверять... И в полиции и в жандармерии враги...

– А вы как думаете, сударь? – Иван Иванович повернулся к Али

– Другого объяснения нет... – пожал плечами тот.

В кабинете наступило молчание. Тяжелое, такая тишина бывает перед грозой, когда гром еще не гремит, но черные тучи уже клубятся над головой и ощутимо холодает...

– Браво! Браво, господа! – Иван Иванович даже несколько раз хлопнул в ладоши. – Великолепно! беру свои слова назад насчет военного обучения – сейчас я убедился, что оно ничем не хуже гражданского! Браво!

– То есть – мы правы?

– Вы даже не представляете насколько, – помрачнел Иван Иванович. – То, что только что сказали вы, сударь, я долго и безуспешно доказывал в Санкт-Петербурге, дошел даже до...

В общем, неважно – но все это считали паранойей. И только после того, как газовоз «Эдинбург» едва не протаранил порт – впрочем, мне ли вам об этом рассказывать, – наверху поняли, насколько все далеко зашло. И поняли, какие меры надо предпринимать, чтобы спасти ситуацию...

– Вы имеете в виду аргентинский вариант⁴⁵? Эскадроны смерти?

– Отнюдь, господа. Я знаю аргентинский опыт, причем не понаслышке – но в Империи он неприменим. Массовый террор такого масштаба, как учинили в Аргентине, недопустим, он разлагает как общество, так и саму армию. Вы должны будете давать мне отчет в своих действиях, господа, – это одно из основных и непереносимых условий работы.

– В чем же будет заключаться наша работа?

– Для начала я расскажу вам кое-что, чтобы вы понимали, где и как вам предстоит работать. Всемогушество полиции и жандармерии, воспетое даже нашими поэтами, – на самом деле преувеличено. По меньшей мере, здесь, на Территориях. Да, есть доверенные лица⁴⁶, есть опытные оперативники. Но надо учитывать, господа, что на Территориях девять полицейских и жандармских чиновников из десяти местные, пусть даже и учившиеся в России, но все равно – местные. И среди них есть те, кто тайно ненавидит нас, кто оказывает помощь террористам. Их немного – по моим предположениям, каждый двадцатый, – но они есть, и их тайная измена обесценивает работу оставшихся девятнадцати честных людей. Как вы думаете, где может скрываться интересующий нас субъект?

– Да где угодно... – пожал плечами Али, – в городе, в пригородах...

– И опять правильный ответ! – поднял палец Иван Иванович, напомнив мне нашего преподавателя специальной тактики в Санкт-Петербурге, капитана второго ранга Тищенко, у него была такая же манера. – Он действительно может быть где угодно! Местная полиция и жандармерия оправдывают свою оперативную беспомощность наличием в городе британского сэттльмента и большим количеством иностранцев. Но это же чушь собачья! Сэттльмент имеет только три выезда, все три можно элементарно взять под постоянный контроль. Да и невозможно, отсиживаясь в сэттльменте, управлять террористическим подпольем, готовить новые злодеяния. Все террористы скрываются где-то в городе, я в этом положительно убежден!

– Но что можем сделать мы? У нас нет опыта оперативной работы, вообще никакого...

– Как ни странно – многое, господа. У вас хорошая базовая подготовка, вас учили как профессиональных флотских разведчиков, учили выживать во вражеском тылу, в самых экстремальных условиях. Вы, милейший господин Воронцов, и вовсе проявляли чудеса изобретательности во время некоторых ваших эскападов в Санкт-Петербурге, даже пробирались в известное вам здание за городом, минуя все рубежи охраны. Подозреваю, что даже Его Императорское Величество не все знает...

А это-то ему откуда известно? И ведь говорит про бессилие жандармерии, подлец. Воистину, у каждого – хоть заплатка голубая⁴⁷, но имеется...

– Теперь я хочу, чтобы вы применили все свои умения и весь свой опыт на благо государства Российского! – Иван Иванович махнул рукой, предупреждая уставной ответ в таком случае. – Если так разобраться, то у вас, у вашей пары, есть неплохие шансы выполнить задачу. Вы оба – военные разведчики, господин Халеми к тому же мусульманин и может спокойно сойти за своего в мусульманских кварталах. Ни одному полицейскому, ни одному жандарму про вас ничего не известно. Вы – никто, вас нет ни в чьих расчетах, вас никто не может предать

---

⁴⁵ Аргентинский вариант – существовал и в нашем мире. Великолепно созданная система политического террора. Группы армейских офицеров, завербованные своим руководством, сводились в пятерки, причем участник такой пятерки знал только своего вербовщика, членов пятерки и никого больше. Эти пятерки похищали и уничтожали «коммунистов, социалистов и других врагов нации», причем не докладывая о своих действиях никому, даже начальству, и действуя полностью автономно.

⁴⁶ Термин, обозначающий агентуру.

⁴⁷ Мундиры жандармерии были голубого цвета, именно на это и намекает князь Воронцов.

– потому что никто ничего про вас не знает. Вы – всего лишь страховые агенты, которые суют нос повсюду, как и полагается страховым агентам. Никто не сможет сообщить о том, что вы вышли на охоту!

– Но мы же должны с чего-то начинать?

– Я дам вам диск. На нем – досье на всех установленных на данный момент активных членов террористических организаций и на всех установленных разведчиков, действующих в городе. И на этом все!

– А агентура?

– Никакой агентуры. Всю работу придется делать с нуля, опираясь только на данные досье. Я не могу дать ручательство, что полицейская и жандармская агентура надежна. Часть явно работает в обе стороны.

Великолепно...

– Ваша основная задача – верхушка Аль-Каиды. По нашим данным, действиями Аль-Каиды в городе руководит некий Мохаммед Атта, один из ближайших сподвижников Бен Ладена. Он даже более приоритетная цель, потому что Бен Ладен – теоретик, Атта – практик и организатор террора. И последнее! Помимо досье... – через стол переехал компакт-диск в дорогой упаковке с обложкой из чистой кожи и логотипом известного оперного певца ... – на диске находится процедура связи со мной, обычная и экстренная. Через три дня извольте явиться с докладом о проделанной работе. На этом – все.

– Ну что? Пошли воевать за правое дело?

– Пошли сначала пообедаем! – пробурчал я, осматриваясь по сторонам. – Не знаю, как ты, а я – проголодался...

Кафе мы нашли на противоположной стороне площади, народу там сейчас – середина рабочего дня – было относительно немного, поэтому столик мы заняли, какой хотели – в самом углу и у стены. В отличие от того же чинного Санкт-Петербурга, где кафе почти не было, а были рестораны, здесь было все по-простому – столики выставлялись прямо на улице, под тентами, кухня располагалась на первом этаже прилегающего дома, на втором обычно проживала семья ресторатора. Кафе было греческим – вообще в этом городе семнадцати религий можно было найти заведение, где подавали блюда любой кухни мира...

– Закажешь?

– Тебе чего?

– Того же, чего и тебе. В греческой кухне я не понимаю ни черта...

Кивнув, Али ушел к дому, возле которого располагалось уличное кафе, о чем-то переговорил с хозяином, через несколько минут вернулся с тарелками, на которых было странного вида кушанье...

– Это что такое? – подозрительно спросил я.

– Мусака. Остальное чуть попозже принесут. Вкусно, пробуй...

Подождал, пока Али начнет есть первым, затем попробовал и сам. Необычно, конечно, – но вкусно...

– Что делать будем? – спросил Али, когда от мусаки остались одни воспоминания, а нам принесли горячий, невероятно крепкий, заваренный по-турецки кофе...

– Так это ты мне скажи, Али, – ты же правове́рный. Вот и скажи – где может спрятаться другой правове́рный в городе, где у него нет дома...

– Да где угодно...

– Да не где угодно. Где угодно нельзя. Нужно место, где его всегда приютят, где его никто не выдаст...

– Постой-ка... – Али отставил чашку – кажется, я понял. Ты натолкнул меня на мысль!

– Какую?

– Он прячется в мечети! Конечно же, в одной из мечетей! Идеальное место! С одной стороны – туда не войдут ни полиция, ни кто другой, не являющийся правоверным мусульманином. Есть мечети, являющиеся историческими памятниками, туда пускают неверных за плату – но во многие мечети неверным вход закрыт!

– Тише! – сказал я, останавливая разгорячившегося Али. – Говори тише, мы на улице.

– Если так разобраться ... – Али перешел на шепот, – то это может быть только мечеть. Согласно хадисам⁴⁸ любой мусульманин, оказавшийся в чужом городе и которому некуда пойти и негде переночевать, имеет право переночевать в мечети. Ни один мулла, как бы он к кому ни относился, не имеет права закрыть в такой ситуации дверь перед правоверным. Кроме того – через мечеть постоянно проходят толпы верующих, во время намаза⁴⁹ можно передать деньги, инструкции, согласовать действия. И никто ничего не заподозрит. Идеальное укрытие!

Я подумал. Ничего другого в голову мне не приходило – значит, нужно было отрабатывать предположения Али.

– И как проверить мечети?

– Никак! – отрезал Али. – Даже мне, правоверному мусульманину, не позволено будет войти во внутренние покои мечети. Если я буду ходить по разным мечетям, даже если и не высматривать ничего, а просто совершать намаз каждый раз в другой мечети – это вызовет серьезные подозрения. Тем более что каждая мечеть принадлежит конкретной умме⁵⁰ и там все друг друга знают. Ты же, даже если просто будешь шататься без дела вокруг мечети в мусульманском квартале, можешь попасть в беду.

Здравствуйте, приехали. От чего или, к тому и пришли...

– Вообще никак?

– Никак! – твердо повторил Али. – Совсем никак. Только засветимся.

Я отхлебнул совсем остывший кофе. Какая-то мысль вертелась в голове еще со времен разговора с Иваном Ивановичем ...

– Слушай... А остальные наши где? Ведь если мы работаем автономно – может получиться так, что мы друг другу помешаем...

– Наши? – скептически хмыкнул Али и тут же поправился, вспомнил. – Извини... Про наших я знаю не больше, чем ты...

И тут мысль родилась, да не просто родилась – засияла во всей красе! И именно эта насмешка Али помогла мне понять, что мы должны дальше делать!

– Как ты меня назвал?

– Когда?

– Сейчас ты хмыкнул, когда я сказал «наши». Помнишь, на корабле ты меня называл предателем...

– Извини, Ворон, – Али приложил руку к сердцу, как это делали турки. – Честное слово, извини. Просто забыть сложно, как ты наш курс на Питер променял. Мог бы и остаться...

– Да прекрати ты извиняться! Ты назвал меня предателем – но это же гениально! Именно это мы и должны сделать!

– Тише ты! – теперь настала очередь Али одергивать меня. – Ты о чем? Что мы должны сделать?

– Предать! Нам – верней не нам, а тебе – для того, чтобы тебе поверили, нужно стать предателем!

---

⁴⁸ Хадисы – сборник высказываний пророка Мохаммеда и его ближайших сподвижников, не вошедших в текст самого Корана.

⁴⁹ Намаз – молитва в исламе, совершается пять раз в день.

⁵⁰ Умма – община верующих в исламе, основная ячейка исламского общества.

– Ты в своем уме? – недобро глянул на меня Али.

– В своем! Такого никто не ждет! Здесь привыкли к тому, что местные кадры могут предать! Предают полицейские, жандармы – почему не может предать флотский офицер?!

– Потому что он давал присягу, черт тебя дер!

Я резко тормознул, по лицу Али понял, что из моего замысла он не понял ровным счетом ничего, а я, если буду продолжать в том же духе, могу запросто получить по физиономии...

– Давай-ка пересядем в машину. В мою, если не возражаешь...

Бросив на стол несколько монет – обед здесь был раза в три дешевле, чем в Санкт-Петербурге, – мы перешли улицу, расположились в моем экипаже. В тесноте, но не в обиде. Я покрутил рукоятку магнитолы, увеличивая громкость звука. Проигрывался диск с классической музыкой – Леонкавалло, «Паяцы»...

– Теперь слушай меня! Внимательно слушай и, прежде чем ответить – думай! Ты мусульманин, верно?

– Верно... – Али непонимающе смотрел на меня

– Ты мусульманин с детства, и твой отец мусульманин, и все твои родственники – тоже мусульмане, ведь так?!

– Так. Мой отец даже хаджи⁵¹...

– А теперь ответь, Али, – только прежде, чем ответить, подумай очень и очень хорошо. Если ты, мусульманин и сын хаджи, придешь к террористам и скажешь, что не можешь больше смотреть, как русские угнетают истинную веру, что не можешь больше жить в безверии и служить русским, – скажи, Али, они тебе поверят?!

Прежде чем ответить, Али долго смотрел куда-то перед собой...

– Да, Ворон, поверят... – наконец глухим голосом сказал он. – Ты умный, ты хорошо мыслишь. И ты хорошо знаешь мусульман. У мусульман верность истинной вере, верность Пророку никогда не будет подвергнута сомнениям. Поэтому, если я приду и скажу так – они мне поверят. Поверят... Но могут потребовать доказать свою веру делом, вступить на путь джихада, пронести взрывное устройство на корабль, например. И что мне тогда делать?

– Сдать меня! – твердо сказал я

– Что?!!

– Сдать меня, другого выхода нет. И рассказать правду о том, чем нам приказали заниматься.

Али молча смотрел на меня...

– Ты должен сказать – не вдаваясь в подробности, – что русские задумали истребить всех мусульман, идущих по пути джихада. Не задержать, не осудить – именно уничтожить, перестрелять как бешеных собак. Ответить террором на террор, кровью на кровь, смертью на смерть. Ты служил в русском флоте, и тебе как офицеру спецподразделения дали такой приказ – искать и уничтожать. Убивать тех, кто несет мусульманам слова Аллаха, свет истинной веры, убивать на людных улицах и в тихих переулках, ночью и при свете дня. Ты должен назвать не только свое – но и мое имя. Сказать, что твой друг по училищу, князь Александр Воронцов из рода Воронцовых, тоже получил в руки оружие и приказ. Ты не можешь выполнять этот приказ, убивать своих братьев – а я могу, ибо они мне не братья, они даже не преступники. Они враги. И я буду убивать – пока останется хоть один из них, я не остановлюсь...

– Тебя же убьют... – Али смотрел на меня, не в силах поверить тому, что я говорю. – Они найдут тебя и убьют!

– Не убьют. Скажи, что вся информация – в том числе об агентуре полиции в рядах исламского подполья, о предателях в их рядах – известна лишь мне. Ты – на подхвате. Тебе

---

⁵¹ Хаджи – тот, кто совершил хадж, в умме таких людей очень уважают. Отличается белой повязкой на чалме...

не доверяют, потому что ты не русский. В этом случае им нужно будет взять меня живым и только живым – чтобы получить эту информацию. А меня взять живым не так-то просто.

– Ты не знаешь, о чем говоришь. Тебе известно, кто такие хашишины⁵²?

– Люди старца горы?

– Его самого. Многие думают, что Хулагу-хан, внук великого воина Чингисхана, истребил их – всех до одного. Но это не так, поверь мне, я знаю, что говорю. Они существуют и по сей день, они – часть исламского подполья. Эти хашишины убивали еще крестоносцев, пришедших, чтобы отбить Гроб Господень из рук правоверных. Никто и ничто не может спасти от хашишинов. Скорее всего, за тобой придут именно они...

– В три года... – спокойно ответил я, – я остался без отца, меня воспитывал дед, тогда еще капитан первого ранга. В три года я первый раз встал на палубу корабля, в четыре года – взял в руки оружие и начал учиться стрелять. Мой прадед командовал эсминцем при прорыве в Скапа-Флоу и приказал вступить в бой с броненосцем, который по размерам был в три раза больше его корабля. Он шел на смерть, но шел на смерть прямо, не сгибаясь – и погиб в бою, оставшись верным офицерской присяге и чести. Ты веришь в то, что ушедшие смотрят на нас с небес, Али? Вот я – верю. Никогда и нигде Воронцовы не отступали перед лицом опасности – и я не буду первым, кто трусливо отступит перед опасностью.

– Ты не знаешь, о чем говоришь... Хашишины...

– Это всего лишь люди, Али. Кем бы они ни были – это всего лишь люди. Может, они фанатичны, беспощадны и хорошо подготовлены – но я офицер и дворянин Российской империи. Я с детства готовился воевать, защищая свой дом и свою страну. Меня сложно будет взять даже мертвым – не говоря уж о том, чтобы взять живым...

– Бред полный... – Али с раздраженным, даже скорее раздосадованным видом откинулся на спинку сиденья машины, не в силах осознать сказанное, понять до конца замысел.

– Не бред. Если мы будем изображать из себя кого-нибудь другого, работать под чужими именами – играть в сыщиков и воров, в общем – нас разоблачат и очень быстро. Здесь целый департамент полиции, управление жандармерии, военные – кого только нет. И все играют в сыщиков и воров, и ничего сделать они не могут! Мы должны не играть, мы должны быть теми, кем мы и являемся. Как можно ближе к правде! Я – русский офицер и дворянин, готовый пойти на все ради защиты своей страны, даже на самое страшное. Верность стране – вот моя офицерская и дворянская честь. Меня долго готовили, лучшие кузнецы страны ковали смертоносный клинок – и теперь он покинул свои ножны, дабы разить врагов без жалости и без пощады. В этом – правда!

А ты – да, ты русский офицер и мой друг. Но, кроме верности дружбе и присяге, есть еще третья верность, которая сильнее всего и которая в твоем случае противоречит двум другим. Верность Аллаху, верность истинной вере. Ты не можешь смотреть, как твой друг убивает твоих братьев, как русские убивают и угнетают твоих братьев. То, что тебе приказали взять в руки оружие и убивать, убивать подло и грязно, стрелять в спину безоружным, стало для тебя последней каплей. После этого ты понял, что твое место – в умме, не во флоте. Ты понял, что живешь несправедливо, ты не живешь, как должен настоящий мусульманин, не идешь по пути к Аллаху. Ты не хочешь предавать меня – но ты хочешь предупредить своих братьев о смертель-

---

⁵² Хашишины (ассасины) – на территории Ирана в VIII–IX веках в рамках Суфийского тариката Накшбандийа возникло достаточно странное явление: молодых людей брали в закрытые школы и, накачивая гашишем, создавали им иллюзию райского мира, помещая среди гурий, в садах. Одновременно с тамошней тогдашней техникой промывания мозгов так или иначе их зомбировали. И во времена халифата они использовались для решения политических задач: это были фанатичные убийцы и террористы. Этот орден так и назывался – Орден Хашишин, переводится – Гашиш (гашиш использовался как психотропное вещество, с помощью которого можно было воздействовать на сознание). Кстати, французское слово «assassin» – убийца, которое впоследствии переняли многие языки мира, напрямую происходит от «хашишин». Считается, что данный орден был полностью уничтожен войсками Хулагу-хана, внука Чингисхана. Но это не так. Хашишины, наряду с древнееврейской сектой сикариев, считаются основоположниками политического терроризма.

ной опасности, нависшей над ними. Вот кем ты должен быть – и в этом тоже много правды, ведь скажи. Если ты скажешь, что не хочешь играть в эту игру – я тебя пойму. И не обижусь...

– Кто из вас это придумал? – Глаза Ивана Ивановича перебегали с одного из нас на другого. Первый раз видел, как наш начальник удивился – когда мы появились вновь в его кабинете, меньше чем через три часа после того, как вышли оттуда...

– Я, ваше превосходительство...

Иван Иванович молча рассматривал меня, видимо, не зная, что и сказать...

– Сами придумали?

– Знаете... – я на мгновение задумался, не зная, говорить или нет, – еще когда я учился в училище, я написал несколько романов. Под псевдонимом. Кое-что даже опубликовали. Этот ход я придумал еще тогда – и, по-моему, его стоит воплотить в жизнь сейчас...

– Под псевдонимом... – Иван Иванович перешел на «ты», – ты хоть представляешь, что ты на себя берешь? И на что обрекаешь своего друга? Ни один из вас не имеет опыта – но ты хочешь обратиться мишенью, твой друг должен пойти в банду под прикрытием. Вы хоть представляете всю серьезность того, что предлагаете?

– Если бы не представлял – не предлагал бы... На самом деле это не так уж и опасно. Большую часть времени я буду проводить на «Александре Колчаке», там мне знакома каждая заклепка, я всех знаю, и все знают меня. Проникнуть туда постороннему будет чрезвычайно сложно. И Али тоже большую часть времени будет проводить там. На охоту буду выходить, либо десантируясь на берег с резиновой лодки, либо и вовсе – с аквалангом. Но они должны будут открыться, просто не смогут не открыться – ведь опасность будет висеть над каждым из них. Местонахождение нескольких рядовых членов организации установить несложно. Два-три трупа в темных переулках – и каждый сможет себе представить, что смерть уже стоит у него за спиной, ждет своего часа...

На рейде порта стоит авианосец, а на его борту, в его стальных коридорах затаилась смерть – по ночам она выходит в город. На охоту. Когда она придет за тобой? Сегодня? Завтра? Сколько еще человек получило приказ убивать? И кто сможет выдержать постоянное ожидание смерти? А заставить их действовать, действовать в спешке и не по плану – главная задача, только в этом случае они могут совершить ошибку. И тогда можно будет накрыть их всех, всех до последнего человека...

– Я не могу сам принять такое решение, – проговорил Иван Иванович после долгого и тяжелого – хоть ножом режь – молчания. – Я должен телефонировать в Санкт-Петербург, даже не телефонировать, а побывать там, причем как можно быстрее. Телефону такое доверять нельзя, только личная встреча и как можно скорее... Если это одобряют – то как операцию стратегического уровня. Кому-нибудь еще рассказывали об этом?

– Никак нет.

– И не рассказывайте ни под каким видом. Сейчас ваше молчание – это ваша жизнь. Отправляйтесь по домам, встреча, как и планировали, – через три дня. Ничего самостоятельно не предпринимать, ни единого шага! Поняли?

– Так точно!

– Тогда – все! Ни слова, ни звука, даже ни мысли – пока я не вернусь...

Шотландия, замок Балморал 10 июня 1992 года

Королевский замок Балморал был относительно новым – по британским меркам – и комфортабельным. Построен он был в 1852 году на берегу реки Ди как летняя резиденция Виндзоров в старошотландском готическом стиле. Неизвестно, почему Виндзорам не понравился старинный Эдинбургский замок, бывшая резиденция поверженных шотландских королей, но факт остается фактом – в древний Эдинбургский замок заглядывали лишь молодые принцы династии, посмотреть на регалии старых времен. А конец лета королевская семья уже больше века проводила в новопостроенном замке Балморал.

Все же остальное время года замок пустовал. Там даже проводились экскурсии – с середины апреля по середину июля, что позволяло хоть немного возместить расходы на содержание замка – хотя осведомленные люди прекрасно знали, что денежные затруднения правящей Виндзорской династии не более чем миф. А также – это позволяло показаться перед своими подданными более демократичными, чем это есть на самом деле.

Однако несколько дней назад произошла серьезная неприятность. В замке прорвало систему водоснабжения, не знавшую ремонта уже лет пятьдесят. Прорвало как назло на втором этаже, вода хлынула сплошным потоком, заливая дорогие ковры ручной работы, и смотрители едва успели отключить водоснабжение – вода уже просачивалась на первый этаж, капая на висящие на стенах полотна старых мастеров. Водоснабжение отключили, все туристические экскурсии, естественно, отменили. Водопроводчики, срочно вызванные в замок, смотрели на пожелтевшие от времени чертежи системы и чесали в затылке – починить водопровод в замке – совсем не то же самое, что в каком-нибудь бизнес-центре. Но пару дней назад и их попросили ненадолго удалиться, не объяснив причину...

С утра, десятого июня, шел дождь. Даже не дождь – скорее мелкая, промозглая морось. Дождь даже не шел – он висел в воздухе, окутывая холодной пеленой старинный замок. Небо, казалось, вот-вот сомкнется с землей и поглотит и замок, и идеально подстриженный газон, и лесистые холмы – все поглотит серая мгла...

Гости съезжались. В Британии ценят пунктуальность, поэтому каждый являлся ровно во столько, во сколько ему и было назначено – плюс-минус минута. Каждый гость приезжал один, на взятой напрокат машине – многие не садились за руль уже несколько лет, но тут делать было нечего. Ни одного лимузина – подержанные «Восхоллы», «Роверы» – те самые машины, на которых разъезжает британский рабочий класс. Все гости, оставив машины на гостевой стоянке, поднимались в замок, где получали от дворецкого – больше похожего на военнотружущего специального подразделения, зачем-то напялившего на себя дурацкий черный фрак, – стакан горячего глинтвейна со специями и ключ от комнаты, где можно было хоть немного просохнуть...

Несмотря на то что большая часть приехавших была американцами, господствовали в фонде все же британцы. Тому было много причин. Основной являлось само британское государственное устройство, которому в САСШ, стране, живущей в условиях демократии, многие втихую завидовали. Если в Соединенных Штатах Америки каждые четыре года происходили выборы, каждые восемь, а то и четыре года к власти приходила новая управленческая команда, некоторые члены которой в политике понимали не больше, чем людоед в высокой кухне, то в Британии было совсем не так. Стабильность в Британии держалась на двух столпах – королевской власти – а король (или королева), несмотря на то что по закону «царствовал, но не правил», на самом деле вносил немалую лепту в управление страной. И второй институт, свойственный только для Британской и частично для Российской империи – институт постоянных заместителей министров. Всего их было пять – постоянные заместители секретаря

кабинета министров, министра иностранных дел, внутренних дел, обороны и финансов⁵³. Кое-кто называл этих людей «мудрецы», неофициальное название прижилось и стало почти официальным. На сегодняшний день трое из них – сэр Антони Браун, постоянный заместитель министра иностранных дел, сэр Томас Галифакс, постоянный заместитель министра обороны, и сэр Кристиан Монтгомери, постоянный заместитель премьер-министра, – присутствовали в этом замке. Именно они были тем «малым кабинетом», который во многом и определял политику Великобритании – не сиюминутную, формирующуюся в Уайтхолле и на Даунинг-стрит – а постоянную, на десятилетия вперед.

Представлял для североамериканцев предмет зависти и имперский опыт Британии. Если Североамериканские Соединенные Штаты начали активную имперскую политику только на заре этого века, постоянно сталкиваясь в зоне своего влияния – Латинской Америке – с большим количеством неприятных эксцессов – взять хотя бы с трудом подавленное восстание на Кубе в середине века, – то британцы обладали многосотлетним опытом управления поверженными народами. Даже будучи всего лишь небольшим островом, Британия владела территориями, в десятки раз превышающими ее собственную. И как владела! Ее подданные, вместо того чтобы резать британских угнетателей, в основном резали друг друга, а британцы большую часть времени и вовсе находились над схваткой. В восемнадцатом-девятнадцатом веках им удалось уничтожить опаснейшего конкурента за мировое господство – Францию, чуть раньше были повержены Голландия и Испания. Теперь же речь шла о другом государстве – о России, к которой британцы испытывали лютую, тщательно культивируемую ненависть.

Всего собралось тридцать человек – представлявших собой теньевую власть как в САСШ, так и в Великобритании. Эта организация существовала уже давно, первые ее заседания прошли в конце прошлого века, и ставила своей целью она распространение принципов демократии во всем мире. То, что в самой Великобритании демократией и не пахло, а в САСШ демократия была только на словах, участников организации не волновало ни в малейшей степени – воистину в своем глазу не замечаешь и бревна. Да и пустопорожние слова о демократии, свободном выборе, освобождении угнетенных преследовали собой одну, тщательно скрываемую цель – перекройку всего мира по англо-американскому образцу.

Первоначально у организации не было названия – но как-то ее называть надо было. Поэтому решили называться по названию крупнейшего фонда, находящегося под контролем организации – Фонда Свободы. Организация была построена по принципу рыцарского ордена, и название ей дали – Орден Свободы.

Немного обсохнув и поправившись горячим глинтвейном, члены организации собрались в каминной – места там для тридцати человек хоть и в обрез, но хватало. Было даже место для выступающего – по традиции он выступал, стоя у горящего камина. Мечущееся в камине пламя отбрасывало свои блики на выступающего и его слушателей, внося в картину что-то мистическое, дьявольское.

Поправив полы долгого черного фрака, к камину вышел лорд Галифакс – относительно молодой для постоянного заместителя министра, всего пятьдесят три года. Перед тем как выступать, он нагнулся к камину, протянул руки к пламени, благодарно принимая живительное тепло – в комнате он так до конца и не согрелся. После чего проверил стоящий на старинном столике диапроектор, нажал на кнопку, запуская первый слайд, – и повернулся к выступающим...

– Перед вами, господа, – Санкт-петербургские адмиралтейские верфи. То, что вы видите, – это два новейших сверхтяжелых авианосца, строящиеся для Российского флота. У

⁵³ В Российской империи – три, постоянные товарищи министра обороны, министра внутренних дел и министра финансов.

Российской империи и так уже десять авианосцев – это у континентальной державы, которой они не особо и нужны – теперь их, судя по всему, будет двенадцать...

– Слишком большие... – пробормотал кто-то из зала.

– Это самые крупные авианосцы в истории, господа! – отчеканил Галифакс. – По нашим данным, на каждом – три атомных реактора и многократно дублированная система управления. Каждый из них способен нести сто двадцать тяжелых истребителей. И это не считая пусковых установок противокорабельных ракет, которые русские ставят на любой корабль, даже на авианосец. И это не считая мощной системы ПВО, благодаря которой этот авианосец может действовать без надводных кораблей прикрытия. Как думаете, господа, – зачем континентальной державе два сверхтяжелых авианосца в дополнение к уже существующим десяти?

На самом деле Россия не собиралась увеличивать количество своих авианосцев, собиралась Германия. У Германии на данный момент было всего четыре авианосца, хотя нужно было, по всем расчетам, – минимум шесть, а еще лучше – восемь. Но денег не было – слишком большие средства отнимала Африка и европейские протектораты. Ведь в европейских протекторатах не было армии, и всех защищала германская армия. Поэтому Германия заключила с Россией соглашение – Россия строит для себя два новых тяжелых авианосца, а после того, как они войдут в строй, продаст Германии оба авианосца с Балтийского флота, одному из которых было девять лет от роду, а другому – двенадцать. По меркам военно-морского флота, оба корабля – совсем новые, но цена уже шла как на подержанные. Россия же получала работу для своих корабелов и два новейших авианосца – сделка была вполне даже выгодной как для русских, так и для рачительных немцев...

И это еще не все, господа. По нашим данным, русские завершили испытания системы «Комар» как ответ на нашу стратегическую ПРО. Эта система позволяет запускать тяжелые ракеты с борта даже среднего транспортного самолета, летящего на высоте нескольких миль над землей. У нас нет точных данных – но, судя по всему, русские приспособили систему воздушного старта под существующие ракеты. Теперь любой транспортный самолет русских может быть стартовой площадкой для межконтинентальной баллистической ракеты. Поскольку пуск производится не с земли, а с высоты нескольких километров – ракета может нести много больший по размеру боевой заряд, в том числе с разделяющимися головными частями индивидуального наведения. Пуск может быть произведен в любое время и из любой точки пространства, совершенно неожиданно для нас. По расчетам аналитиков, система ПРО, которую мы создали с таким трудом и в которую вложили громадные деньги, среагировать на внезапный и массированный воздушный пуск не успеет, до девяноста процентов ракет первой волны прорвутся к своим целям....

Американцы, сидевшие отдельно, многозначительно переглянулись.

– Таким образом, господа, можно констатировать следующее. Российская империя не только проигнорировала переданные нами предостережения, но и начала масштабную программу вооружения. Русские бросили нам наглый вызов – и потомки проклянут нас, если мы не ответим!

Предостережения, о которых говорил лорд Галифакс, были переданы российским представителям в Женеве, которая была столицей неформальных встреч и тайной политики. На этом уровне обтекаемые дипломатические формулировки сменялись конкретными и жесткими требованиями. Когда Государь получил запечатанный сургучом пакет из Женевы, вскрыл и прочитал его – он ничего не сказал, даже своим ближайшим подданным. Только недовольно покачал головой и на следующий день издал высочайший указ о выделении дополнительных ассигнований на перевооружение. Российская империя была не той страной, с которой можно было разговаривать языком ультиматумов – но и никаких враждебных действий в ответ предпринято не было.

– Как насчет того, чтобы сменить императора на российском престоле? – поинтересовался Роберт Каплан, один из самых богатых людей на Земле, член американской делегации и «общества Теодора Герцля»⁵⁴, члены которого ассигновали огромные суммы на то, чтобы отторгнуть от Российской империи Палестину и создать там независимое еврейское государство. Члены этого общества большей частью проживали в Британии и САСШ и не видели, как на Святой земле еврейские общины стараются селиться недалеко от поселений казаков и русских военных баз, понимая, что, случись чего, – и кроме русских защитить их от озверевшей толпы исламистов будет некому. Конечно, и в России бывали эксцессы, связанные с евреями, евреев недолюбливали – но все заканчивалось битьем морд и полицейским участком – причем для обеих сторон драки. Желания вырезать евреев поголовно русские не вынашивали и к этому не призывали ни явно, ни тайно.

Сэр Браун, постоянный заместитель министра иностранных дел, недовольно покачал головой. Да, американцам все-таки надо учиться и учиться, прежде чем они смогут назвать себя державой. Не хватает ни выдержки, ни политической хитрости...

– Это не так-то просто, господа... – своим тихим, задыхающимся голосом начал он, и разговоры стихли, каждый вслушивался в сказанное. – Хотя мы прорабатываем и такой вариант. Сложность в том, что в этом случае императору Александру Пятому наследует его сын, цесаревич Николай. А он для нас – вариант ничем не лучше, чем его отец, тем более что он служит в разведке десанта и пользуется огромной любовью армии, даже большей, чем его отец. Опираясь на армию, он может вести себя столь же нагло – а нам нужен правитель, который был бы вынужден думать о сохранении своей власти, а не об экспансии. Более-менее приемлемым вариантом для нас является дочь императора, великая княжна Ксения – по крайней мере, у нее нет военного образования и она вопреки воле отца занимается бизнесом, даже записана купцом второй гильдии⁵⁵. Судя по ее поведению, она более восприимчива к западным ценностям. Как вариант – наследники прервавшегося на российском престоле смертью Алексея Второго рода, царствующего сейчас в Польше. Либо – в нарушение закона о престолонаследии – дальние родственники царя по линии, прервавшейся смертью императора Алексея Второго. Кое-кто и до сих пор считает, что Михайловичи⁵⁶ узурпировали власть. Но на то, чтобы реализовать этот план, потребуются долгие годы, спешка тут недопустима. А такого запаса времени у нас нет. Поэтому предлагаемый нами план по дестабилизации Ближнего Востока намного реалистичнее.

– А потом? Что будет потом? – спросил самый высокопоставленный из всех присутствующих, принц Филипп, герцог Эдинбургский. Так сложилось, что наиболее щекотливые вопросы политики Британской империи решал он, выступая в качестве представителя Виндзорского королевского дома, но в то же время оставляя небольшой «допуск» – ведь царствующим монархом он не был и все можно было отыграть назад. Королева, конечно же, на сборище заговорщиков – а именно это здесь и было, сборище заговорщиков – присутствовать не могла, официально она даже не знала о существовании Ордена Свободы.

– Что вы имеете в виду, Ваше Высочество? – поинтересовался сэр Браун.

– Я имею в виду – что мы будем потом делать со всем с этим? Предположим, наш план увенчается успехом, и вся территория Ближнего Востока окажется в наших руках, по прямому

⁵⁴ Герцль Теодор – автор труда «Еврейское государство», предвосхитившего создание Израиля.

⁵⁵ В российской империи существовали купцы первой, второй и третьей гильдии, их переход из одной гильдии в другую зависел от количества... уплаченных налогов в казну! От вступления в ту или иную гильдию зависели и госзаказы, и банковские кредиты, и самоуважение, и самовосприятие, в конце концов. Поэтому практики массового уклонения от уплаты налогов и податей в казну в Империи не было, а сами налоги были более щадящими, чем в нашем мире. Например, подоходный налог составлял всего десять процентов. Большую часть доходов казна и вовсе получала от казенных заводов и казенного имущества, а не от налогов.

⁵⁶ Михайловичи – от имени основателя династии, брата Николая Второго, Михаила.

праву победителей. Но что мы будем делать с теми, чьими руками мы изгоним русских? Ведь мы поддерживаем самые радикальные и экстремистские течения. Та же самая Аль-Каида – это рассадник самого махрового экстремизма и терроризма. Мы даем им оружие, обучаем террористическим действиям – а хватит ли у нас самих сил удержать Ближний Восток? Ведь у русских даже без Ближнего Востока ресурсов более чем достаточно. А для нас ближневосточная кладовая – единственно возможная! Не получится ли так, что, играя с огнем, мы подожжем сами себя?

– Не получится... – недобро улыбнулся сэр Браун, – все просчитано. Большую часть исламистов и националистов уничтожит русская армия и казаки. Откровенно говоря, Ваше Высочество, я не верю в возможность военного поражения России на Ближнем Востоке в прямом столкновении. Там – слишком мощные соединения Черноморского флота, сильно укрепленные военные базы, расселено больше миллиона хорошо вооруженных казаков с семьями. Да и среди коренных жителей значительно больше половины уже ассимилировались и не будут принимать участия в сопротивлении. Наш расчет, прежде всего, направлен на ведение длительной и затяжной террористической войны. В этом случае на Российскую империю давление будет оказываться с нескольких сторон. Если только русские войска начнут осуществлять карательные операции – мы все это снимем и покажем как пример крайней жестокости русских в этом регионе, как пример зверств русских солдат, как нарушение прав человека. Постоянная террористическая опасность заставит русское правительство тратить все больше и больше денег, угнетая экономику. Любые операции русских войск неизбежно затронут и невинных – а если и не затронут, то мы поможем, определенные действия в этом направлении уже ведутся. И, наконец, само русское общество начнет задавать вопросы – а стоит ли проливать русскую кровь за выжженную землю Востока? Такие настроения мы тоже будем всецело поддерживать. Рано или поздно русские решат, что проще уйти и оставить арабов в покое. А мы – займем их место.

– А если и русские начнут снимать и показывать? Например, то, что происходит на севере Индии? – спросил кто-то с заднего ряда, сидевший в полумраке у самого окна.

– Да кто же им поверит, сэр... – хриплым, каркающим смехом рассмеялся сэр Браун. – Это гнусная ложь кровавого Романовского режима, очерняющего старую добрую Британию, чтобы скрыть собственные злодеяния...

– Тогда, господа, следует заранее договориться о разделе сфер влияния на Ближнем Востоке после ухода оттуда русских, – произнес полный, с глазами навывкате пожилой человек. Звали его Генри Боллинджер, и он был когда-то Государственным секретарем САСШ. Те времена остались далеко в прошлом, но и сейчас он мыслил по-государственному и оставался одним из самых авторитетных политиков САСШ...

– Договориться-то никогда не поздно... – так же рассудительно ответил сэр Кристиан Монтгомери, – но прежде чем договариваться о разделе сфер влияния, нужно сначала договориться о том вкладе, который внесут Североамериканские Соединенные Штаты в наше маленькое предприятие. Вам не кажется, что сначала надо договориться об этом?

Переговоры о совместных действиях шли несколько часов, и все это время британские лорды с трудом сдерживали улыбки. Североамериканцы не избежали ни одной из ловушек, которые умело подставили им британцы. Вот уж воистину, не с их бы рылом... Британцы всегда старались действовать чужими руками, сами при этом оставаясь в тени – везде, когда это было возможно. Вот и сейчас – совершенно незаметно самые опасные части плана, по которым можно было установить страну-инициатора, британцы умело перевалили на плечи САСШ. За ними оставалась только организация террористического сопротивления, связи с исламистскими группировками. А установить инициатора этой деятельности очень сложно, если вообще

возможно – британские разведчики большую часть времени действовали под чужим флагом⁵⁷. В основном это был североамериканский флаг – таким образом, они подставляли своих недалеких и ничего об этом не знающих союзников. Так они собирались действовать и на этот раз...

– Господа... – Когда все уже выходили, герцог Эдинбургский незаметно кивнул своим, показывая, что надо остаться и обсудить еще кое-что.

Несколько человек задержались. Это был тайный кабинет Британской империи, в чье ведение входили силовые и прочие незаконные акции как в империи, так и за ее пределами. Возглавлял этот кабинет сам герцог Эдинбургский...

– Североамериканцы... – сэр Кристиан Монтгомери, оставшись в кругу своих, рассмеялся, уже не сдерживаясь, – эти североамериканцы... Воистину, им не следовало объявлять независимость...

– Не время смеяться, сэр, пока не сделано дело... – неодобрительно пробурчал сэр Браун, – а дело все еще не сделано. И до конца плана еще далеко, мы в самом начале пути.

– Господа! – Принц Филипп поднял руку, пресекая дискуссию. – Теперь давайте по делу. Я хочу услышать, как продвигается работа. Действительно, пока не время для веселья...

– Бейрутский резидент прислал вчера отчет, – прокашлявшись, начал Браун. – Если ему верить, все идет по плану. Нашего друга скрывают шииты в своей мечети, разведслужбы на его след не вышли. Последняя партия оружия дошла и сейчас распределяется. Инфильтрация в полицию и армию тоже идет успешно...

– Успешно? Может, это вы думаете, что успешно... – сказал Монтгомери, весьма раздосадованный тем, как его оборвали.

– Успешно. Видите ли – мусульмане прирожденные лжецы. Принцип «такия»⁵⁸ дает им возможность учиться успешно скрывать свои чувства и лгать с самого детства. Нельзя верить мусульманам, если даже они говорят что-то, глядя вам в глаза, – скорее всего они лгут. Но у нас пока цели и задачи совпадают – поэтому сообщениям из Бейрута можно доверять...

– Хорошо ... – подвел итог принц, – а как тогда быть с тем, что русские сумели предотвратить взрыв порта Бейрут. Это серьезный удар по нашим интересам...

– Случайность... – пожал плечами лорд Браун. – В этом мире всегда есть место случайности. Просто на пути «Эдинбурга» оказался сторожевой корабль, которого там никак не могло быть. От случайностей никто не застрахован...

– Неприятная случайность. Второй этап операции начинаем по плану?

– В строгом соответствии с планом, – улыбнулся лорд Браун, – и никак иначе. Русским недолго осталось. Даже если по каким-то причинам – хотя я не представляю по каким – не удастся первый вариант, сработаем по второму. Время работает на нас – и против русских...

– Хорошо бы... Что по нашей второй игре?

Лорд Галифакс, в чью компетенцию входил второй уровень игры – дестабилизация обстановки в самой России, поднял голову:

– Продвигается, сэр, хотя и медленнее, чем хотелось бы... Резидентура работает, готовятся группы сопротивления. В известный вам город инфильтрована спецгруппа. Основная сложность здесь в том, что нужно работать на очень тонкой грани между национализмом и

---

⁵⁷ Под чужим флагом – это когда разведчик одной страны представляется агенту как разведчик страны совершенно другой. Соответственно, в случае провала и все шишки, с большой долей вероятности, упадут на ту, ничего не подозревающую страну, от имени которой действовал разведчик.

⁵⁸ Благоразумное скрывание веры (такийя, такия) – важнейший шиитский принцип. Поначалу он был и у суннитов: им позволялось скрывать свою принадлежность к исламу, если их жизни угрожала опасность, а вести войну они по каким-то причинам не могли. Но у шиитов такойя является обязательным требованием. Считается, что, если человек не скрывает свою веру, то верует неискренне. Когда шиит находится в компании нешиитов или немусульман, он не должен обнаруживать свою веру и может даже называться единоверцем собеседников. Фактически это принцип ежедневной лжи.

исламизмом. Дело в том, что у всех народов тюркской группы идея светского национализма едва ли не сильнее идей исламизма. Исламизм – это, в основном, наносное, привнесенное, а национализм воспитывался веками. Но мы работаем – и с теми группами, и с другими. Единственное – нужно больше средств...

– Средств, средств, – проворчал принц, – все время одно и то же. Больше средств. Вы считаете, господа, что казна безразмерна? Это отнюдь не так. Средства будут – но извольте дать результат...

Санкт-Петербург, Большая Морская Императорский яхт-клуб 11 июня 1992 года

Похоронно-черный, похожий на катафалк экипаж такси марки «Пежо» подрулил к небольшому, обнесенному изящной чугунной оградой в человеческий рост особняку. На особняке не было никаких табличек, а у входа не было швейцара, гостей никто не встречал и не провожал. Этот особняк стоял уже здесь добрую сотню лет и за все это время почти не изменился – разве что обычные стекла сменили на зеркальные, пуленепробиваемые, как в банках. Это было одно из тех мест, где рождается власть Империи. Санкт-Петербургский Императорский яхт-клуб...

– Получите, милейший...

Моложавый господин бросил извозчику (несмотря на то, что с повозок они пересели на таксомоторы, их по-прежнему звали извозчиками) пару золотых, не дожидаясь сдачи, открыл ворота и исчез в окутанном туманом садике, опоясывающем особняк. Время было уже позднее, в Санкт-Петербурге шел дождь, и фонари в саду казались светящимися шарами, окутанными белой туманной дымкой. Было сыро и холодно, человеку, чей самолет совсем недавно приземлился на военном аэродроме, было тяжело дышать промозглой сыростью после сухого воздуха Восточных территорий. Но он выдерживал и не такое...

– Петр Вениаминович... – Открывший тяжелые дубовые двери пожилой, сухопарый господин, похожий на английского дворецкого, близоруко сощурился, разглядывая гостя, и через секунду лицо его осветила радость узнавания. – Давненько вас не видели...

– Служба, милейший, служба... – ответил человек, проходя в небольшой, уютный зал с гардеробом и сбрасывая промокшее пальто. – Служба не дает свободного времени...

Звали этого человека, конечно, не Петр Вениаминович Берген – это был всего лишь его псевдоним прикрытия. Любому чиновнику Империи, даже чиновнику по особым поручениям, надо было числиться по какому-нибудь ведомству. Неважно, по какому – просто числиться, чтобы получать жалованье, льготы за выслугу лет и все прочее – и неважно, под каким именем. Иван Иванович Кузнецов, чиновник по особым поручениям Министерства внутренних дел Российской империи, числился действительным статским советником по Министерству иностранных дел, хотя на Певческом мосту⁵⁹ почти не бывал. Официально он числился спецпосланником МИДа, но где он представлял интересы державы, сказать никто не мог. И даже имя «Иван Иванович Кузнецов» тоже не было его именем – это был его основной оперативный псевдоним, полученный в самом начале тернистого пути тайной деятельности.

Сюда же он приехал, чтобы встретиться со своим куратором. Просто приехать в Министерство внутренних дел он не мог – регулярные посещения здания МВД чиновником Министерства иностранных дел могли вызвать самые разные кривотолки. Поэтому-то и приходилось встречаться в таких вот закрытых клубах для высших чиновников Империи, как Императорский яхт-клуб. Средоточие тайной, никем не контролируемой власти.

Петр Вениаминович сбросил плащ, вопросительно посмотрел на привратника, тот едва заметно кивнул на неприметную дверь, ведущую в задние комнаты клуба, где уединялись те, кто хотел создать тет-а-тет. Здесь все всё понимали – без слов. Петр Вениаминович, не говоря ни слова, открыл дверь – она открывалась, только если предварительно нажать неприметный

---

⁵⁹ На Певческом мосту находился особняк Министерства иностранных дел.

рычажок сбоку, замаскированный под деталь интерьера, – и исчез в паутине темных, едва освещенных коридоров.

Нужная ему комната была второй слева, там они встречались всегда, когда местом встречи выбирался Императорский яхт-клуб. И хотя человек, с которым Петр Вениаминович собирался встретиться, тоже был членом клуба, сегодня он приехал тайно и зашел сзади, со входа для прислуги. Появление его в клубе часто становилось поводом для досужих домыслов, ведь его знали слишком хорошо...

На ощупь Петр Вениаминович нашел ручку двери, повернул...

– Доброго здоровья, ваше высокопревосходительство...

Человек, сидевший в глубине небольшой уютной комнаты в большом кожаном кресле, рядом с журнальным столиком, лишь коротко кивнул. Он вообще не любил лишних слов, предпочитая словам действия – жестокие и эффективные. И он не уважал болтунов в своем окружении...

Не дожидаясь приглашения, Петр Вениаминович опустился в кресло напротив, осторожно положил на журнальный столик толстую папку, взял чашечку кофе, в которую, как он предполагал, была влита толика коньяка. И вправду – холодно, сыро и мерзко, пустым кофе не согреешься...

Человек в кресле шевельнулся. Он сидел так, что тусклый свет бра высвечивал часть лица, на месте глаз чернели провалы. Берген хорошо знал привычки своего шефа – за них его звали «призраком», конечно, за глаза...

– Признаться, я удивлен вас видеть, Петр Вениаминович... Случилось что-то экстраординарное?

В голосе действительного тайного советника Кахи Цакая, товарища министра внутренних дел, не слышалось ни следа грузинского акцента, хотя он родился и до восемнадцати лет жил в Тифлисе. Вообще, он не был похож на грузина, скорее на еврея – невысокий, полноватый, с крючковатым носом, с круглыми очками в дешевой оправе на носу. Из образа мелкого торговца выпадали только глаза, пустые и недобрые, да хриплый, каркающий голос. Каха Несторович Цакая был кошмаром либеральной интеллигенции, символом несвободы и угнетения. В его стылых, словно подернутых изморосью глазах они видели ночной стук в дверь, скорый суд, столыпинский вагон, ссылку и каторгу...

– Случилось, Каха Несторович, – Берген подвинул в сторону шефа кожаную папку, которую принес с собой, – соблаговолите прочесть это...

Цакая с недовольным видом взял папку, раскрыл ее на коленях, пробежал пару страниц. Потом хмыкнул – что с ним случилось, когда он бывал чем-то доволен, начал перечитывать более внимательно. Прочитал страниц десять, закрыл папку и внезапно рассмеялся своим хриплым, каркающим смехом.

– Вот видишь, Петр... – Цакая редко называл своих подчиненных по имени, только когда им удавалось его по-настоящему удивить. – А борзописцы говорят, что у нас нет свободы слова. Что цензура всем затыкает рот. А тут... Ты где это взял?

– Скачал из сети, когда летел сюда. Автор сих опусов – не кто иной, как молодой князь Воронцов. Хорошо, хоть под псевдонимом писал...

– Похвально, похвально... Это ведь тот самый князь Воронцов?

– Он самый...

– И где он сейчас?

– Официально – в военном госпитале, на излечении. Но это еще не все – Воронцов предложил план. Реализовать его без вашего одобрения, Каха Несторович, я не могу.

– Что ж, рассказывайте, сударь...

По мере того, как Берген рассказывал план, Цакая слушал все более и более внимательно, даже подавшись вперед всем телом. План был дерзким и рискованным, он выходил за

те рамки, в которых обычно действовали разведслужбы. Еще месяц назад Цакая не стал бы и слушать об этом, но сейчас ситуация резко изменилась. Создавался новый орган, Чрезвычайный Антитеррористический Комитет, где первую скрипку играло заграничное отделение СЕИВК и выскочка Путилов, каким-то образом ухитрившийся влезть в доверие к Его Величеству. Цакая же считал, что терроризмом должно заниматься Министерство внутренних дел, и только оно. Оно для того и создано, для решения внутренних дел, а терроризм – дело внутреннее, и не стоило бы в него лезть всем, кто решил быстро продвинуться в Табели о рангах. В изложенном только что плане он увидел главное – возможность раз и навсегда утереть нос выскочкам из разведки. При этом оставаясь в той позиции, в какой он любил пребывать, – в тени, над схваткой...

План Воронцова был хорош двумя особенностями. Обычно внедрение агента в преступную или террористическую организацию производится под чужим именем и с легендированной биографией. В этом и состоит риск – все-таки земной шар слишком мал и вполне может встретиться человек, который знает агента под его настоящим именем либо под другим псевдонимом. Возможно, узнавший агента человек этот будет преисполнен самых лучших намерений – но для агента это будет означать разоблачение, возможно, и мучительную смерть, а для министерства – глупый срыв тщательно подготовленной операции.

Но в данном случае все фигуранты будут выступать под своими подлинными именами и биографиями. И как их ни проверяй – найти фальшь будет невозможно. Потому что фальши не будет – за исключением мыслей, но чужая голова потемки. Это давало возможность провести стратегическую операцию без должной подготовки и легендирования.

А все-таки Воронцов молодец... Сумел просчитать уязвимое место любого государства – его бюрократическую структуру – и предложил вариант, как ее обойти. Один-два человека с поддержкой, имеющие цель и идущие к ней. В этом случае в уязвимом положении оказывается уже вражеская агентура и террористическая сеть. Это им надо будет принимать меры к тому, чтобы остаться в живых, волей-неволей демаскируя себя.

Второй особенностью было то, что этот план родился не в министерстве. Этот план родился в голове человека, который до сего момента не имеет никакого отношения к специальным службам и знает о нем лишь ограниченное число лиц. Воронцова не знает и не может знать никто, он – пятый туз в колоде. Совершенно неожиданная и ничем не предусмотренная карта в колоде, легко меняющая всю суть игры...

– Господин Воронцов отчетливо понимает, на что он идет? – наконец задал вопрос Цакая. – Там не будет скидки ни на молодость, ни на что иное. Это игра, где ставка – жизнь. А легкая смерть – зачастую избавление...

Берген немного подумал. В принципе он был опытным агентуристом и чувствовал людей. В молодом князе Воронцове он увидел нечто такое, не соответствующее его возрасту и положению. Нечто такое, что заставляло верить в то, что он и вправду может сделать то, о чем говорил. Иначе Берген никогда бы не осмелился предлагать своему куратору из министерства «сырой», непроработанный план.

– Думаю, понимает, ваше высокопревосходительство... – осторожно ответил он, – князь с детства учился в нахимовском, оставшись без отца, а это – сами знаете, какая школа...

– Допустим... Кто знает об этом плане?

Берген удивился – судя по вопросу, Цакая уже согласился с предложенным планом и теперь прояснял для себя тактические моменты. Иван Иванович ждал отказа, готовился защищать план – но вместо этого получил согласие, причем практически без вопросов...

– Вы. Я. Воронцов и его командир экипажа. Турок, мусульманин по имени Али Халеми. Учился с Воронцовым в Севастополе. Он тоже, скорее всего, пригодится в этом раскладе...

Цакая задумался. Мусульман он знал давно и в отличие от многих – да хотя бы и в отличие от Его Императорского Величества – не питал на их счет никаких иллюзий. Сколько бы

Империя ни вкладывала в освоение Востока, сколько бы мусульман ни училось в русских университетах, сколько бы ни служили в армии – все равно будут находиться люди, готовые отринуть все ради «пути Аллаха». А этот самый путь Аллаха – есть кровавый джихад с поголовным истреблением всех неверных, что бы ни говорили «умеренные» муллы в своих мечетях. Цакая, грузин по национальности и христианин по вероисповеданию, хорошо знал, чего ждать от мусульман...

С другой стороны – рискует ведь сам Воронцов, доверяясь мусульманину в таком деле. В случае предательства – сам и расплатится за свою ошибку. Разведка есть разведка...

– Нужно наладить взаимодействие с Адмиралтейством. Но так, чтобы там знали как можно меньше. Местным властям не сообщать ничего!

– Понял...

– Дальше... – Каха Несторович Цакая достал из внутреннего кармана пиджака свою визитную карточку и дорогую, с золотым пером ручку, черкнул на обороте несколько слов, небрежно бросил на стол. – Это записка к казначею. Он тебя знает, и ты его знаешь – записки будет вполне достаточно. Возьмешь деньги из рептильного фонда⁶⁰, возьмешь столько, сколько нужно. Не скупись, дело серьезное.

– Сделаю...

– И последнее. За прикрытия отвечаешь ты. Возьми людей из центрального аппарата, обратись к Головину. Я хочу, чтобы там работали лучшие специалисты. Отслеживай всех, кто входит в контакт с Воронцовым. Неважно – удастся ли ему реализовать задуманное или нет, останется он в живых или нет – главное то, что он вынудит наших противников предпринимать действия против него. Тут-то мы их и накроем...

Совершенно секретно

Собственная Его Императорского Величества канцелярия

Его превосходительству

Руководителю заграничного отдела СЕИВК

Полковнику Путилову В.В.

...

На ваш запрос направляю аналитическую справку о негосударственных и неправительственных организациях, ведущих подрывную и разлагающую работу ненасильственными методами на территории Империи.

1. Фонд свободы – негосударственная организация, штаб-квартира находится в САСШ, в Нью-Йорке. Позиционируется как независимая организация, однако основателем и основным источником ассигнований является миллиардер и гражданин САСШ Иштван Додек. Является основной организацией, изучающей проблему ненасильственного сопротивления власти. На основе крупнейших университетов САСШ организует месячные и шестимесячные курсы для подготовки активистов движений сопротивления. Официально придерживается исключительно законных методов борьбы. На территории РИ ее деятельность ограничена.

2. Институт развития демократии – неправительственная организация, штаб-квартира находится в Лондоне, Великобритания. Является базой

---

⁶⁰ Рептильный фонд – слово это пошло из Германской империи, где канцлер Бисмарк основал фонд, деньги из которого шли на подкуп, взятки и другие тайные дела. Потом это прижилось и в России. Рептильные фонды имели Министерство иностранных дел, Министерство внутренних дел, Собственная Его Императорского Величества канцелярия. Через данные фонды проходили миллионы, предназначенные на оплату услуг агентуры и других тайных дел. Никакой отчетности там не было.

для действий британской разведки, для вербовки ею агентуры, тесно сотрудничает с Королевским институтом международных отношений в Тэвистоке, предпринимает регулярные попытки «дополнительного обучения» лиц с российским подданством, обучающихся на территории Великобритании. На территории РИ объявлена вне закона.

3. Врачи без границ – неправительственная организация, штаб-квартира находится в Лондоне, Великобритания. Привлекает волонтеров, производит сборы лекарственных препаратов для нужд «угнетенных народов». Основную деятельность ведет в Африке, на Северном Кавказе и на Восточных территориях. Выпускает ежегодный бюллетень, содержащий клеветнические измышления о системе здравоохранения и о статистике заболеваемости в Российской империи и Священной римской империи германской нации. Взята на контроль по линии КР, в январе сего года на территории Туркестана взят под арест волонтер этой организации некий Арчибальд Гектор, предъявлено обвинение в шпионаже.

4. Патриотический фронт – местонахождение и штаб-квартира неизвестны, основная координация действий и идеологическая обработка проводится через Интернет. Представляет исключительную опасность, поскольку манипулирует идеями русского патриотизма. Однако вместо честного служения Государю на военной либо гражданской службе, вместо честного труда на благо отчизны, в качестве патриотических деяний преподносятся погромы в еврейских и мусульманских кварталах, организация массовых бесчинств, избиение и убийство «черных». Посредством Интернета ведется активная пропагандистская обработка молодежи в духе межнациональной и межрелигиозной ненависти, серверы, на которых находится данная информация, находятся в основном в САСШ. Департаментом информации проводится работа по удалению данных материалов и блокированию доступа к ним, начата активная кампания контрпропаганды в среде молодежи, разъясняющая вредоносную и антигосударственную сущность такого понимания патриотизма.

5. Фронт арабской молодежи, Фронт турецкой молодежи, Фронт кавказской молодежи – данные организации, созданные по единому образцу, используются для вовлечения молодежи в антигосударственную деятельность и пропаганды национальной исключительности. Местонахождение штаб-квартир данных организаций неизвестно, скорее всего, находятся на территории Британии. Данные организации построены по сетевому принципу без ярко выраженного лидера, что делает их особо опасными. Деятельность координируется посредством Интернета. Среди наиболее заметных акций – попытка активистов Фронта Арабской молодежи перекрыть стратегическую железную дорогу, пресеченная в январе сего года⁶¹.

---

⁶¹ В Империи уже пятьдесят лет строили стратегические железные дороги – с шестиметровой колеей. Пока были только две основные: Владивосток – Берлин с ответвлениями и Казань – Багдад. В это строительство вкладывались чудовищные деньги, шло оно медленно и тяжело – но оно себя окупало. Тяжелые поезда шли почти без остановок, со скоростью до двухсот километров в час, и каждый поезд брал столько же груза, сколько средних размеров корабль. Таким образом, например, обеспечивалась торговля Японской империи с Россией и Германией. На пути этих дорог были построены громадные грузовые терминалы (самый крупный – под Казанью, где сходились две ветки этой дороги), на которых происходила быстрая перегрузка контейнеров со стратегических поездов на другие средства транспорта, в том числе на железнодорожные вагоны обычной колеи. Размеры этих перегрузочных терминалов, особенно казанского, по нашим меркам просто поражают воображение.

Деятельность неправительственных организаций приобрела особую активность в последнее время. Убедившись в невозможности военного давления на РИ, власти САСШ и Великобритании разворачивают кампанию разложения в молодежной среде. Вся эта деятельность скрывается за ширмами различных негосударственных, неправительственных организаций и даже отдельных частных лиц. Особую тревогу вызывает тот факт, что в своем цинизме и беспринципности данные организации используют для мобилизации молодежи самые разные политические платформы, зачастую противоположные по значению, в том числе лжепатриотическую. Основной целью этой деятельности является дестабилизация обстановки в государстве в будущем, через пять-семь лет, раскол общества, привнесение в общественные устои межрелигиозной, межнациональной и межэтнической ненависти.

Соответствующими службами ведется активное противодействие иностранной подрывной деятельности. Так, за 1991 год предприняты следующие меры:

1. По линии департамента полиции: возбуждено уголовных дел – 256; подвергнуто арестам 8615 человек; выдворено из страны 87 иностранных подданных; конфисковано имущества на сумму 815 627 золотых рублей; уничтожено вредоносной литературы – более одного миллиона экземпляров.

2. По линии КР: возбуждено уголовных дел 117; подвергнуто арестам 6417 человек; выдворено из страны 1735 иностранных подданных.

*Отдел прогнозирования и политического анализа СЕИВК
Полковник Песоцкий В.И.*

Бейрут Бульвар кайзера Вильгельма 12 июня 1992 года

Пока не вернулся Иван Иванович, и я и Али занимались тем, что готовились к операциям в городе. И хотя нас учили действовать в густонаселенных городских районах, многое пришлось придумывать на ходу.

В первую очередь необходимо было изучить город. Почувствовать его. Проехать по всем основным магистралям, посмотреть, где и как дежурит дорожная полиция⁶², куда ведут все узкие улочки и закоулки, в изобилии ветвящиеся около основных транспортных магистралей. По-хорошему на такую работу надо было не меньше месяца, нам было дано на нее два-три дня. Но кое-что все-таки можно было сделать, а остальное – доделать при подготовке к конкретным операциям...

Большому Бейруту было уже несколько сотен лет, и в отличие от того же Санкт-Петербурга, застраивался он бестолково и хаотично. Основных транспортных магистралей было несколько. Поскольку город был построен на берегу моря, на своеобразном полуострове, большое значение имела прибрежная трасса – с севера это был бульвар Императора Михаила⁶³, на юге – бульвар Кайзера Вильгельма. Между ними был знаменитый «променад» – бульвар Корниш, по роскоши не уступавший побережью княжества Монако. В разных направлениях город рассекался основными проспектами – Александра Четвертого, Александра Пятого и Фельдмаршала Корнилова. А от каждого из них шли десятки ответвлений, которые и перечислять-то тяжело, не говоря уж о том, чтобы запоминать. Более-менее ознакомившись, я нашел несколько мест, где можно оторваться от преследования, самое лучшее – в конце проспекта Корнилова, на резком повороте на Борж эль-Бражнех. Хорошее место было у стадиона, на Александра Четвертого, – там такое смешение улиц, что сам черт ногу сломит, право слово. Но и на других дорогах были местечки, были...

---

⁶² Дорожная полиция – так теперь называлась конно-полицейская стража, отвечающая за порядок на дорогах.

⁶³ В нашем мире: бульвар Императора Михаила – Си Сайд Род. Бульвар Кайзера Вильгельма – бульвар Генерала де Голля и бульвар Рафика эль-Харири. Улица Саеб Салам, переходящая у стадиона в улицу Пьера Жмаэля, называлась проспект Александра Четвертого. Бичара эль-Хоури, переходящая в проспект 22 ноября – проспект Александра Пятого. Бульвар Хафеза Асада – проспект Фельдмаршала Корнилова, главнокомандующего Восточной армией во время Восточного похода.

Старый аэропорт Бейрута Тот же день

Раньше на этом месте был международный аэропорт, один из лучших в этом регионе. Располагался он почти на самом побережье, и самолеты заходили на посадку над морем, скользя подобно птицам в нескольких десятках метров от сверкающей серебром водной глади. Красиво – но опасно. Чревато авариями. Поэтому в семьдесят пятом генерал-губернатор повелел строить новый международный аэропорт, раза в четыре больше прежнего. Но не забросили и старый – его кардинально перестроили под базу для частных самолетов, вертолетов. Поставили там и несколько красивых, чем-то напоминающих минареты длинных вышек – для дирижаблей, прогулочных и туристических. Эти неповоротливые гиганты один за другим важно причаливали к вышкам-мачтам, принимали пассажиров, топливо и снова отчаливали, уходя в небеса. Экскурсия над Ливаном и святыми местами на дирижабле считалась одной из самых запоминающихся туристических достопримечательностей Бейрута...

Вот и сейчас, собравшись на верхней площадке-накопителе, несколько десятков туристов, среди которых резко выделялись стоящие ровной шеренгой мальчишки-скауты в аккумуляторной светло-серой форме, ждали очередного дирижабля. Экскурсия должна была быть относительно короткой, всего с одной посадкой – в долине Бекаа...

Старинный Бейрут был городом многоконфессиональным и мультинациональным. Евреи вполне могли соседствовать с мусульманами, русские – с британцами, и для подавляющего большинства населения города в этом не было ничего такого. Вот поэтому никто и не обратил внимания на закутанную в плотную чадру женщину, стоявшую в самом конце очереди, у лифта. В чадре здесь ходили только самые ортодоксальные мусульманки, это не запрещалось... но подавляющее большинство мусульманок чадру все-таки не носило и одевалось, как одеваются обычные женщины, с учетом того, что климат в городе был жарким и душным. Женщину эту никто не знал, но она стояла тихо, никому не мешала – поэтому ее никто не остановил и ни о чем не спросил...

Дирижабль тем временем подошел к самой вышке, бросил вниз концы. Двое служителей ловко зацепили их и с помощью специальных устройств подтянули громадное тело дирижабля к самой вышке. Из пассажирской кабины бросили трап, винты двигателей ориентации замерли...

– Господа и дамы, милости просим-с... – Кондуктор (его так и называли, кондуктор, по аналогии с людьми, продающими билеты в трамваях) в роскошной темно-синей форме имперского воздушного флота встал слева от трапа. – Пожалуйста ваши билетки...

Первыми к трапу рванулись, конечно же, мальчишки, но после окрика вожатого враз смутились, встали ровным строем. Вожатый достал из кармана пачку детских билетов...

– Сударыня...

Женщина в черном замерла около кондуктора, тонкая смуглая рука протянула ему билет. Кондуктор шелкнул компостером, вернул билет даме. Когда их руки соприкоснулись, он мельком поймал ее взгляд в узкой прорези чадры – и что-то ворохнулось у него в душе, что-то недоброе. Но позади нее стояли еще пассажиры, их тоже надо было обслужить – и он ничего не предпринял...

Сдвинувшись, дверь пассажирской каюты дирижабля проехала по направляющим, с легким шипением встала в проем. Дирижабль висел, слегка покачиваясь в нескольких десятках метров над землей, на причальной вышке служители сустились, отсоединяли заправочный

шланг. Пассажиры прильнули к большим иллюминаторам – хотя смотреть пока было совсем нечего – только с левой стороны дирижабля был виден берег и тонкая лазурная полоска моря...

– Дамы и господа! Наш экипаж рад приветствовать вас на борту экскурсионного дирижабля «Закат». Нам предстоит полет по маршруту Бейрут – Бекаа – Бейрут. В каждом пассажирском кресле, слева от вас, есть наушники, надев которые вы можете слушать рассказ экскурсовода о тех местах, над которыми мы пролетаем. Полет до Бекаа займет час с небольшим. Желаем приятного полета...

Дирижабль слегка дрогнул, с левого борта закрутились пропеллеры двигателей ориентации. Причальная вышка пошла вниз и влево. Дирижабль плыл по воздуху плавно, почти бесшумно, даже его двигателей было не слышно. Громадная машина пошла не в горы, в сторону долины Бекаа, – пилот решил заложить вираж над морем, чтобы все могли насладиться видом Бейрута – при этом развороте город был виден целиком на фоне гор, зрелище было незабываемое. И хотя не раз поднимался вопрос о запрете туристическим дирижаблям маневрировать над портом, такого решения принято не было – туристы, как-никак...

– Ух ты! Глянь!

Пацаны столпились около одного из иллюминаторов, около самой двери, глядя на строгие, серо-стальные силуэты кораблей Черноморского флота в порту. Их не интересовали ни раздутые туши газовозов, ни изящные белые круизные лайнеры – все их внимание поглощала серая сталь боевых кораблей, стоящих у причала.

– Смотри! Пушка двустольная на носу, я же тебе говорил! Осел!

– А я не про этот корабль тебе рассказывал!

– Эх ты... Вруша! И не был ты на нем никогда!

– Кто вруша?!

Намечающуюся потасовку прервал строгий окрик вожатого – отвесив пару легких подзатыльников, он отправил свое расшумевшееся воинство по местам.

– Ля илляха илля Лляху инна лиль маути ля сакяратин⁶⁴...

Вожатый, которому только что с трудом удалось рассадить по местам беспокойное братство, остановился около женщины в черном, сидевшей в середине салона и бубнящей что-то себе под нос. Он был из Екатеринбурга, как и его подопечные, и по-арабски не понимал ни слова...

– Простите, сударыня, вам плохо? – озабоченно спросил он, слегка прикоснувшись к натянутому черной тканью плечу

Женщина не обернулась – почувствовав прикосновение, она закрыла глаза и замкнула контакты находившегося у нее на талии пояса с болтами, гайками и пластидом...

---

⁶⁴ Нет бога кроме Аллаха, воистину смерти предшествуют беды... – последние слова пророка Мохаммеда перед смертью и начало заупокойной молитвы в исламе.

Бульвар Кайзера Вильгельма Тот же день

– Смотри! Слева вверху!

Я рванул руль влево, выскакивая на тротуар и с трудом тормозя. Шедшая передо мной машина внезапно и резко затормозила, да так, что мне пришлось выскочить левыми колесами на тротуар, благо широкий. Не доехав считанных сантиметров до бетонной клумбы, «БМВ» протестующе взвизгнул тормозами и остановился. Раздался хлесткий звук удара металла о металл, затем еще один – кто-то затормозить все же не сумел....

– Что за черт...

Не говоря ни слова, Али выскочил из машины. Я, задержавшись на секунду, чтобы заглушить мотор и вытащить ключ из замка зажигания, угоняют только так, последовал за ним. Поднял глаза к небу – и замер, парализованный ужасом открывшегося мне зрелища...

Неуправляемый дирижабль еще держался в воздухе, медленно снижаясь, хотя гондола уже горела. Языки пламени, вырывавшиеся из гондолы, верней того, что от нее осталось, лизали оболочку дирижабля. Порой от обгоревшей гондолы отрывались какие-то маленькие кусочки и падали в море – потом я узнал, что так прыгали люди, которые остались в живых после чудовищного взрыва.

– Господь милостивый... – прошептал кто-то рядом...

Но мне уже было не до того, я повернул голову и начал разглядывать толпу, которая напирала на обрешетку бульвара так, что еще немного – и все повалились бы в море вместе с вырванной из бетонного основания чугунной оградой...

Есть!

Метрах в двадцати справа стоял арабский пацан лет тринадцати-четырнадцати, стоял у самой ограды, что означало, что успел к зрелищу он один из первых. Но смутило меня не это – он снимал происходящее на видеокамеру. Причем полупрофессиональную и очень дорогую – такой у оборванного пацана явно не должно было быть...

Случайность! Простая случайность, что мы оказались здесь, что встали в этом самом месте, что бульвар здесь изгибается и можно просматривать стоящую у ограды толпу метров на триста. Случайность, на которую не мог рассчитывать никто, в том числе и сами террористы. Но этой случайностью надо воспользоваться...

– Али! – Я пихнул своего друга в бок.

– Что?

– Двадцать метров справа! Пацан с видеокамерой, у самой ограды! Не оборачивайся, смотри мельком...

Али достал из кармана мобильный телефон, поднес к уху – хотя тот не звонил, совершенно естественно повернулся в нужную сторону...

– Вижу!

– Берем его! Осторожно!

– Понял!

Но «взять» было не так-то просто – для начала нужно было высвободиться от напирющей толпы – а она стояла у ограды уже рядов в шесть-семь, напирая так, что трудно было дышать...

На военном причале басовито взревела сирена, знакомый сигнал тревоги донесся до нас, резанул по нервам. Моряки рубили концы, сразу несколько кораблей готовились к экстренной спасательной операции, хотя спасти там было уже явно некого...

– Эй, любезный!

Проталкиваться приходилось локтями и кулаками, народ стоял плотно и не желал отступать ни на дюйм. Кто-то, видимо возмущенный моим толчком, попытался схватить меня за одежду, затрещала ткань. Уже слышались резкие свистки в разных местах – городские пытались навести порядок, а то, чего доброго, и затопчут кого насмерть в такой-то давке. Совсем рядом через напирющую толпу пробивался Али...

– Где он?

Я заполошно глянул по сторонам, судорожно вдыхая воздух – в толчее и вздохнуть нормально было нельзя, – и вдруг заметил этого пацана. Держа видеокамеру за ручку для переноски, тот улепетывал со всех ног по направлению к консульству САСШ...

– Вон он!

Преследовать его на машине было делом безнадежным – движение плотно встало. Рассчитывать можно было только на свои ноги. На бегу пацан оглянулся, увидел нас и припустил еще быстрее...

Мир сузился до тоннеля, в конце которого виднелась дергающаяся спина улепетывающего со всех ног мальчишки с видеокамерой. Хорошо, что весь народ столпился у ограды и бежать было легко – в другое время я непременно сбил бы кого-нибудь с ног. Впрочем, легко было бежать и пацану...

Черт, да что он, двузильный, что ли...

Впереди уже была Бир Хасан, на которой движение не встало. Внезапно мальчишка ужом проскользнул между машин и бросился в один из переулков, по другую сторону дороги...

Вот сволочь!

Делать было нечего – я запрыгнул на капот стоящего у самого тротуара шикарного белого «Майбаха», с него перепрыгнул на крышу какой-то малолитражки. Сзади негодуяще заорали...

Да отвяжитесь вы все!!!

Али опережал меня метров на семь, он каким-то образом перебрался на другую сторону улицы еще раньше. Пробежав еще метров сто, мы нырнули в тот же переулок, что и пацан – и едва не напали на пулю!

Спасло нас только то, что стрелял пацан плохо – он занял позицию метрах в двадцати пяти от начала переулка за баком с нечистотами. Али вбежал в переулок первым – впереди гроыхнуло, противно свистнула пуля. Я бросился на землю, перекатился, выхватил «браунинг». Впереди снова грохнуло – стрелял уже Али...

– Не стреляй! Живьем! – Сердце колотилось как сумасшедшее, легкие горели огнем. – Живьем брать!!!

Пацан, поняв, что у него ничего не вышло, бросил пистолет и бросился бежать по переулку. Мы бросились за ним – если бы он нас не поджидал с пистолетом, шанс уйти у него был бы. Сейчас – нет.

Переулок резко повернул на девяносто градусов, выходя на Бир Хасан. Пацан проскочил поворот, даже не сбавляя скорости – в конце концов, он был молодым и юрким, скорее всего выросшим здесь и знающим каждый закоулок. Я едва не поскользнулся на нечистотах – но устоял на ногах...

Маленький гаденыш, чтоб его...

На этом повороте араб отыграл у нас метра три, не меньше – сейчас его от нас отделяло метров двадцать. Пронесшись как ветер по переулку, он выскочил на Бир Хасан, в два прыжка пробежал тротуар, выскочил на проезжую часть...

Удар!

Словно в замедленной съемке мы видели, как бампер развозного фургона поддел мальчишку и отправил на другую сторону дороги. Прямо под колеса мусоровоза...

– Полиция! Сыскная полиция!

Кричал Али – я молча, засунув за пояс пистолет и тяжело сопя, растолкал уже собравшихся вокруг зевак, грубо оттолкнул водителя мусоровоза, упал перед пацаном на колени. С первого взгляда понял – дело дрянь. Грудная клетка раздавлена в хлам, осколки ребер скорее всего проткнули легкие, наверняка и позвоночник сломан. В углу рта пузырилась кровь...

Глянул в глаза – и чуть не отшатнулся. Столько ненависти, ярости и ничем не обоснованной, я еще не видел, если бы взглядом можно было бы убивать – я бы упал замертво рядом с ним.

– Ты слышишь меня? – Я говорил по-русски, потому что арабский почти не знал. – Кто тебя послал?! Кто заставил снимать?! Кто дал пистолет?! Скажи мне! Кто?!

Пацан мокро закашлялся, выхаркивая кровавые сгустки.

– Скоро всем... вам... кяфирам... конец... Аллаху Акбар...

– Что?! Кто тебя послал?! – Глаза пацана уже закатились...

Совсем рядом истошно взвыла полицейская сирена. Надо уходить...

Одним рывком я поднялся на ноги, шагнул в сторону, выглядывая, где упала видеокамера.

– Позвольте, милейший. – Какой-то господин средних лет цепко схватил меня за руку.

– Отвяжись. – Я резко рванул руку на себя, выводя его из равновесия, локтем другой руки почти без замаха зарядил в челюсть. Бросился в образовавшийся на секунду проход в окружающей нас толпе, на ходу поддел локтем в живот еще кого-то...

– Держи! Полиция! Держите его!

Но я уже вырвался из толпы. Видеокамеры на дороге не было...

– У него пистолет! – истошно завизжали сзади...

А вот это уже хреново... Надо уходить, если захомут городские, это позор будет...

Рванул, выскочил на тротуар. Решил, что оторвусь на следующем перекрестке, там двухуровневая развязка и движение такое, что... Пробежал метров сто – и остановился как вкопанный, как будто натолкнулся на невидимую стену. Впереди тормознула полицейская машина, перекрывая мне дорогу...

Делать было нечего – я метнулся в узкий, ведущий непонятно куда проулок, заставленный машинами. Если это тупик – а тупиками заканчивалось немало бейрутских улиц, – то я попался...

– Садитесь!

Я остановился, взглянул – незнакомая молодая дама приветливо махнула мне рукой, приглашая в машину. Обернулся – полицейские пыхтели уже метрах в пятнадцати от меня, а совсем рядом была приглашающе распахнута дверца автомобиля. Не говоря ни слова, я ввалился в салон, тяжело дыша...

– И часто вы устраиваете забеги с полицейскими? – иронично поинтересовалась моя спасительница, когда мы выезжали на Корниш, машиной она, кстати, управляла очень и очень... изрядно. Не по-женски...

– Как приходится, сударыня... – слегка отдышавшись, начал я. – Надеюсь, вы не принимаете меня за банального воришку...

– О, отнюдь, сударь... Банальные воришки не носят за поясом автоматический «браунинг»...

Меня словно дернуло током – вот ведь глазастая чертовка. Посмотрел на нее – внимательно, впервые с того момента, как сел к ней в машину, – и обомлел...

Даже не знаю, как описать то, что со мной случилось. За все время в Санкт-Петербурге, в других местах я много чего повидал... но красота моей спасительницы не шла ни в какое сравнение с тем, что я видел. И сердце биться перестало – вот более-менее точное описание моего состояния...

Незнакомка, кажется, поняла, что со мной происходит, и едва заметно улыбнулась... даже ухмыльнулась довольной такой ухмылкой...

– Извините, сударыня, за доставленные вам неудобства... – залепетал я, лихорадочно придумывая, что же мне сказать.

– Что же вы так смутились, – саркастически осведомилась дама, – впрочем, вы имеете шанс на мое прощение. Если расскажете, что с вами произошло – женское любопытство не дает мне ни секунды покоя...

И что говорить? Правду? Если бы еще слова вспомнить – вылетели у меня из головы абсолютно все...

– Видите ли, сударыня... Я прогуливался... по набережной... когда местный парнишка... украл у меня... видеокамеру... Я за ним погнался... Но полицейские приняли за вора меня... вот такая вот коллизия...

– А прогуливались вы всенепременно с пистолетом за поясом...

– Вообще то... Я офицер флота, и это мой служебный пистолет...

Сказал – и прикусил язык от досады. Если милая дама узрела, что у меня за поясом именно «браунинг» – она может знать и то, что на вооружении флота он не состоит и на «Орла»⁶⁵ он никак не похож. Впрочем, «браунинг» я мог купить и для ношения вне строя, так многие офицеры делают...

– Интересно... И зачем же офицеру флота, как вы изволили представиться, убегать от полицейских в этом случае...

– Простите, сударыня. Старший лейтенант флота Его Императорского Величества, князь Александр Воронцов! – отчеканил я, стараясь сбить разговор с опасного пути.

– Вот теперь лучше... господин офицер... – проворковала моя спасительница. – Вы становитесь похожим на цивилизованного человека. Меня зовут Юлия. Кстати, вы не знаете, что сейчас произошло на набережной? Я слышала какой-то шум...

Юлия...

– Не могу знать, сударыня... Не обратил внимания...

– Жаль... Впрочем, все можно узнать из газет. Я высажу вас там, на углу – до штаба морской базы рукой подать, и душителю свободы вас схватить не успеют. Вы не возражаете?

– Никак нет...

Юлия повернула руль, заложив рискованный вираж, припарковалась у тротуара. Машина, кстати, у нее была недешевая – «Даймлер-Бенц Купе». Вслед неслись возмущенные гудки...

– Сударыня... Я могу надеяться увидеть вас снова? Ведь как сказано в одной книге, «Мы в ответе за тех, кого приручили»...

Дама лукаво улыбнулась...

– Боюсь, вас сложно приручить, господин старший лейтенант. Впрочем... – Она достала из небрежно брошенной между сиденьями сумочки визитку, протянула ее мне. – Иногда по вечерам я бываю свободна...

Юлия Земцова. Вот так просто – ни адреса, ни рода занятий – только два телефона, оба мобильных...

---

⁶⁵ «Орел» – серия тяжелых пистолетов, под мощный патрон 10*25, сделанный на основе гильзы все того же «маузера», состоящих на вооружении армии и флота Империи. Больше всего они были похожи на пистолет «ТТ», но с дополнительным предохранителем и удобной рукояткой. «Орел» они назывались потому, что на щечках рукоятки был выгравирован двуглавый орел, в отличие от гражданских версий. Не каждый офицер мог точно и быстро стрелять из такого мощного пистолета, да и магазин у него был всего восемь патронов. Поэтому многие заодно покупали многозарядные пистолеты под немецкий патрон 9 «парабеллум». Такие пистолеты производились во множестве на заводах Империи, в том числе и по германской лицензии, и имели емкость магазина от 10 до 22 патронов. Стрелять из них было, конечно же, удобнее...

Моя спасительница уже растворилась в автомобильной толчее проспекта Александра Пятого, а я так и продолжал стоять. Наверняка, если бы кто-то не толкнул меня в спину, я бы так и простоял на краю тротуара до вечера, уподобляясь соляному столбу...

Бейрут, улица эль-Мутанаби 13 июня 1992 года

– Раздолбаи! Изверги! – веско проговорил Иван Иванович, стоя у окна и рассматривая что-то на площади. В нашу сторону он смотреть не хотел...

– По крайней мере, мы не попались полиции... – проговорил Али и тут же прикусил язык.

– И я должен вас за это благодарить? – саркастически осведомился Иван Иванович. – Еще бы вас задержали... Устроили перестрелку в городе, попались на глаза полиции. Этого достаточно для провала! Если бы не мое вмешательство – сегодня ваше описание было бы у каждого городского! Раздолбаи! Ладно...

Я молча смотрел в пол, переживая начальственный гнев...

– Хорошо... В любом случае, попасться-то вы действительно не попались... Есть и хорошие новости, господа. Предложенная вами, господин Воронцов, программа действий утверждена. И с сегодняшнего дня мы начинаем работать. Извольте ознакомиться...

Секретно

Департамент полиции

Главное оперативное управление

Дело оперативной разработки № 992/89

«Мулла»

1. Источник № 2/5846 сообщает, что 19.03.1990 года настоятель мечети, расположенной на улице аль-Сайдех, некий Али Хасан Джималь во время богословского спора, при стечении правоверных, заявил дословно следующее: «Русский царь, правящий нами, прожидовлен, благодаря ему миллионы правоверных живут в угнетении и рассеянии. Правоверные угнетаются, а жидаы возвышаются. До тех пор, пока все места, где ступала нога святого пророка Мохаммеда, не будут освобождены от неверных и жидов, Аллах не дарует нам спасения. Русские стоят над нами, а над русскими стоят жидаы. И русский царь – главный среди жидов, ибо его бабушка – жидовка». После этого разразился богохульствами, проклятиями на православную церковь и христиан, оскорблениями в адрес Высочайшего имени.

...

8. Принятыми мерами удалось установить, что помимо намазов в мечети, «Мулла» тайно собирает небольшие группы правоверных, в основном молодежи, и толкует им Коран. Источник предполагает, что таких групп может быть до десяти, по десять-двенадцать человек в каждой. Собрания происходят вне стен мечети, на квартире «Муллы» и в других местах.

...

10. Принятыми мерами установлено, что «Мулла», начиная, по меньшей мере, с 1990 года, регулярно, не менее чем три раза в месяц, посещает британский сэттльмент, а также вступает в контакты с подданными Британской империи, в частности с неким Джоном Сноу, корреспондентом «Лондон таймс». Результаты наружного наблюдения за объектом «Мулла» силами сыскной полиции будут доведены отдельно, спецдонесением...

...

12. Источник № 2/5228 сообщает, что в мечети, расположенной на улице аль-Сайдех, находится склад оружия и взрывчатых веществ. По

предположениям источника, «Мулла» не боится полицейской облавы потому, что у него в сыскной полиции есть осведомитель, который предупреждает его о готовящихся в отношении него оперативных мероприятиях...

– «Лондон таймс» – очень интересная газетенка... – любезно пояснил Иван Иванович. – Относится к категории желтой прессы, печатает всякие скандальные и непристойные новости, перепечатывает материалы других газет без разрешения. И в то же время – знаете, сколько у нее иностранных корреспондентов? Более ста!

Явная крыша британской разведки, к гадалке не ходи...

Я отложил в сторону тонкую папку с материалами, задумался...

– А как же дело в полиции? Если с ним что-то случится, сыскники начнут расследование...

– Не извольте беспокоиться... – сразу ответил Иван Иванович, как будто ждал этого вопроса. – Дело мною уже изъято. Официально – по линии КР, для проведения спецмероприятий, без регистрации. Теперь Мулла сыскную полицию не интересуется⁶⁶. А заодно мы провели собственное небольшое расследование. И вот что выяснилось...

Иван Иванович бросил на стол пачку фотографических снимков, веером разлетевшихся по столу...

Я глянул пару снимков – на них мужчина в обычной арабской одежде, отличающийся от прочих только длинной бородой, выходил из дверей какого-то дома. Снимали ночью, поэтому видно было нечетко...

– Что это?

– Это... – Иван Иванович недобро улыбнулся... – это одно интересное заведение. Полиция его пока не накрыла. Среди посвященных оно называется «Салон мадам Габери». Находится в Ждаиде, подальше от любопытных глаз. Знаете, чем там занимаются?

Я покачал головой.

– Мадам Габери – известная в узких кругах сводница. Бандерша, скажем так. Только специализируется она на ... скажем так, весьма юном товаре. У нее есть как девочки, так и мальчики. А наш Мулла, видимо, большой любитель детей⁶⁷. Возможно, на этот крючок его и поймали британцы, до недавнего времени он числился в благонадежных. Хотя – бес его знает...

И он еще смеет оскорблять Государя! Ну и мразь... Гнида поганая...

– В общем, так... – подвел итог Иван Иванович. – Времени на подготовку нет совсем, придется импровизировать. Сегодня среда, Мулла посещает сей сад райского блаженства по вторникам и четвергам. Если с ним что-то случится на пороге «Салона мадам Габери» – придет полиция и накроет весь этот притон. Заодно и выясним, почему местный урядник про вертеп у него под носом слыхом не слыхивал. А Муллою и тем, где именно с ним случилась беда, заинтересуются и правоверные, и Духовное управление⁶⁸. Так что за дело, господа...

– Иван Иванович... – снова начал Али, – а что с той... видеокамерой...

В свалке, в суете, Али все-таки ухитрился стянуть видеокамеру и уйти незамеченным.

– Работаем...

---

⁶⁶ К проведению мероприятий по линии КР, то есть контрразведки, сыскную полицию старались не привлекать из-за того, что у сотрудников сыскной полиции не было категории допуска к секретной информации, а при совместной работе ее раскрытие было бы неизбежно, за что могло впоследствии здорово попасть. Играли свою роль и обычные бюрократические интриги.

⁶⁷ В арабском мире отношение к таким вещам совсем другое. Половые сношения с детьми, в том числе гомосексуальные, считаются вполне нормальным, обычным делом. Часто бывает такое, что дорогому гостю в постель подкладывают семи-десятилетнего мальчика или девочку – и гость не протестует. Такое вот арабское гостеприимство. А вот если сексом займутся двое взрослых мужчин – в шариате за это смертная казнь. Впервые с этим столкнулись наши офицеры в Афганистане – там не возбраняется и взрослый гомосексуализм. Были так называемые «бачабозы» и «бачабериши». После общения с такими вот бачабозами очень хотелось помыть руки с мылом.

⁶⁸ Духовное управление мусульман – аналог патриархии.

Бейрут, бульвар Императора Михаила Поздний вечер 14 июня 1992 года

– Да проезжай! Совсем охренел, козел!!! – Али раздраженно стукнул кулаком по баранке – где только таким права выдают...

Хотя... Повод нервничать у водителей был, и серьезный – впереди был блокпост...

После взрыва жандармерия среагировала мгновенно – ко всем районам, где жили мусульмане, выдвинулась бронетехника. И, как оказалось, – не зря. Уже вечером в городе начались массовые беспорядки...

Все происходило как будто по точно разработанному плану. Вечером тринадцатого рядом с международным университетом начал собираться народ, в основном молодежь. Полиция и глазом не успела моргнуть, как число собравшихся перевалило за десять тысяч человек. В толпе то тут, то там мелькали люди, призывавшие идти убивать мусульман, чтобы отомстить за террористический акт. И как назло, рядом оказалась стройка...

Серьезных погромов все же удалось избежать, все ограничилось парой сотен перевернутых и сожженных машин и несколькими сожженными магазинами, принадлежащими мусульманам. Наиболее крупную группу блокировали как раз на бульваре Императора Михаила. После отказа подчиниться требованиям городских и разойтись всю эту толпу окатили холодной водой с подошедшего вплотную к берегу спасательного корабля-буксира. После холодного душа, подействовавшего на людей весьма отрезвляюще, желающих бесчинствовать не осталось и все разошлись, побросав арматуру.

Но были и инциденты – все улицы, ведущие в мусульманские кварталы, плотно перекрыть не удалось, и мелким группам погромщиков все же удалось проникнуть за периметр оцепления. Стычки с мусульманской молодежью и с жандармерией продолжались всю ночь. К утру ситуация резко обострилась – и с той и с другой стороны появилось оружие. Тогда генерал-губернатор принял решение отключить все виды связи, в том числе Интернет, где неизвестные размещали призывы к различным акциям, к сопротивлению властям, к насилию. В двенадцать часов дня в город на усмирение вошли казаки и чеченцы, части морской пехоты блокировали порт и встали живым щитом между кварталами. Все с тревогой ждали ночи...

По-хорошему, операцию надо было отменять. Да и Мулла, совсем не факт, что пойдет в такое время в обитель разврата. Но мы решили проехаться и хотя бы посмотреть на место предстоящей акции...

Машины продвигались медленно, бульвар был перекрыт темно-зелеными тушами бронетранспортеров. Их было два – в полутьме, освещенные только светом фонарей, они казались еще больше и уродливее, чем есть на самом деле. Пушки одного бронетранспортера были повернуты в сторону мусульманских кварталов, второй уставился толстыми ребристыми рылами стволов⁶⁹ на дорогу, на выстроившуюся перед блокпостом колонну машин. Как подумаю, что в башне сидит какой-нибудь пацан из новобранцев и держит палец на кнопке электроспуска, так не по себе становится...

Часть морпехов проверяла машины, часть сидела на броне, прикрывая. Оружие – не за спиной, а в руках, в полной боевой готовности. И сидели грамотно – лампочки в фонарях уличного освещения над блокпостом перебили и притащили откуда-то несколько прожекторов, развернули в обе стороны. Теперь они сами в темноте и их не видно – а вот они видят все...

– Может, наши там... – рассеянно пробормотал я.

---

⁶⁹ Судя по всему, тут речь идет даже не о БТР, а о специальной машине огневой поддержки. Основным ее оружием была спаренная тридцатимиллиметровая авиационная пушка с боевого вертолета, с сумасшедшей скорострельностью, способная разрезать своими снарядами многоэтажный жилой дом пополам.

– Хреново было бы... – досадливо отозвался Али. – Чужие все равно документы проверят и пропустят, а наши еще начнут думать, а что это мы тут ездим...

– Оно так...

Машины продвигались вперед черепашьям темпом, вдоль рядов машин шли солдаты, недоверчиво просматривая документы, светя фонариками в салоны машин. Подозрительные машины проверяли чуть в стороне, в организованном на тротуаре «отстойнике»...

К счастью для нас – наших здесь не было, нас никто не знал. В качестве документа Али протянул два офицерских удостоверения личности – свое и мое, с небольшими наклейками в углу, означающими запрет проверки и досмотра, – их нам выдал Иван Иванович. На какое-то мгновение я занервничал – и в салоне и в багажнике машины было оружие, но обошлось. Все-таки флотский флотскому всегда друг, товарищ и брат, даже если они и не знакомы лично. Мельком глянув документы, солдат протянул их обратно...

– Будьте осторожны, господин старший лейтенант... – решил напутствовать он нас, – впереди беспокойно...

– А что такое?

– Да молодежь собирается, что с той, что с другой стороны. Отморозки, чтоб их... Не терпится друг другу кровь пустить. Еле сдерживаем...

– Хорошо. Будем иметь в виду. Спасибо.

– Не за что, господин старший лейтенант. Удачи...

Мы переглянулись – говорить тут было нечего. Али ловко направил машину в небольшое пространство, оставленное между двумя бронетранспортерами. Удивительно, но, несмотря на погромы, жизнь в городе не замерла и желающих попасть в мусульманские кварталы было много. Таков уж Бейрут...

«С той стороны», с мусульманской, следы уличных побоищ еще были видны, хотя их уже начали убирать сами жители. Перевернутые, в некоторых местах еще дымящиеся мусорные контейнеры – во время беспорядков они пострадали первыми, разбитые и сгоревшие машины, но их было немного. И только в одном месте черным провалом, заметным даже на фоне ночи, щерилась сгоревшая лавка...

– Из-за нескольких подонков... – пробормотал Али.

– Что?

– Да из-за нескольких подонков все страдают.

– Оно так...

Через несколько минут мы остановились в лабиринте улочек Ждаида – район был старый, располагался на холмах и был застроен как попало домами, которым было по сто-двести лет. Оглядевшись по сторонам, насколько это позволяла ночь и тусклое освещение, я нашел и позицию для наблюдения и стрельбы – прямо напротив того дома, который был нам обозначен как «Салон мадам Габери», был трехэтажный дом старинной постройки, причем складывалось такое впечатление, что все три этажа были построены в разное время и были частями трех разных домов. Но самое интересное – каждый этаж дома имел отдельный вход, а сбоку была пристроена лестница, похожая на пожарные. Перед каждой дверью была небольшая терраса с вьющимися растениями – в общем, идеальное укрытие для снайпера...

– Купил?

Али должен был сходить на местный базар и купить оружие для акции – если знать где, то купить его можно было без проблем, хоть станковый пулемет...

Али полез в бардачок, вытащил большой сверток, завернутый в какую-то тряпку, протянул мне. Я развернул его на коленях, взял в руки матово поблескивающий в тусклом свете салона пистолет. Знакомая штука, «кольт-1911», полноразмерный, по виду новый или почти

новый. Состоял на вооружении в САСШ, мы его изучали как оружие вероятного противника. Не такой точный, как «маузер», но убойный...

– Глушитель где?

– Нету... – виновато пожал плечами Али, – не успел сделать...

– Ты дурак? – разозлился я. – И что мне с ним делать без глушителя? Сейчас один выстрел – и со всей округи сбегутся!

– Мы же хотели только посмотреть сегодня...

– Посмотреть... – Я вернул Али пистолет, достал из кармана пассажирской двери «маузер», навернул на него глушитель – благо ствол с коротким ходом, глушитель на него сделать проще, чем на систему Браунинга. Жаль, конечно, после акции такую вещь придется выбрасывать, но делать нечего. Может, и не приедет сюда Мулла сегодня, побоится...

И тут на узкой улочке появилось такси...

Такси здесь не узнать было сложно – здесь в качестве такси работали машины «Даймлер-Бенц», такого роскошества не было даже в Санкт-Петербурге...

– Давай немного вперед...

Проехали вперед, встали так, чтобы машина была полностью в тени. Такси, ползшее на минимальной скорости, остановилось метрах в ста от «Салона»...

– Он?

Али поднес к глазам бинокль с ночным каналом...

– Похоже, он...

Из салона выбрался полноватый мужчина, одетый в арабскую галабию. Видно было плохо, но Али должен был видеть его вживую – сегодня он ездил на разведку и наблюдал за объектом...

– Похоже или точно он?

– Он. Точно он...

Все-таки приехал... Мужчина поднялся по улице, стоило ему только подойти к ничем не примечательной двери, как она распахнулась, на улице на мгновение показалась женщина, одетая, как исполнительница арабских танцев, взяла гостя за обе руки и увела в дом. Дверь захлопнулась...

Приехал-таки, сволочь...

– Короче – я занимаю позицию вон там, – я показал на странный дом с лестницей, – а ты отъездь еще чуть дальше. Если что – встречаемся завтра на «Маар Майкл», там кафе у причала. Знаешь?

– Знаю...

– Все. Пошел, – отрубил я.

– Удачи ... – откликнулся Али.

Мандража почти не было. Изображая из себя слегка подвыпившего местного, насколько это позволял мой рост и сложение⁷⁰, я добрался до дома, оперся о стену, отступил в тень, расстегнул штаны и начал мочиться. Пока мочился, осмотрел окрестности – ставни по всей улице закрыты наглухо, но через ставни «Салона» тонкими лучиками пробивается яркий свет. Прикинув ситуацию, я несколькими прыжками преодолел ступеньки, залег на втором этаже, прикрывшись зарослями вьюнка, замер. Пистолет положил рядом с собой, замаскировав его садовым горшком с цветами. Оставалось только ждать...

---

⁷⁰ Арабы вообще низкорослые, все это связано с веками плохого питания. Конечно, за время имперского правления молодое поколение уже вытянулось, но богатырей от метра восьмидесяти и выше все же было намного меньше, чем среди русских. Да и телосложением отличались – арабы не занимались гимнастикой, спортом, это было не принято, и даже в армии приходилось заставлять из-под палки. У русских же подростков спорт, «железо» были почти обязательными, поддерживались государством – поэтому и выглядели они на фоне арабов очень внушительно...

Мулла появился через два часа. Позабавился с детьми, сволочь, – теперь надо было выспаться перед пятничным намазом. И носит ведь земля такую вот мразь – сегодня детей трахает, завтра людям слово Божье понесет...

Провожала его все та же женщина – теперь я видел ее отчетливо, до нее было метров двадцать, не больше. Среднего роста, в роскошном вычурном костюме арабской танцовщицы, средних лет, но все еще с прекрасной фигурой. Видимо, сама мадам Габери...

Пока они прощались на фоне ярко освещенного прямоугольника двери, я взял Муллу на прицел. Стрелять было сложно, поэтому я положил пистолет на согнутую левую руку, прицелился...

Интересно, где он сейчас машину будет искать? Такси-то ему не вызвали. Может, боится, что кто-то его запомнит?

Остальное было проще простого. Простившись с бандершей, Мулла повернулся, сделал несколько шагов – и тут я выстрелил. Попал точно, куда и хотел – в голову. Мулла осел на тротуар, грузно и нелепо, словно мешок с дерьмом. Прицелившись по лежащему, я выпустил весь остаток обоймы – чтобы наверняка...

Спустился, зачем-то подошел к лежащей на тротуаре туше, наклонился... Кровь казалась черными полосками целлофана на более светлой коже, голова была разбита пулями вдребезги. После таких ранений не живут. Дело сделано...

Пистолет я выкинул чуть дальше, разобрал на части и выкинул по разным мусорным бакам. Хотя на нем и не было отпечатков – давать в руки следствию лишние улики не стоит...

Бейрут, бульвар Корниш 15 июня 1992 года

Али утром отправился на «Александра Колчака», я же купил местной прессы, карту города и уединился в снятой мною квартире. Делать пока было нечего...

Убийству Али Хасана Джимала, видного мусульманского богослова и настоятеля крупной мечети, посвящены были первые полосы тех местных газет, которые, несмотря на беспорядки в городе, все-таки сумели выйти. Версии выдвигались самые разные, наиболее часто упоминалось, что он стал жертвой христианских юнцов-фанатиков, готовых убивать. Рассматривалась также и версия неудачного ограбления, хотя она изначально была идиотской – ну не станет грабитель стрелять жертве в голову с двадцати метров.

Видна была работа и департамента полиции. Практически во всех газетах было упомянуто, что убит видный мусульманский богослов был в двух шагах от двери «непристойного вертепа», который накрыла полиция. Что он там делал и был ли там вообще – газеты умалчивали, но мысли рождались нехорошие. Упоминали также о том, что убийство могло быть связано с уголовными разборками из-за закята⁷¹.

Раскаивался ли я? Не спал ли ночью? Каково чувствовать себя палачом? Ну, если вас так это интересует, давайте об этом и поговорим, пока время есть...

Я, кажется, уже упоминал, что любой дворянин Империи – ее солдат, иначе он просто не имеет права быть дворянином. А солдат должен защищать свой родной дом от всех врагов, внешних и внутренних. И делать все для этого, в том числе и то, что другие делать не хотят или не могут.

Этот Джималь, мулла, очень любящий маленьких детей, – хотите сказать, что он не враг? Что он обычный гражданин, имеющий право на справедливый и беспристрастный суд? Ой ли? Сначала эта мразь насилует детей, потом несет людям слово Аллаха, потом возводит хулу на Государя, потом собирает какие-то сборища, потом предает Родину, вступает в сношения с агентами британской разведки, неизвестно зачем ходит в сеттльмент. И это – гражданин, имеющий право на суд?! И это вообще человек?

Это самый настоящий враг. Раковая опухоль, которая разлагает страну, становится причиной метастазов, если ее не удалить. Хирургическим путем – другой путь пока неизвестен. Удалил – возможно, больше опухолей не будет. Не удалил – рак убьет тебя. И здесь не до сантиментов, права всего организма на жизнь несоизмеримы с правом на жизнь *опухоли*. Раковая опухоль, убивающая нас, именно так следует расценивать людей, подобных Джималю. И удалять их, пусть это боль и кровь – но удалять. Пока метастазы не пошли по всему организму.

Поэтому и спал я хорошо и никакими муками совести не страдал. Не грешно это – избавиться от опухоли. И хирург – это не палач, он удаляет малое для того, чтобы все остальное могло продолжать жить...

Что-то вдруг будто толкнуло меня в спину. Я отложил газеты, достал визитную карточку, набрал номер. Но вместо ее голоса я услышал гудки, показавшиеся мне похоронным звоном...
Черт!

Начал набирать второй номер, думая про себя, что не может так все закончиться, ну просто – не может. На сей раз в уши вместо гудков полилась тягучая арабская мелодия, чем-то похожая на азан. И, наконец, я услышал голос. Ее голос...

---

⁷¹ Закят – ежегодный налог, который должен платить каждый мусульманин и который некоторые недобросовестные муллы пускают совсем не на помощь бедным...

– Алло...

– Юлия... Всю прошедшую ночь я думал исключительно о вас...

Ее смех был похож на перезвон колокольчиков...

– А, господин офицер... Скрывающийся от жандармерии... Я надеюсь, вы добрались до своего места службы...

– Только благодаря вам, прекрасная незнакомка... И я, как порядочный человек и как русский офицер, не могу вас не отблагодарить... Как вы смотрите на то, чтобы провести этот вечер вместе... скажем, на побережье... Там есть милые рестораны...

Юлия снова рассмеялась...

– А если на нас нападут? Там, говорят, бесчинства, страшно на улицу выйти...

– Со мной никто не посмеет даже близко к вам подойти... – заверил ее я, – и «браунинг» я всенепременно возьму с собой...

– Однако, боюсь... я занята этим вечером... – Мое сердце пропустило удар и, возможно, не один. – Мои друзья пригласили меня на вечеринку, это в Борж эль-Бражнех. Но у меня нет кавалера на вечер... так что, если вы желаете...

– О большем я не мог бы и мечтать, сударыня... – За долю секунды я взмыл из пропасти разочарования к вершинам блаженства. – Позвольте узнать, где мы встретимся...

– Думаю... вы сможете заехать за мной в четыре часа... Я живу на аль-Рашидин, 19. Знаете, где это?

– Ничто в мире мне не мешает найти...

– Тогда я буду ждать вас у дома. Форма одежды свободная, можете одеваться, как хотите...

**Бейрут, район Санайех
Департамент полиции
15 июня 1992 года**

– Фамилия, имя, отчество?

– Забыл...

Следователь, пожилой, невысокий, с серым от усталости лицом, в мятом полицейском мундире, отложил ручку в сторону, с укором взглянул на развалившегося на стуле по другую сторону стола бритого юнца. Юнцу было лет шестнадцать, не более...

– Слушай, парень. Ты меня не зли. Тебе когда на сборы идти?

– А что?

– А то! Тебе пока что хулиганство светит и сопротивление полиции при задержании. Сейчас оформлю материал, передам тебя станичному атаману – по этим статьям тебя сход имеет право судить. Атаман на сходе возьмет розги да вложит тебе ума по голой-то заднице. А если будешь кочевряжиться – массовые бесчинства – до десяти лет каторги!

– Лучше бы черным ума вкладывали...

– Ну вот ты мне и обскажешь, кто тебя надоумил с черными сражаться, – добродушно проворчал следователь, беря в руки инструмент своего труда и пододвигая к себе бланк протокола допроса. – Давай снова. С чувством, с толком, с расстановкой... Фамилия, имя, отчество...

– Тимофеев. Александр Саввич...

– Вот и хорошо... Александр Саввич... Возраст?

– Шестнадцать скоро...

– Скоро – это когда?

– Через полтора месяца... – нехотя буркнул пацан.

– Через полтора месяца... – эхом повторил следователь, ручка стремительно бегала по бумаге, старая гвардия предпочитала заполнять протокол вручную, не на компьютере... – вот и хорошо. Хороший себе подарок на шестнадцатилетие преподнес... Проживаешь где?

– Кафрия. Долина Бекаа.

Следователь записал установочные данные, скороговоркой прочитал права и обязанности, отложил в сторону ручку. Посмотрел на пацана пронзительным, совсем не сочетающимся с безобидной внешностью, взглядом. Внимательно так посмотрел, пристально, этот взгляд вырабатывается у опытных полицейских следователей с годами. Не выдержав, пацан опустил глаза в пол...

– Рассказывай. Кто тебя надоумил строительную арматуру в руки взять, идти в мусульманский квартал машины поджигать, погром учинять. Или сам домыслил до такого?

– Точно так...

– Неужели? И остальные, что с тобой были, – они тоже сами это умыслили?

– Не знаю... Я за других не ответчик... Чужая душа – потемки...

– Это уж точно... – сочувственно вздохнул следователь. – Тебе бы за себя-то ответить...

Ты в какие войска идти хочешь?

– В десант! – не задумываясь, брякнул парень и только потом ошетинился: – А вам какое дело?

– Да в принципе никакого... Только вот в десант с судимостями не берут. А ведь я могу и дело твое передать атаману вместе с тобой. Тебе без разницы, все равно на сходе голой задницей сверкать, что так, что так. А судимости не будет. И подумай, парень, – я ведь не предлагаю

тебе друзей сдавать. Меня интересует, были ли среди вас незнакомые и кто придумал идти погром учинять? Ведь это не ты придумал и не твои друзья?

– Нет...

– Не вы. А кто?

– Не знаю... Познакомились...

– Где?

– Около университета... Мы со станичными в город приехали, решили по набережной погулять. Тут видим – народ стоит. Решили посмотреть – что к чему. Там нам и обсказали все – мы сами не видели, что стряслось...

– И кто обсказал? Как он выглядел?

– Чернявый такой. В майке яркой с гербом. Лет двадцать пять, обычный такой...

– Зовут как?

– Михаилом...

– Фамилии, конечно, не спросили... И что вам сказал этот Михаил?

– Да много... Что черные дирижабль с детьми взорвали. Что у них там в кварталах ихних банды, что они с русских дань берут. Что они женщин наших насилюют...

– Понятно. И потом он сказал, что надо идти громить. Так?

– Не. Сначала постояли, послушали...

– А где бутылки с бензином, арматуру взяли?

– Так потом... Там у стройки машина была, в переулке стояла, с нее и раздавали.

– А где сейчас этот Михаил? Его с тобой задержали?

– Да нет вроде...

– Понятно, – кивнул следователь, – значит, как языком болтать – горазд. А как на дело идти – так смылся ваш Михаил, вас одних кинул. Так получается?

– Не так! Ну, ведь и в самом деле взорвали дирижабль, я же знаю...

Следователь устало вздохнул, отложил карандаш в сторону...

– Взорвали-то взорвали, что есть, то есть. Только сам подумай – недавно взорвали, а уже кто-то целую машину арматурой и бутылками с бензином загрузил. Значит, они знали, что должно случиться, ведь так? Вот и подумай – за кем ты пошел и чью родину защищал с арматурой в руке, дурак. Михаила этого? А одна ли у него с тобой родина?

Пацан молча смотрел в пол, пытаюсь все осмыслить. Там, на улице, все казалось простым и понятным. Мусульмане взорвали дирижабль, убили детей – и кто, как не казаки, должны пойти и наказать их за это. А теперь получалось, что и впрямь – то, что казалось простым и понятным, на поверку оказалось совсем другим. Подлым и грязным...

Три человека наблюдали за допросом из соседней комнаты через стекло с односторонней прозрачностью. Один в полицейской форме, усталый и измотанный, не спавший уже трое суток. Еще один – крепкий, с наголо бритой головой, окладистой черной бородой и горским кинжалом на поясе в серебряных ножнах – «Комбат-1», командир чеченского спецбатальона⁷², введенного в город ночью на усмирение. Третий – в штатском, выглядевший менее уставшим, чем двое других. Представитель Петербурга, волею судьбы оказавшийся в этот момент в городе...

– Много таких вот гавриков? – осведомился Иван Иванович, машинальным жестом поправляя галстук.

– Больше двух тысяч задержали...

---

⁷² Чеченцев в армии Империи было много. Поскольку всеобщей военной повинности не было, она касалась только отдельных категорий, а в Ичкерии был культ воинственности и бедная земля, не дававшая возможности вести богатое сельское хозяйство – больше половины чеченских юношей шли делать карьеру в армию. Раньше была отдельная «Дикая дивизия», сейчас из чеченцев организовывались спецбатальоны, разбросанные во всей территории Империи.

– И что дальше с ними?

– А что с ними сделаешь? Пацаны совсем еще... В Ближневосточное казачье войско сообщили, пусть своих забирают да по станицам развозят – казаки сами ума вложат розгами по жопе. Дела тоже передадим, зачем жизнь ломать, мальцы еще совсем... Остальным – мелом крест на спину, метлу в руки и вперед. Работы много нынче в городе...

– В армию их надо... – пробурчал чеченец, оглаживая бороду, – в армию. Там от дури этой быстро отучатся, вах. Защитнички родины нашлись, шайтан вах калле...

– Малы еще...

– Показания совпадают?

– Совпадают, отличия в деталях. Две основные схемы. Кто-то устроил флэш-моб⁷³ по Интернету, часть из погромщиков клюнула на это. Остальные вот так вот попали. Одна схема – какой-то организатор и вдохновитель сборища, потом раздают арматуру и вперед. Самого же вдохновителя задерживать не за что – он держится позади, в бесчинствах не участвует. Чуть что – и нет его.

– А подстрекательство к массовым бесчинствам?

– Так поди знай – кто именно подстрекает... А что Петербург по этому поводу думает, господин Кузнецов?

Кузнецов задумался, решая, что можно сказать. Не вся информация могла быть раскрыта сейчас...

– Есть информация, она, видимо, будет разослана позже, в качестве информационного бюллетеня. В Северо-Американских Соединенных Штатах создан и успешно действует так называемый «Фонд Свободы». Есть там и другие... общества... но этот основной. Целью его является раздача грантов, организация бесплатных учебных курсов и программ для подростков из других стран. Привлечение наиболее активных представителей русской молодежи по студенческому обмену. Это официальная цель. Неофициальная – там обучают методам подрывной деятельности, с особым упором на методы ненасильственного сопротивления власти. Окончательная цель всего этого – создание неких оппозиционных групп действия у нас и в Священной Римской империи с вовлечением в них широких масс, прежде всего молодежи, и в конечном итоге... массовые бесчинства, межнациональная и межрелигиозная рознь, государственный переворот и захват власти. Судя по всему – здесь сработали именно они, беспорядки долго и тщательно готовились и были скоординированы по времени с террористическим актом.

– Ишь, на что нацелились-то... – Полицейский чиновник, человек немолодой, покачал головой. – На что целятся-то... На захват власти. Аппетиты...

– Аппетиты. И сегодня они нам показали – их схемы действуют. А мы оказались к ним не готовы ...

---

⁷³ Флэш-моб – термин, появившийся в последнее время. Означает организацию какой-то массовой акции с координацией ее и сбором участников по Интернету и мобильникам. Очень опасное и действенное средство.

Бейрут, район Борж эль-Бражнех Вечер 15 июня 1992 года

На аль-Рашидин я прибыл, конечно же, вовремя – никакая сила не могла меня остановить в тот день. За то время, которое мне оставалось, я успел раздобыть свой парадный мундир – благо с «Александра Колчака» в город вертолеты летали каждый час – и даже привести его в более-менее приемлемый вид. Пистолет я взял с собой, даже целых два – «браунинг» и «вальтер». В городе было по-прежнему беспокойно, хотя основная волна беспорядков пошла на спад – быть выпоротым прилюдно и прямо на месте задержания казаками не хотел никто. Город приходил в себя после вспышки безумия...

Появилась и информация о взрыве на борту экскурсионного дирижабля «Закат». Информации было немного, цензура работала на полную мощность – но можно было понять, что на борт пронесли мощное взрывное устройство, что никто из пассажиров и членов экипажа не уцелел при взрыве (точные данные о количестве погибших засекретили) и что ведется расследование. В конце каждой статьи была стандартная фраза о сочувствии родственникам погибших и о том, что злодеи будут непременно найдены и казнены⁷⁴.

Аль-Рашидин, девятнадцать, – оказалось, это был один из вновь построенных шикарных жилых комплексов, из тех, в которых богатые купцы и дворяне покупают себе квартиры на лето, рядом с морем, подальше от холодных зимой и душных летом Москвы, Санкт-Петербурга и Екатеринбурга. У деда была подобная квартира в Константинополе, на самом берегу моря – все-таки род Воронцовых был и дворянским и богатым, положение обязывало. Вот только эта квартира стояла пустой уже три года, не меньше...

Юлия меня обманула – форма одежды, видимо, была совсем не свободной. Она нарядилась в черное обманчиво скромное платье «от кутюр», в шляпку с небольшой вуалью – и в этом наряде могла сразить кого угодно. Впрочем, и мой парадный черный мундир, на который я еще не успел нашить новые погоны, смотрелся неплохо, как раз «в такт»...

– А вы меня обманули... – заявила Юлия, увидев меня. – Говорили, что вы старший лейтенант...

– Клянусь честью, я просто не успел нашить новые погоны. Я действительно старший лейтенант флота.

– Как интересно... А вот это что означает?..

– Это купол парашюта, такой значок. Означает, что я выполнил пятьдесят парашютных прыжков. Парашют – моя слабость, сударыня, в училище я не мог напрыгаться...

– А я боюсь... Очень хочу, но боюсь...

– Если позволите... Есть парашюты-спарки для инструктора и ученика... Мы можем прыгнуть вместе, это совсем не опасно...

– Я все равно боюсь... – Она состроила на лице обиженную гримаску маленького ребенка. – А вот это что означает?..

– Это маска подводника... Двадцать пять погружений под воду...

– Значит, вы умеете и под водой плавать, и с парашютом прыгать. А разве так бывает?

Мда-а-а... Что ни говорить – глазастая девочка, глазастая. А я – дурак набитый. Точнее, придурок конченный. Надо было это снять, все эти цацки блестящие. Купол парашюта и маска подводника на мундире – отличительный признак, по которому можно определить бойца раз-

---

⁷⁴ За террористический акт с гибелью людей по Уголовному уложению предусматривалась только одна форма наказания – смертная казнь. Вообще, не так давно смертная казнь в мирное время за общеуголовные преступления была отменена, осталась только за антигосударственные. Смертной казнью наказывались государственная измена, шпионаж и терроризм.

ведывательно-диверсионного подразделения флота. Решил пыль в глаза пустить своим нарядом – вот теперь и думай, что врать...

– Бывает, сударыня, бывает... На русском флоте и не такое бывает. Мы не опаздываем?

– Да пока еще нет... – Юлия взглянула на часы, дамский «Пиаже». – Давайте покатаемся немного по бульвару. Почему-то с вами, Александр, я чувствую себя в безопасности...

Найти место, чтобы поставить машину, было сложно – все как будто взбесились. Побережье было уставлено машинами, которые стояли буквально одна к одной. Предприимчивые граждане торговали дешевыми подзорными трубами – кто-то смотрел на место трагедии из прибрежных кафе, кто-то и просто с набережных. Волна мерно качала венки и цветы, которых было немало, бессильно билась о гранит набережной. Трагедия уже произошла – и ничего с этим сделать было нельзя...

Место для парковки я нашел у самого консульства САСШ, причем нарушив правила. Рядом стоял бронетранспортер – все еще боялись бесчинств. Будем надеяться, что на машину не наткнется городской или дорожный полицейский – иначе не миновать мне разбирательства, особо неприятного, когда рядом красивая женщина. Время до начала вечеринки еще было...

– Разрешите пригласить вас в местное заведение на чашку кофе, сударыня...

– Бросьте... – проговорила Юлия. – Будьте проще. Меня зовут Юлия, и я отнюдь не принцесса и не дама света...

– Извините, – решил держать марку я, – но я флотский офицер. Воспитание не позволяет мне вести себя по-иному...

– Однако же воспитание ваше вполне позволяло вам бегать наперегонки с полицейскими... Что ж, пойдемте, господин офицер, – можете взять меня под руку...

На побережье мы задержались дольше, чем следовало бы – в одном из кафе на сваях, к которому вел узкий, раскачивающийся под ногами помост – своего рода экзотика. Тем не менее от отсутствия клиентов заведение не страдало – все дело было в том, что дамы боялись идти в каблуках по этому помосту – и кавалерам приходилось нести их на руках метров двадцать – сначала туда, а потом и обратно. Редко кто пренебрегал такой великолепной возможностью взять на руки даму своего сердца – не пренебрег ею и я. Когда я шел по этому помосту – поймал себя на мысли, что вполне могу свалиться вниз, в воду, несмотря на всю мою подготовку. От аромата незнакомых духов кружилась голова...

Повезло мне и с машиной – когда, опомнившись и посмотрев на часы, мы буквально подбежали к консульству, машина была на месте, и даже извещения о штрафе под стеклоочистителем не было – вот когда везет, тогда везет во всем. С пол-оборота заведя машину, я лихо встроился в сверкающий огнями автомобильный поток – сумерки уже укрыли город черным покрывалом...

Вечеринка была в самом разгаре – опоздали мы не меньше чем на час. Местному обществу я еще представлен не был, поэтому мое появление произвело среди дам настоящий переполох. Флотский обер-офицер, да еще князь крови из столицы – лакомый кусок для местных девиц на выданье. Тем не менее компанию для общения я себе нашел сугубо мужскую – из пары отпрысков солидных местных купцов и одного из местных офицеров с базы...

Танцы я танцевал только с ней. Не знаю, известен ли был местным обычай вызывать на дуэль, здесь не принятый, или нет – но, кроме меня, никто на мою даму в этот вечер больше не посягал...

Бейрут, Британский сэттльмент Вечер 15 июня 1992 года

Территория британского сэттльмента, расположенного на юге города, в районе Хальд, еще с момента создания была обнесена высоким, почти трехметровым забором. Под сэттльмент договором отводилось десять гектаров, и британцы использовали их ровно все до единого. Не проходило и года, чтобы посланник Британской короны в Петербурге – сейчас это был сэр Александр Уоттс – деликатно не намекал на то, что неплохо было бы либо продлить договор, либо дать дополнительные площади. Хоть немного, ибо земли для застройки уже катастрофически не хватало, а цены на землю на территории сэттльмента были выше, чем цены на такой же участок в центре Лондона. Но каждый раз он натывался на вежливый, но холодный и твердый отказ...

Все дело было в том, что Британия наряду с Японией была единственной империей, которая не имела собственных источников нефти. У САСШ источники были и на Аляске, и в Мексиканском заливе, и в Техасе, и в Венесуэле. Разрабатывались скважины на южноамериканском шельфе. Германская империя большую часть своих потребностей в нефти удовлетворяла за счет Африканского континента, немного покупала и у Российской империи. Австро-Венгрия все, что ей было нужно, закупала – но ее всерьез никто не воспринимал, да ей и надо-то было немного. И только две великие державы – Япония и Британия – остались без собственной нефти.

Но Япония, держа под контролем всю Южную Азию, за последнее время сильно развила свое производство и торговлю⁷⁵. Торговля шла со всеми – оставаясь самураями, японцы превратились еще и в искусных торговцев. В САСШ товары поставлялись морем, в России на полную мощность работала стратегическая железнодорожная магистраль. Поэтому деньги, чтобы покупать нефтепродукты у России – она была почти монопольным торговцем на международном рынке, – у нее были. А вот Британия...

Британии приходилось тяжелее всего. Единственным источником нефти для Британской империи было Северное море и громадные залежи битуминозных песков в Канаде. Северное море постепенно истощалось, а нефть, добытая из битуминозных песков – хотя их залежи были просто огромными – стоила слишком дорого. Сцепив зубы, британцы покупали нефть у Российской империи – причем даже не нефть, а нефтепродукты и с тревогой ждали того часа, когда окончательно истощится Северное море. По прогнозам, этот час мог наступить в 2010 году – меньше чем через поколение, – и тогда великая империя будет униженно просить у варваров дополнительных поставок. Допустить этого гордые британцы не могли – но и сделать ничего не могли. На море силы двух империй были примерно равны – но на суше... Лучшие британские полководцы не взялись бы высаживать десант в любой точке Евразийского континента – он был бы просто сметен в море в течение нескольких дней. Не подходил и удар из Индии – прежде чем выйти на просторы русских равнин, войскам пришлось бы преодолеть сотни километров горных перевалов. На это уйдет как минимум десять дней – за это время русские успеют отмотилизоваться и встретят британцев с трехкратным, если не четырехкратным перевесом в живой силе и технике. Ох, не зря русский царь держал в Туркестане усиленную группировку войск, в которую входило несколько дивизий ВДВ – Россия сама имела виды на Индию...

---

⁷⁵ Территория Японии включала в себя Китай и Корею, кроме того, был ряд вассальных государств. Конечно, Китай не стал всемирной фабрикой, просто не мог ею стать в этом мире. Доллар был всего лишь одной из валют, САСШ не могли безудержно развивать свое потребление – поэтому многое производили сами. Российская и Германская империи вообще были довольно закрытыми и многое производили сами. Тем не менее японское терпение и упорство в сочетании с китайской работоспособностью давали плоды. Китай хоть и производил намного меньше, чем сейчас, но зато понятия «китайское качество» не существовало.

Оставалось только одно – действовать с истинно британским упорством, лукавством и коварством. В конце концов, врага можно победить мечом – а можно и ядом...

Сегодня была одна из тех встреч, что проходили еженедельно, по пятницам. Вообще, британская резидентура работала круглую неделю – но итоги подводить было принято именно по пятницам...

Сейчас перед резидентом – маленьким лысоватым человечком с птичьим лицом сидел человек, которого многие знали как Джона Сноу, корреспондента скандальной «Лондон таймс». Сноу, высокий, статный красавец шатен лет тридцати, шатался по всем значным местам Бейрута, собирал разные сплетни и слухи – в основном грязные – и публиковал их. Если же сплетен и слухов не доставало – он сам выдумывал их и запускал в оборот, не останавливаясь и перед тем, чтобы опорочить людей, приближенных к высочайшей особе, а то и саму венценосную семью. За это он уже успел получить два административных штрафа и неприятную беседу с помощником генерал-губернатора, вежливо напомнившим британцу, что за клевету по Уголовному уложению полагается телесное наказание⁷⁶. Впрочем, к нему привыкли и относились как к неизбежным неприятностям – вроде промозглого дождя пополам с градом.

И совершенно напрасно. Под личиной наглого борзописца скрывался опасный разведчик, против которого у властей если что и было – так только ничем не подкрепленные подозрения. Именно он был одним из тех немногих, кто имел информацию о местонахождении лидеров террористов и самого Осамы Бен Ладена...

Сегодняшняя встреча была... скажем так, несколько омрачена недавними событиями. Только что британская разведка убедилась в работоспособности проекта «Волна». Этот проект разрабатывался лучшими специалистами из Тэвистокского института⁷⁷ и был направлен на то, чтобы разорвать связь поколений, привить молодежи иные, чуждые ценности. Для этого использовалось все – Интернет, провокаторы, слухи, чуждая музыка и мода. Если врага нельзя победить мечом – отрави его ядом...

Но успех проведенного испытания – жизнь в огромном городе на пару дней была буквально парализована – затмил серьезный провал. В районе Ждаид, на одной из узких улочек мусульманского квартала, был буквально изрешечен пулями известный мусульманский богослов Али Хасан Джималь, являвшийся весьма важным звеном в террористической цепи. Хуже того. Если бы его просто убили – можно было бы представить это как убийство видного мусульманского богослова русскими националистами-патриотами. Но полиция на удивление быстро установила, откуда выходил этот видный мусульманский богослов, и накрыла целый притон. Даже не со шлюхами, а с детьми, среди которых были и купленные и похищенные. Русские в этом случае успели первыми, начали кампанию в СМИ – а верят всегда первому слову и первому впечатлению. Да еще мадам Габери – посредством тайно сделанных снимков из ее салона удалось установить доверительные отношения с очень многими! – сейчас сидела в доме предварительного заключения, и ей за содержание притона с несовершеннолетними детьми грозило двадцать лет каторги...

Следовало во всем разобраться...

Резидент бросил на стол папку, в которой была подшита копия полицейского отчета – его купили у одного из нечистых на руку полицейских...

---

⁷⁶ «Лицо, распространявшее лживые и затрагивающие честь и достоинство иных лиц сведения, имеет быть наказано телесно, в публичном месте, ударами розг числом от десяти до пятидесяти соразмерно тяжести нанесенного клеветнического оскорбления». Ст. 188 Уголовного уложения РИ. В Российской империи существовал такой вид наказания, как телесные, – порка розгами в публичном месте. Телесному наказанию подлежали хулиганы, пьяные дебоширы, клеветники и мелкие взыточники. Дворяне от телесного наказания освобождались – но их дело передавалось в местное Дворянское собрание, а то уже могло принимать меры вплоть до пожизненного запрета посещать мероприятия, организуемые Дворянским собранием.

⁷⁷ Тэвистокский институт существует в реальности и является одним из основных центров, где разрабатываются технологии манипулирования людьми.

– Читали? – Резидент постарался вложить в голос максимум презрительности, он вообще не уважал Сноу, считал его разгильдяем...

Сноу взял папку, бегло пробежал строки полицейского протокола...

– Однако...

– Вот именно что однако! – на ровном месте вспыхнул резидент. – Мы просто ни с чего потеряли ценнейшего агента и запороли точку! И это все, что вы можете сказать – однако?!

– На основании полицейского рапорта большего сказать невозможно... – справедливо заметил Сноу.

Резидент с трудом подавил в себе гнев – он понимал, что его офицер прав...

– Хорошо... – примиряющим тоном сказал он, – в таком случае я хочу послушать, что вы думаете об этом. Только на основании полицейского рапорта – мне плевать, ошибетесь вы или нет. Дерзайте, Сноу!

– Это не ограбление! – сразу заявил Сноу. – Это дерзкое и профессионально выполненное убийство. Боюсь, мы столкнулись с тем, с чем до сих пор никогда не сталкивались...

– Почему?

– Почерк. Десять пуль из мощного пистолета – это ночью и с двадцати метров. Если судить по данным полиции – первая же пуля попала точно в голову и оказалась смертельной, остальные всадили уже в лежащего, на всякий случай. И никаких следов, только гильзы, и все...

– Почему вы думаете, что это был пистолет? – полюбопытствовал резидент. – Есть компактные складные винтовки под этот калибр...

– И убийца с длинной винтовкой будет пробираться через посты? А ведь в городе чрезвычайное положение, блокпосты, досмотр машин! Кроме того – разброс гильз. Такой разброс гильз бывает при стрельбе из пистолета «маузер» – три гильзы из десяти вылетели на улицу. У него неподвижный ствол, и на него легко приспособить глушитель, поэтому никто ничего не слышал. А если учесть, что такой пистолет, да еще с глушителем, будет весить за два килограмма – убийца должен быть очень опытным, чтобы удерживать пистолет при быстрой стрельбе...

– Допустим... – осторожно произнес резидент, раскладывая все сказанное в голове по полочкам, – и кто же это мог быть?

– Понятия не имею... Но это не случайный человек, он умеет пользоваться оружием, он умеет убивать и уходить незамеченным, и он скорее всего ударит снова...

Бейрут, район Борж эль-Бражнех Ночь на 16 июня 1992 года

Расходились поздно – по местному времени было часа три. Хозяева особняка, верней хозяева уехали и за хозяйку осталась их дочь – провожала каждого из гостей в дверях. Меня она проводила особенно... страстно, за что я удостоился такого взгляда Юлии, что, если бы взглядом можно было убивать, я свалился бы замертво.

– Я смотрю, вы уже вполне освоились, князь... – тон был далек от дружеского и тем более от любящего...

– Сударыня, весь вечер я думал только о вас... – отделался я дежурной фразой.

– Я это заметила, – уже с меньшим сарказмом произнесла Юлия, – впрочем, время позднее...

Ночь дышала прохладой – прилетевший с моря свежий ветерок немного разогнал дневную удушливую жару. Улица была темна, тиха – только в том доме, откуда мы вышли, все еще не смолкала музыка. По обе стороны улицы плотными колоннами стояли ливанские кедры – казалось, своими кронами они подпирали иссиня-черное, истыканное блестящими точками звезд небо...

Я их заметил первым – машина была припаркована за поворотом дороги, – да и деревья загораживали обзор. Они стояли метрах в десяти около нашей машины – именно около нашей и никакой другой! Трое...

– Иди в дом!

Удивительно – но Юлия сразу поняла, что происходит. Она не стала задавать глупых вопросов, не стала устраивать истерику и выяснять, что им нужно. Просто она сильнее сжала мою руку – и не сдвинулась с места...

– Уходи, я сказал! Я с ними справлюсь... – И, не дожидаясь ответа, я сбросил руку Юлии и уверенно направился к ним...

– Что вам угодно, господа? – В этом случае важно сразу захватить инициативу и давить, доминировать. – Вы решили постеречь мою машину?

– Нам угоден ваш бумажник, сударь... – ответил тот, кто стоял ближе всего ко мне. Голос его совсем не был похож на голос хулигана и грабителя...

– Держи! – Я достал из кармана бумажник и протянул его грабителю левой рукой. На этот трюк он и попался – даже если ему и не нужен был мой бумажник, все равно он протянул за ним руку. Психология...

Скользкий шаг вправо, правая рука захватывает протянутую руку противника, уже выведенного из равновесия. Рывок – противник волея-неволей разворачивается спиной, левой рукой – локтевой захват за шею. Для того чтобы не трепыхался, я со всей силы боднул его лбом по затылку – так можно даже убить, но сейчас у меня была другая задача – оглушить...

Теперь против меня оставалось двое – главарь уже не опасен, но он мне еще послужит. Я не знаю, что у остальных – если огнестрельное оружие, то он послужит мне щитом от пуль. «Вальтер» в кармане есть и у меня...

Ножи! Оставшиеся двое выхватили ножи, один двинулся вправо, другой влево, обходя меня с двух сторон. В действиях их чувствовалась немалая слаженность и опыт, на дело они шли явно не в первый раз – но для меня они были не противниками...

Прежде чем они успели понять, что происходит, я со всей силы швырнул оглушенного главаря в того, что подходил слева – со стороны моей слабой руки. Мне нужно было выиграть всего пару секунд – но добился я даже лучшего. Главарь напоролся брюхом на нож, который готовился для меня, – и оба, главарь и его сообщник, полетели на асфальт...

Сдвинувшись в сторону и вперед, я повернулся к тому, что оставался справа, – его рука, вооруженная ножом, уже летела ко мне – он пытался нанести секущий, размашистый удар, целясь мне в горло – надо сказать, необычная техника. Правой рукой я поймал и остановил его руку, левой ногой, особо не церемонясь, со всей силы ударил в пах. В училище за такой прием можно было получить несколько нарядов вне очереди, там противника добивали по-другому – но здесь было не училище. Здесь был Бейрут, была женщина, которую я должен был защищать, – и поэтому я применил самый простой и самый эффективный прием. От такого удара в пах он оправится не скоро.

Третий противник уже поднимался, но не успевал – я просто и тупо пробил ногой в лицо – как в футболе при исполнении пенальти. Бандита отбросило назад, мне даже показалось, что я услышал, как его затылок хрустко раскололся об асфальт...

Готовы. Все трое...

Я обернулся. Юлия стояла у стены – она не убежала. Глаза ее блестели в темноте, будто алмазы...

– Садись в машину! – Было уже не до «куртуазности»...

Чтобы она побыстрее пришла в себя, я весьма невежливо схватил ее за руку, подтащил к машине, открыл дверцу. В любой момент могла появиться полиция – а объясняться с ней совсем не входило в мои планы...

– Садись, говорю!

Захлопнув за ней дверь я, как в остросюжетном сценарии (ну надо же произвести впечатление на даму!), перекатился по капоту, в мгновение оказался около водительской дверцы, скользнул за руль. Мотор отозвался злобным рыком на поворот ключа...

– Производит впечатление... – Юлия тяжело дышала, как будто только что долго бежала...

Это еще не впечатление... В училище одним из упражнений было такое – шесть минут на ринге против шестерых противников. Сначала с голыми руками против голых рук, затем с голыми руками против палок...

Ничего не отвечая, я рванул машину с места – так что недовольно завизжали покрывающие...

Женщины любят воинов... Еще больше они любят воинов-победителей. Во времена Римской империи знатные римлянки отдавались выжившим в бою гладиаторам – прямо под аренной, на грязном полу. Когда мы доехали до аль-Рашидин, девятнадцать, она спросила, не желаю ли я выпить кофе, чтобы прийти в себя. Я был бы полным кретином, если бы отказался...

Бейрут, мечеть 16 июня 1992 года

В отличие от мечети Омари, перестроенной в 1291 году из христианской церкви, или мечети аль-Амин, эту мечеть почти никто не знал. Маленькая, расположенная в районе Тай-онех, она была рассчитана всего на пятьдесят-семьдесят правоверных, желающих вознести молитву к Аллаху. Ее минарет вытягивался в небо всего на пятнадцать метров – до уровня пятого этажа. И это тогда, когда крупнейшая мечеть на Ближнем Востоке – в Мекке была рассчитана на десять тысяч молящихся и имела минарет в сто двадцать метров высоты, а в Казани на пожертвования строилась еще большая по размерам мечеть⁷⁸. Но эта мечеть была хороша хотя бы тем, что любой новый правоверный был бы безусловно замечен, а проповедующий здесь имам подозревался контрразведкой в связях с Аль-Каидой.

Пятничный намаз был таким же, как и всегда – протяжный напев муэдзина, склоненные спины правоверных, неразрывно единых в своей вере. Несмотря на то что мечеть была небольшой, ходили в нее разные люди – и бедные и богатые, но всех их объединяло одно – искренняя вера в Аллаха...

Его заметили. Несмотря на то что он приходил в штатском, его выправка вполне позволяла предположить, что перед вами – офицер Империи. Таких людей в мечети не привечали, но и запретить приходить на намаз никто не имел права – это было бы грубейшим нарушением норм ислама. Ведь спасутся те, которые уверовали, и неважно, кем они были до того, как уверовали. Уверовав же, они становятся братьями...

Однако и узнать, чем живет новый брат, было просто необходимо. Поэтому после намаза за офицером, выходящим из мечети, пошли трое...

– Аллахумма инни аузу бике мин иблиса ва джундух⁷⁹ – пробормотал офицер на выходе. Трое переглянулись – именно это полагалось говорить в таких случаях...

Офицера они догнали уже на улице. Почувствовав, что за ним идут, тот просто обернулся...

– Ас-салям алейкум, брат, – сказал один из них, – да пребудет с тобой благословение Аллаха...

– Ва Алайкуму-с-саламу ва рахмату-л-Лаху, – спокойно ответил офицер. Он был явно не русским – об этом говорила и его внешность, и акцент, с которым он произносил положенные фразы. Такое очень сложно подделать...

– Мы рады видеть нового брата, присоединившегося к нам, – сказал самый старший, – не присоединишься ли ты к нам на нашей пятничной трапезе в мадафе⁸⁰...

---

⁷⁸ Из всех городов Российской империи сильнее всего отличалась от своего нынешнего состояния Казань. Дело было в том, что Казань стала связующим звеном между мусульманской и христианской частями Империи, правительство сознательно развивало Казань как духовный и экономический центр всего мусульманского мира. В Казани – это был единственный такой город – сходились две ветки стратегической железной дороги – и все грузы как с Восточных территорий, так и на Восточные территории переваливались там. Кроме того, Казань была единственным городом на европейской территории России, который жил по нормам мусульманского права. В Казани действовали три крупнейших исламских университета, в Казани выходной день был в пятницу, в Казани в любом ресторане подавали халяльную пищу, в Казани действовали исламские банки. В итоге любой, кто имел дела с Восточными территориями, открывал контору в Казани, а население Казани уже перевалило за пятнадцать миллионов человек. Казань также была своего рода новым центром ислама в противовес Мекке и Медине – ислама умеренного и терпимого, поддерживаемого государством. В свою очередь, и исламские богословы, преподававшие в Казани, решительно осуждали все экстремистские и террористические проявления, организуемые из-за рубежа, пытались раскрыть глаза молодым мусульманам на то, что происходит, и не допустить их втягивания в террор.

⁷⁹ Мой Аллах, прошу твоей защиты от сатаны и его войска.

⁸⁰ Мадафа – своего рода гибрид клуба, кафе и чайханы для правоверных, пристройка к мечети, где они могут собраться после намаза, обменяться новостями, выпить чаю, о чем-то договориться. С теорией экстремизма юные мусульмане тоже знакомятся в мадафе.

– Можно... – кивнул офицер.

Бейрут, улица эль-Мутанаби 16 июня 1992 года

– Вы уверены, сударь, что они не просекли подход⁸¹? – Иван Иванович, надев на нос небольшие круглые очки в дешевой оправе, которые я у него никогда раньше не видел, в упор смотрел на нас с Али.

– За все время я не задал ни единого вопроса, все вопросы задавали они, – ответил Али, – какой же это подход?

Этот вариант мы продумали заранее – верней, я продумал. На чем чаще всего заваливаются полицейские осведомители? Да на том, что начинают задаваться вопросы! А кто это? А что это? А что вы собираетесь делать? Ни ума, ни фантазии – сначала клятва на верность идеалам (исламского освобождения, «патриотизма»), а потом сразу вопросы. Распознать в новичке полицейского агента в этом случае проще простого...

А вот если новичок ничем не интересуется – вообще ничем! – да и на контакт идет неохотно, вот в нем заподозрить полицейского агента намного сложнее. Али просто был «лакомой приманкой» – обер-офицер Черноморского флота, причем по национальности – турок, по вероисповеданию – мусульманин и притом выпускник элитного училища. Полный набор – так и просится на вербовку. А если он еще не пойдет на вербовку сразу, а сначала возмутится да с негодованием отвергнет подход противника – вот это будет самое то!

– Хорошо, – не стал дальше расспрашивать Иван Иванович, – как бы то ни было, пока все еще на самом начальном этапе. А пока у нас есть новый объект...

Если бы знал, что появится Юлия, – не стал бы во все в это влезать. После второго придется соблюдать меры предосторожности, после третьего и частичного раскрытия информации – скрываться. Но останавливаться было уже поздно – поезд шел под откос...

Секретно

Департамент полиции

Главное оперативное управление

Дело оперативной разработки № 052/89

«Сатир»

1. Источник № 1/0458 сообщает, что взрыв, произошедший 26.01.1989 года на нефтяных терминалах в районе Саадиат, оплачен владельцем этих терминалов, купцом первой гильдии Абу Бакром – присвоен псевдоним «Сатир». За полгода до этого Сатир подписал договор страхования имущества от огня с «Первым страховым обществом от огня»⁸² на всю сумму стоимости сгоревшего имущества. После чего Сатир вошел в контакт с лицами, совершающими террористические действия, и организовал взрыв на терминале с целью получения страховки. По данным источника, за взрыв Сатиром ассигновано террористам пятьдесят тысяч золотых рублей наличными.

...

3. В дополнение к сообщению 1 источник № 1/0458 дополнительно сообщает, что Сатир получил значительную прибыль, купив на значительную

---

⁸¹ Подход – один из терминов разведки, означает вступление в непосредственный контакт для проведения оперативных мероприятий, чаще всего вербовочного характера.

⁸² Страховое общество с таким странным названием существовало в России до революции в реальности. Дело в том, что тогда все постройки строили из дерева и «огневое страхование» было самым распространенным. От этого и название такое.

сумму опционы на поставку нефтепродуктов из порта Бейрут на Лондонской товарно-сырьевой бирже, по цене, значительно выше текущей, со сроком исполнения 01.02.1989 года. После взрыва на терминалах, вызвавшего перебои в поставках, цена на нефтепродукты повысилась и Сатир заработал на опционной премии около десяти миллионов британских золотых фунтов. Данная операция проводилась через подставных лиц, выгода от данной операции переведена на номерной счет в Шотландском Королевском Банке.

...

11. Принятыми мерами установлено, что Сатир, начиная с 1989 года, регулярно ассигнует значительные суммы на поддержку лиц, придерживающихся радикальных взглядов. Денежные средства перечисляются с номерных счетов в «Бэрингс Бразерс» и в Шотландском Королевском Банке. Оба банка находятся на территории Великобритании ...

– Почему Сатир? – Я оторвался от чтения.

– Старый, а все никак не уймется. На Территориях же разрешено многоженство – вот он и содержит гарем. Четыре жены, как и положено в Коране⁸³. Самой старшей – двадцать пять, младшей – семнадцать. Периодически меняет – любит свежатинку, – благо у мусульман процедура развода более простая, чем у нас – сказал трижды «талак» – и все... Правда, ради справедливости надо сказать – от него они уходят не только в том, что на них надето⁸⁴...

– Какого же хрена он связался с террористами? Чего ему не хватает...

– Видите ли... – Иван Иванович снял свои очки, аккуратно положил на стол. – Тот, кому ведомо будущее, может неплохо зарабатывать на этом. А Сатиру ведомо будущее – и он выигрывает при любом раскладе. Если мы остаемся на Восточных территориях единственной и неограниченной властью – он зарабатывает деньги за счет страховки, игры на нефтяных ценах и всего прочего. Если же сюда приходят британцы или Восточные территории получают независимость – он становится патриотом, тайно спонсировавшим освобождение от ига неверных. Сатир – это кошелек местных исламистов, самый крупный в регионе. Если мы оставим их без денег, тем самым нанесем им больший удар, чем если бы мы провели массовые аресты...

– Когда?

– Чем быстрее – тем лучше. Время бежит быстро – чем быстрее мы будем действовать, тем меньше возможностей, что кто-то остановится и подумает над тем, что происходит...

– Где он живет?

– В основном – в Борж эль-Бражнехе, там у него квартира. Есть у него и дом в Маании... «Фонтенция» – может быть, слышали?

– Охрана?

– Есть, и очень серьезная. К нему не подобраться – по крайней мере, так считается...

Бред... Одно из того, что я точно знал, – что подобраться можно к кому угодно...

– Мы можем идти? – спросил я и за себя, и за Али...

– Можете. И ... господин Воронцов... – вдруг сказал Иван Иванович, когда я был у самой двери, – будьте осторожны...

Тогда я еще многого не знал. Только потом я понял, что выбирал в качестве первой цели муллу Джимала Иван Иванович не случайно. Это первый раз – ты уничтожаешь мразь,

---

⁸³ Правоверный может иметь до четырех жен, но только в том случае, если он сможет их содержать материально и... скажем так, не обходить вниманием ни одну из них.

⁸⁴ По законам ислама, если муж разводится с женой, то она уходит от него только в том, что есть на ней. Теперь понятно, почему на Востоке женщины навьючивают на себя золото и бриллианты килограммами?

которая по совести жизни и не заслуживает. А потом – когда уже не первый – идет совсем другое. Но отказаться – когда не первый раз – уже невозможно...

Бейрут, квартал Метн Дорога на Баальбек 16 июня 1992 года

– Едут!

– Понял... – Скорчившись на заднем сиденье тесного, взятого напрокат седана, я приготовил видеокамеру.

Мы стояли на самом выезде из города – слева от нас были улицы христианского квартала Метн, справа – шоссе на Баальбек и дальше – в долину Бекаа. Только что, выжимая из машины все возможное, мы обогнали кортеж, и, пока он пробирался по извилистым улицам центра, мы уже были здесь. Все, кто ехал в долину Бекаа, пользовались этой дорогой, ибо она была недавно отремонтирована. Современное шестиполосное шоссе поднималось по горному склону и уходило за перевал на Баальбек и дальше – на Захле. Движение по нему было весьма интенсивным...

Только глянув на кортеж Бакра, я понял – противник на сей раз серьезный. По-настоящему серьезный, без дураков! Тот, кто организовывал охрану, знал, что делает...

Только идиоты покупают для охраны бронированные внедорожники – это широко распространенное заблуждение, и за него уже немало охраняемых персон поплатилось жизнью. Делать надо по-другому.

Три автомобиля – абсолютно одинаковых с виду! В данном случае – три сверкающих черным лаком «Майбаха» – очень популярной в Бейруте марки лимузинов. Никто не знает, в какой именно автомобиль сядет хозяин, да и в дороге машины постоянно меняются местами, будто наперстки у наперсточника на базаре. Только эта нехитрая мера снижает шансы на успех покушения втрое!

Машины пронесли мимо на скорости, максимально допустимой для этого шоссе – водителей сдерживали не правила движения, а опасность сорваться с трассы. Весь видеоролик, мной отснятый, занял секунд пятнадцать – и он пополнил коллекцию, где было уже восемь таких же. Еще немного – и можно монтировать фильм под названием «Жизнь Абу Бакра»...

– Ты базар хорошо знаешь? – спросил я Али.

– Неплохо...

– Поехали...

Бейрут, район Шия Рынок 16 июня 1992 года

Тому, кто хочет действительно узнать, что такое восточный базар, советую ходить на него с проводником – желательно местным и обязательно умеющим торговаться. Только тогда вы узнаете, что такое истинный восточный базар, что там на самом деле можно купить (по факту – все) и за какие цены. Восточный базар, даже если он находится под суперсовременной крышей из поляризованного стекла, как в Бейруте, все равно остается восточным базаром – местом, где можно как приобрести неземное удовольствие, купить товар за полцены – так и расстаться с кошельком, а то и с жизнью. Запах восточных пряностей кружит голову, блеск небрежно вывешенных на дверях лавок золотых цепей и браслетов затуманивает разум, аромат наргила⁸⁵ пьянит и манит. Тут и в самом деле не обойдешься без спутника, который сохраняет трезвую голову и здравый рассудок сам и не позволяет их терять тебе...

Бейрутский рынок в Шия был уникальным. Здесь издревле была торговая улица, и богатые торговцы не стали все сносить и создавать ультрасовременный торговый центр. Они взяли да накрыли всю торговую улицу сверхсовременным куполом из усиленного стекла. А под торговой улицей, вынудив миллионы кубометров грунта, создали подземный торговый центр из четырех этажей, первый из которых был на глубине десять метров под землей. Получился этакий гибрид из древности и современности, а кое-кто даже называл эту улицу одним из чудес света. Ослепительно блестящая в лучах солнца конструкция стеклянной крыши была видна даже из порта...

Али, судя по его уверенной манере поведения, бывал здесь уже не первый раз. Он с каменным лицом протискивался сквозь толпу, не обращая внимания на назойливых нищих, гадалок, зазывал, и мне ничего не оставалось, как следовать в кильватере за ним.

Наконец Али свернул к одной из лавок, в которой торговали драгоценностями. Зазывала – пацаненок лет десяти – сразу оживился, схватил его за рукав, но Али только досадливо отмахнулся и что-то строго сказал...

– Что здесь? – тихо спросил я на русском, тихо, потому что светиться здесь как русским мне не улыбалось. Не потому, что здесь не любили русских – здесь, на этой улице со всем почтением встретили бы и самого шайтана, заведись у него в кармане лишние денежки. Просто мне не хотелось, чтобы кто-то запомнил, что здесь были русские...

Вышел и хозяин лавки – пожилой, осанистый, с длинной седой бородой араб, поздоровался с Али, как это принято на Востоке, пожимая руку гостя двумя своими руками. Кивнув на меня, что-то коротко спросил – Али ответил. После чего хозяин кивнул и направился в глубь лавки...

– Уважаемый Муртади предлагает следовать за ним... – тихо сказал мне Али.

– Мы здесь зачем?

– Иди и сам увидишь...

А лавочка-то оказалась совсем не простой. Как и многое на Востоке – с двойным дном. В подвале (который здесь вообще есть далеко не у каждого строения) оказалась замаскированная дверь, ведущая в другое помещение. Хозяин, прикрыв собой часть стены, проделал какие-то манипуляции – и целая полка, на которой был сложен запас товара, поползла в сторону. Зайдя в открывшееся помещение, я остановился на пороге, с удивлением присвистнул...

---

⁸⁵ Наргил – ароматизированный табак, который курят через кальян.

Того, что лежало на стеллажах – явно армейского происхождения, хватило бы, наверное, на пару батальонов. Причем большая часть оружия была армейской, запрещенной к гражданскому обороту...

Хозяин снова что-то сказал...

– Уважаемый Муртади предлагает дорогим гостям выбрать, что им по душе... – перевел Али

– Слушай, – потрясенно сказал я по-русски, – а он не боится?

– Чего?

– Ну, полиции там...

– Полиции... Муртади платит всем исправникам в городе, это у него розничный магазин, а есть ведь еще и оптовые склады. А потом – у него негласное соглашение с жандармерией. Он не продает ничего религиозным и национальным экстремистам – а те знать не знают про Муртади. Да и те, кто покупает, об этом месте не сильно распространяются – понимают, что им придется сюда обращаться еще не раз.

– А ты как узнал...

– Да так...

На Востоке вообще для своих секретов нет...

В раздумье я прошелся мимо полок, лихорадочно вспоминая, сколько у меня в кармане денег. Выходило более чем достаточно, рептильный фонд в полиции был богатым, но вынимать и пересчитывать толстую пачку денег в любой восточной лавке глупо. Наоборот, надо прикидываться бедным, тогда получишь хорошую скидку, поэтому деньги по совету Али я еще в машине разложил на несколько частей и рассовал по разным местам, усложнив задачу еще и карманникам, которых в этих краях тоже было немало...

Оружие было всех видов, моделей и стран – даже из Японии, которая вообще производит в основном для себя и на экспорт ничего не отправляет. Большая часть оружия – и это объяснимо – была русской, явно пущенной налево с армейских складов. Дальше примерно поровну шли американские и германские образцы. Германские – в основном не из самой Германии, а из свободной провинции Богемия⁸⁶, где оружие было основным экспортным товаром. Британских и прочих образцов было совсем мало, что и неудивительно – боевое оружие Британской империи было дорогим по цене и при этом намного уступало русским, германским и американским образцам по своим характеристикам. В отличие от охотничьего, боевое оружие британцы делать так и не научились...

Русское оружие отпадало сразу – а жаль. На полке я уже успел углядеть штурмкарбин Драгунова⁸⁷ самой последней модели – мощное, надежное и чрезвычайно точное оружие, которым были вооружены практически все стрелки Императорского стрелкового общества⁸⁸. У меня самого было нечто подобное дома в качестве гражданского оружия – причем сделанное на заказ, вручную на ижевской фабрике оружейного мастера Евдокимова. Но нельзя...

---

⁸⁶ Протекторат Богемия – Чехословакия.

⁸⁷ Штурмкарбин Драгунова – дело в том, что в Империи было запрещено иметь в собственности автоматическое стрелковое оружие тем, кто не служил в армии. А в армии не служили многие, потому что обязательная служба касалась лишь казаков и аристократов. Поэтому частные лица в качестве основного оружия покупали штурмкарбины – мощные полуавтоматические винтовки, часто с современными армейскими прицельными комплексами. Штурмкарбин Драгунова был похож на «СВДС», только выпускался со стволами разной длины и с магазинами на двадцать патронов. Производились также штурмкарбины Калашникова, Федорова и Токарева.

⁸⁸ Императорское стрелковое общество – массовое движение в Российской империи, занимавшееся как обязательным обучением детей стрельбе в гимназиях (а обучали всех, бесплатно и очень основательно), так и являвшееся объединением взрослых стрелков-неохотников. Для того чтобы купить штурмкарбин, нужно было вступить в это общество. Для охотников существовало свое Императорское охотничье общество, охотникам полуавтоматическое нарезное оружие иметь запрещалось вообще.

Оставалось выбирать среди германских и американских образцов. Выбор германского оружия был на славу – «Эрма», «Маузер», «Вальтер», «Хенль» – только самое распространенное. В большом количестве лежал «Маузер» – как знаменитые на весь мир снайперские винтовки, состоявшие на вооружении и в Германской, и в Российской империи, так и образцы лицензионного производства⁸⁹. Просто великолепное снайперское оружие – и именно поэтому оно отпадало. Стоит только найти на месте акции снайперскую винтовку «Маузера» – и сразу станет понятно, «откуда ноги растут».

Оставалось американское оружие, лежавшее на самом дальнем, плохо освещенном стеллаже, – снайперские винтовки стояли вертикально в держателях, и к каждой была прикреплена рукописная табличка с ценой. Медленно пройдя мимо стеллажа туда-сюда, я выбрал два варианта, к которым следовало бы присмотреться поподробнее...

Первый отличался каким-то... показным уродством, он больше походил даже не на оружие в общепринятом его представлении, а на инструмент. Зачерненная сталь, прямые линии, рукоятка, как у автомата «кольт», принятого на снабжение армии САСШ и славящегося своей ненадежностью – видимо, чтобы у солдата под рукой было что-то привычное и не приходилось переучивать. Для снайперской винтовки – спорное решение, но тем не менее. Остальное же внушало уважение – длинный толстый ствол, оканчивающийся внушительным многокамерным дульным тормозом, удобный затвор, армейский прицел Leupold, установленный в каркасе со стандартными планками, чтобы можно было дополнительно поставить прицел ночного видения или тепловизор.

Второй образец больше походил на винтовку – черный пластиковый приклад, как на обычной винтовке, но складывающийся и с регулируемой щекой. Такой же толстый ствол, дульный тормоз поменьше, чем на первой. Оптический прицел – переменной кратности в отличие от первого. Поверх ствола – широкая противомиражная лента. Прицел – германский Zeiss, такой же, как и в нашей армии, с переменной кратностью 4-16.

Быстро осмотрел обе винтовки. Обе под мощнейший патрон.338 Lapua, который армия САСШ без стеснения совести украла у нас, мотивировав тем, что он изготовлен на базе гильзы их патрона. Впрочем, у нас на «Стреле» был еще более мощный патрон.338, на вооружение армии не был принят и использовался частными стрелками. Первая – «армалайт-30», стандартная снайперская винтовка армии САСШ, совсем новая, даже со следами консервационной смазки и явно непристрелянная. Вторая, «Макмиллан», уже бывшая в употреблении, но если я что понимаю в оружии – из нее отстреляли максимум пятьдесят патронов, не больше. Стволы обеих – в идеальном состоянии, а это самое главное...

– Почему?

– «Армалайт» – за тысячу восьмьсот отдам, «Макмиллан» – за две тысячи двести ...

Однако... Ломили неслабо... Две магазинные цены.

– А почему «Макмиллан» дороже, он же в употреблении был?

– Так пристрелян же. Уважаемым господам не придется пристреливать самим.

Общаться приходилось через Али, немного сложнее...

– Полторы за «армалайт» – и договорились...

– Здесь не торгуются, уважаемый господин...

Вот это новости – на базаре, да и не торгуются...

⁸⁹ «Эрма» – примерно соответствует нынешнему Heckler-Koch, «Вальтер» – собственного изобретения штурмовые и автоматические винтовки, не совсем удачные, кстати. «Маузер» – производила, помимо знаменитых пистолетов и снайперских винтовок, по лицензии штурмовые и автоматические винтовки Калашникова, Драгунова, Токарева под патроны калибра 7,92 немецкого стандарта. В Германской империи гражданам было запрещено иметь на руках любое оружие, состоящее на вооружении армии, поэтому «Эрма» работала только на армию и полицию, а «Маузер» и «Вальтер» – на частных лиц. Почти все немцы, ехавшие в Африку, вооружались именно русско-германскими «маузерами».

– Али... Передай уважаемому господину Муртади, что патроны я могу и не у него купить...

Али о чем-то заспорил с хозяином лавки – горячо, эмоционально, как это и принято на Востоке.

– Тысячу семьсот, если купите сто патронов к ней...

– Тысячу семьсот и пятьдесят, – твердо объявил я, – и прицел я хочу именно «Цейсс» вместо того, что на ней установлен.

– Тогда еще триста рублей вдобавок.

– Двести.

Что мне, бой, что ли, с ней вести? А патроны тут – явно недешевые. И прицел лучше иметь знакомый, и так винтовка незнакомая, приноравливаться к ней придется.

После минутного молчания хозяин лавки протянул руку – договорились...

Мар-Мусса

16 июня 1992 года

Винтовку надо было пристрелять – и с этим возникали проблемы. Армейское или полицейское стрельбище использовать было нельзя, в тире «Александра Колчака» пристреливать – бред полный, там дальности никакой нет, даже автомат нормально не пристрелять. А пристрелять надо было минимум на тысячу метров. Проблему решили просто – упаковали винтовку с патронами, положили ее в багажник и двинули через перевал – в долину Бекаа и дальше. По долине были разбросаны поселения казаков, там можно было договориться и пострелять за совершенно разумную плату...

Подходящее стрельбище удалось найти только у селения Мар-Мусса – с директрисой аж на тысячу двести метров. Плодородная земля здесь была на вес золота, ни один дурак не стал бы устраивать стрельбище там, где можно выращивать фрукты или виноград – тем более что орошение проводили за казенный счет⁹⁰, а климат позволял собирать по три-четыре урожая в год. Но здесь почему-то пока не протянули оросительную ветку – и это дало возможность построить здесь длинное стрельбище. Стрельбищем приезжали пользоваться со всех окрестных территорий...

У казаков все было по-простому. Уплатив смотрителю стрельбища – здоровенному усатому казачине, на котором по случаю жары из одежды были лишь старые засаленные штаны, полрубля серебром, мы получили номер стрелковой позиции на три часа и краткую лекцию по поводу того, чего делать на стрельбище было нельзя. Убедительности лекции добавляло то, что во время ее проведения казак лениво похлопывал по сапогу нагайкой. Весьма известное средство убеждения для разгильдяев...

Наша стрелковая позиция была на самом краю стрелкового поля и позволяла стрельбу на максимальную дальность – одна тысяча двести метров. Таких позиций было всего три, и стоили они немного дороже. Две соседние пустовали.

Отстреляться в тишине и покое нам, конечно, не удалось. Было лето, в гимназиях были каникулы – и поэтому детвора с поселения и со всех местных хуторов либо уехала на море, либо собралась здесь, на стрельбище, восторженно наблюдая за стреляющими. «Дядь, дай пострелять» никто не канючил, видимо, не раз ученые ремнем за это дело, но смотрели они на стрелков и на оружие с вполне понятным детским изумлением и азартом, обмениваясь восторженными репликами на страшной смеси русского и арабского...

Они смотрели на меня, а я потихоньку приглядывал за ними. Их было много – несколько сбитых кучек, от пяти лет и до двенадцати. Чернявые, загорелые, перемазанные с ног до головы, босые – они мало чем отличались друг от друга, дети арабов и дети живущих здесь казаков. Четвертое, а то и пятое поколение родившихся после войны, они дружили между собой, не обращая внимания на то, кто русский, а кто араб, они вместе бегали в гимназию, на стрельбище, вместе совершали ночные налеты на виноградники и фруктовые сады и вместе получали за это ремнем. Русские пацаны свободно лопотали по-арабски, а арабчата знали русский – но между собой они переговаривались на дикой смеси того и другого, язык русского поселенца с Восточных территорий в России иногда просто не понимали.

---

⁹⁰ Дабы арабские феллахи, да и другие жители Восточных территорий были пристроены к делу, за счет казны проводились огромные работы по облагораживанию территорий. Например, огромные средства были вложены в Междуречье (современный Ирак) – все болота осушили, завезли чернозем – и Междуречье снова стало эдемским садом, как несколько тысяч лет назад. В Ливане и окрестностях наоборот – подводили воду и завозили землю, превращая каменистые склоны в террасы, на которых можно было круглый год выращивать фрукты. Надо сказать, что не меньшие средства вкладывались в Сибирь – там развивалась деревообработка и добыча полезных ископаемых. Каждая территория занималась тем, что на ней получалось лучше всего.

Наконец-то оно росло. Единое поколение, для которого Российская империя – родина, а не оккупант, как твердят иностранные газеты. Поколение, которое не нужно искусственно ассимилировать, которое само добьется своего. Поколение, живущее в стране, занимающей без малого одну четвертую всей территории Земли. Поколение, выросшее на новом Ближнем Востоке – где гиблые болота и бесплодные горы уступили место садам и виноградникам, где один за другим поднимаются обновленные города и новые заводы, где межплеменной и межнациональной ненависти просто нет места.

Дед, когда я был еще маленький, рассказывал мне об операциях по усмирению, когда отделения жандармерии напоминали укрепленные взводные опорные пункты, когда морские пехотинцы и десантники совершали по три десантирования в день, гоняясь за бандами, о жутких перестрелках в городах, которые происходили в течение пяти-семи секунд и заканчивались тремя-пятью трупами. О том, как они входили в деревни, а даже самые мелкие пацаны, видя их, проводили пальцем по горлу. О том, как казаки-поселенцы ночью посменно дежурили у пулеметов, а в каждом тракторе было крепление для личного оружия. Все это было. Тогда. А сейчас сын казака и сын араба сидели вместе и рассуждали, когда пойдет спать сторож Хаким, чтобы залезть в виноградник...

Но кого-то это не устраивало. Кто-то не хотел с этим смириться, кто-то снова хотел, чтобы на этой земле, дающей сейчас по три урожая в год, снова лилась рекой кровь. И самое страшное – что так хотели не все и даже не большинство – но многие...

Семьдесят лет без большой войны. Неужели человек такое существо, которому скучно без убийства себе подобных? Неужели ненависть – тот наркотик, от которого мы никак не можем отвыкнуть?

– Что задумался? – Али толкнул меня в плечо, он немного запыхался. Оно и понятно – жарко, а ему идти пришлось больше километра, чтобы мишени устанавливать. Одна мишень была на шестистах метрах дистанции, вторая – на дистанции вдвое большей...

– Да так, ничего... – Я будто очнулся от сна. – Ветер померь пока, а я установлю...

Винтовка шла с сошками в штатной комплектации, но мне они и не были нужны. Свернув стрелковый мат, я подложил его под цевье. Ветошью удалил остатки консервационной смазки, зарядил магазин – патроны были длинные, тяжелые, серебристого цвета, они светились матовым светом в лучах солнца и больше походили на украшения из серебра, чем на патроны. Передернув затвор с усилием, большим, чем обычно – винтовка новая, механизм не приработался, – я дослал патрон в патронник и залег прямо на каменистую землю, положив винтовку перед собой. Али улегся рядом с шестидесятикратной трубой, которую он одолжил у смотрителя...

– Ветер?

– Почти штиль. Чуть влево...

Жарко было так, что воздух буквально дрожал над землей прозрачным маревом, в котором, почти невидимо, танцевали феи и духи этой земли...

Спусковой крючок не регулировался вообще – но настроен был удивительно хорошо, спуск, как будто ломается тонкая стеклянная палочка, сухой и легкий. Приклад с резиновым затыльником чувствительно ударил в плечо, звуковая волна ударила по ушам. Было видно, как по обе стороны дульного тормоза шевельнулись былинки...

– Ушло выше и много левее, – прокомментировал Али, – даже в мишень не попал...

Подкрутил маховички прицела. По идее, с таким отклонением попадать не должно, даже с первого раза. Неужели кольца плохие?

Новый выстрел...

– Намного лучше. Еще правее бери, по горизонтали нормально...

– Получается, я поправки почти до конца выкручу. Давай-ка прицел переустановим, что-то мне не нравится...

Пока нашли инструмент, пока переустановили, на нас уже обратили внимание и остальные – слишком необычным было оружие. В основном на стрельбище приезжали тренироваться казаки, а они обычно закупали устаревшее оружие со складов длительного хранения по бросовым ценам – а то и вовсе получали его от государства бесплатно, если складывалась угрожающая ситуация – как раз как сейчас; заметил, что у многих – новое оружие с пластиковыми цевьем и прикладом вместо деревянного. Приезжали и горожане, но они обычно покупали российское оружие, потому что к нему проще было достать боеприпасы и проще отремонтировать при необходимости. Тридцатый «армалайт» был для этих мест экзотикой. Впрочем, того, что меня запомнят, я не боялся – наверное, даже хорошо, что запомнят. На это и расчет...

Переустановили – как я и ожидал, в лавке Муртади прицел установили наскоро и кое-как. Исправили, вновь отнесли винтовку на стрельбище...

– Горизонтально нормально, правее...

Ага, значит, прошлый раз я излишне выкрутил. Так и есть – из-за плохой установки прицела тогда мазал. Поправил, снарядил запасной магазин, выстрелил снова...

– Есть! Восьмерка, чуть левее.

Остаток магазина я выпустил, больше не трогая барабанчиков прицела. Все они пришили не дальше восьмерки. Передал винтовку Али, тот тоже выпустил магазин с примерно похожим результатом...

– Давай теперь на тысячу двести. Ветер не изменился?

– Нет.

Выстрел на дистанцию свыше километра отличается от стрельбы на более близкие дистанции кардинально. Это ближе к артиллерии, чем к стрельбе обычного пехотинца. Нужно взять поправку на десятки самых разных факторов – ветер, температура воздуха, угол места цели, высота над уровнем моря, деривация, наличие посторонних предметов на линии визирования цели, эффект Магнуса⁹¹ даже. Если метров до шестисот стрелять мог научиться каждый, до тысячи метров – примерно каждый второй, то свыше тысячи – каждый десятый. Нужно было не только учесть в голове все эти факторы – но и определить влияние на траекторию полета пули каждого из них, просуммировать их силы и направление их приложения и вывести общий вектор. Это была сложная физико-математическая задача с десятком неизвестных – и ее мало кто мог правильно решить. Настоящий снайпер просто *чувствовал*, куда надо прицелиться на такой дистанции, чтобы попасть. И далеко не каждая винтовка была способна «взять» такую дистанцию. Если пуля переходит со сверхзвукового полета на дозвуковой, с ней происходит то же, что и с самолетом, – ее начинает трясти, и она сильно отклоняется от траектории.

Но это была именно та винтовка, что нужно, и я был именно тем человеком, что нужно...

Еще когда пуля летела к своей цели, разрывая своим острым носиком воздух, я уже знал, что попаду. Вот так – просто знал, был уверен. Прицелившись на шесть человеческих ростов выше мишени и немного правее, я спустил курок и сразу понял – попал...

– Восьмерка, почти девятка. Неслабо, неслабо...

– Талант не пропьешь... Попробуй?

– Пас. Я свою дальность знаю – и дальше ее не суюсь. Только патроны пережигать да надеждами себя тешить...

– Ну, тогда...

Я выпустил еще один за другим четыре патрона – каждый раз делая минутный перерыв чтобы дать стволу остыть – хотя понятие «остыть» на этой жаре было смешным и неуместным. Пацаны смотрели из-за колючей изгороди, окружающей стрельбище, не решаясь приблизиться...

– Что с тобой?

---

⁹¹ Эффект Магнуса – смещение пули за счет ее вращения в полете, зависит от направления нарезов в стволе винтовки.

– Знаешь... – Али сел по-турецки прямо на земле, поджав под себя ноги. – Я вот думаю, а то, что мы делаем, – правильно?

– А ты думаешь – нет?

– Я думаю... А вот этим пацанам, что сейчас на нас смотрят, им надо то, что мы делаем? Или нет?

– Знаешь... Был у нас в Питере в учебке такой Тищенко, капитан второго ранга. Преподаватель специальной тактики, уж не знаю с чего. Обычно по этой дисциплине бывшие морские пехотинцы преподают. Так вот – он один раз нам сказал, несмысленным, когда такой же примерно вопрос задали: на войне нет правых и виноватых – на войне есть свои и чужие. Этим пацанам то, что мы делаем, не нужно. Но кто-то все равно должен это делать – просто чтобы все оставалось на своих местах. Вот эти пацаны – они выросли здесь и не знают другой жизни, кроме этой. А кое-кому хочется, чтобы жизнь была совсем другой, чтобы они не играли вместе – а убивали бы друг друга. Добро никогда не могло и не сможет победить зло – его может победить только другое зло. Вот и мы – зло, которое борется с другим злом. И должно его победить – иначе не сможет существовать добро. Понял? И не думай больше об этом. Господь рассудит. Давай собираться...

Маания Вилла Фонтенция 17 июня 1992 года

На позицию пришлось выбираться ночью, и даже это было опасным. Очень опасным...

Дом Сатира в Маании представлял собой гибрид итальянской виллы и крепости, которых в этих местах было немало еще со времен крестоносцев. Это не значит, что дом походил и на виллу, и на крепость – там стояло два дома – вилла прямо на берегу моря, так что мраморные ступеньки спускались прямо в волны, а чуть дальше, ближе к горе, прилепилась крепость. Возможно, даже старая, древней постройки, не новодел, которая всегда тут была – мрачное здание с толстенными стенами, которые наверняка не пробил бы и танковая пушка. У виллы было два абсолютно одинаковых по оформлению входа с двух сторон здания – к одной вела извилистая бетонная дорога, а вторая вела прямо в соленые морские воды. Первая заканчивалась рядом с домом площадкой, на которой стояло несколько лимузинов и роскошных спортивных машин в яркой попугайной раскраске. Была тут и «Бугатти» – приземистая, в роскошном светло-синем фирменном цвете, и «Изотта-Франскини» – роскошный двухместный кабриолет, и два шикарных спортивных «Хорьх Купе» с двенадцатицилиндровыми моторами. Был тут даже «Руссо-Балт», которого тут никак не должно было быть – это была правительственная модель и частным лицам она не продавалась вообще. Но она тут была – впрочем, на Востоке всегда ценили возможность иметь именно то, чего иметь было нельзя. Кстати, про «иметь»...

– Тебе шестнадцать лет есть? – прошипел мне в ухо Али.

– А тебе твоя вера позволяет на такое смотреть? – не остался в долгу я...

Ночью мы, соблюдая все меры предосторожности, даже накрывшись армейскими накидками, чтобы не дать себя обнаружить ночью через тепловизоры, пробрались на скалу, которая отстояла от ближнего к нам угла дома на километр сто шестьдесят один метр. Днем на раскаленных солнцем скалах можно было лежать и без накидки, а вот ночью, когда скалы стынут, силуэт стрелка будет на экране светиться самым ярким светом. Впрочем, несмотря на жару, от которой мы оба едва не умирали и спасались старым методом – соленым чаем⁹², ни один из нас – ни я, ни Али – накидку с себя не убрали. Потому что охранялся дом Сатира очень и очень серьезно...

Не знаю, кого или чего боялся Сатир, но его охрана превосходила даже охрану, которой пользовался губернатор, и не уступала охране наместника на Территориях...

Все жилое пространство было огорожено забором, причем двойным. Один забор высотой три метра из сетки-рабицы зеленого цвета и с колючей проволокой поверху был искусно замаскирован зеленой изгородью. Мало того – изоляторы на столбах, поддерживающих забор, говорили о том, что там есть и оголенные провода с током, об этом говорили и трупчики птичек, запутавшиеся в листве и лежащие рядом с забором...

Второй рубеж обороны был намного опаснее. По торчащим из зеленой лужайки газона датчикам я понял, что есть еще один забор, невидимый. Лазерные лучи постоянно сканировали пространство, и если пущенный лазерный луч находил на своем пути какое-либо препятствие, моментально звучал сигнал тревоги. А судя по тому, что к этому месту не подходили собаки – два добермана постоянно шатались по участку, а ночью их было в несколько раз больше, – сканирование велось не только лазерными лучами, но и звуковыми волнами в диапазоне, недоступном человеческому уху...

---

⁹² Соленый горячий чай – лучшее спасение от жары, потому что поддерживает тепловой баланс организма и замещает соли, выводимые из него с потом. На вкус просто мерзкий.

В общем – о проникновении на участок можно было забыть.

На крыше стояла система, обнаруживающая снайперов, – ее постоянно вращающийся объектив я узнал сразу. У меня на винтовке был специальный армейский прицел – на линзы было нанесено покрытие, не позволяющее лучам отражаться от линзы в том диапазоне, который система воспримет как оптический прибор, нацеленный на дом. Но обычный прицел эта система засекала бы мгновенно. По крайней мере, если бы она засекала нас, мы бы не видели то, что видели...

Все окна дома на ночь закрывались жалюзи – не обычными, а стальными, отражающими пулю. На крыше был парный пост наблюдения – один охранник с армейским пулеметом и второй – со снайперской винтовкой. Посмотрев через трубу Али на винтовку, я рассмеялся – нашли, с чем охранять. Снайперская винтовка Мосина, многократно модернизированная, – но на такой дистанции ей делать было просто нечего. Еще две пары охранников болтались по территории виллы – то, что они работали парами и оставались почти незамеченными для обитателей сего гнездышка, говорило о том, что это настоящие профессионалы и забить на службу они не успели...

А вот что происходило в этот самый утренний момент на ведущих к морю мраморных ступенях, даже описывать стыдно, не то что смотреть... Впрочем – что естественно, то не безобразно. Молодец дядя, как только справляется в его-то возрасте с четырьмя женами. И ведь все по Корану – не можешь удовлетворять четырех жен, значит, тебе и не положено столько; а тут вполне даже может. И трахал бы их себе дальше, чем с террористами связываться и в политику лезть. Ну да тут не синематограф, пленку назад не отмотаешь и приговор не отменишь...

Сначала вышли две жены – обе блондинки и явно русские. Из тех самых, что предпочитают ездить на Восток... на заработки, но свежие по виду совсем. Прикрыться даже полотенцем они не сочли нужным. Оно и правильно – зачем красоту скрывать...

Затем в окружении еще двух – пока первые успели ополоснуться в море – появился и сам Сатир. Первые вылезли из моря – и началось...

– Слушай... Я тут больше не могу – изжарюсь...

– Он же может. Терпи, ему сейчас сложнее приходится, чем тебе...

Мельком взглянул на часы – действие на мраморных ступенях продолжалось уже полчаса. Интересно, что за лекарство он принимает, говорят – из Африки немцы какое-то возят. Для восстановления мужской силы. Отвлекаюсь...

Можно было бы, конечно, выстрелить и сейчас, но я не стрелял. Дамы, которые сейчас развлекали Сатира, в отличие от него самого не были ни в чем виноваты. Они не связывались с террористами, не передавали деньги, не финансировали антигосударственные акции. А значит, и стрелять в них было решительно не за что.

Сатир выдохся через пятьдесят пять минут, когда Али стал аж красным – он почему-то плохо переносил жару, несмотря на то что был турком и родился на Востоке, – а я начал психовать, что для точной стрельбы и вовсе противопоказано. На какой-то момент я подумал, что это не более чем ловушка и охранники свободной смены подбираются к нам. Но этого быть не могло – Али перекрыл все подходы к нашей лежке тонкими, едва ли не в несколько молекул толщины нитями. Порвешь хоть одну из них – тревога. Прибор был у Али на руке – и противнику он попасть был никак не должен. Он явно указал бы на армию – больше этой мобильной системы охраны периметра нигде не было...

Наконец Сатир начал подниматься...

– Дистанция.

– Тысяча сто восемьдесят один.

– Ветер.

– Слабый. Три влево...

Стрелять надо сверху вниз – да еще и учесть, что часть своего пути пуля полетит над водой, а влажность там другая, да и испаряется она под таким-то жарким солнцем, что тоже требует небольшой поправки...

Сатир встал в полный рост, потянулся, глядя на солнце – и мой палец сам нажал на курок...

Пуля на таком расстоянии летит долго, очень долго... Изображение в оптическом прицеле, выведенном на максимальную дальность, смазалось от отдачи – но через мгновение все снова стало четко видно. И я увидел, как Сатир лежит животом вниз прямо на мраморных ступенях – а к зеленоватой соленой воде течет, стремиться слиться с ней багровый ручеек...

Дело сделано...

В следующую секунду и я и Али отпрянули – снайперская пуля щелкнула о камень, выбив каменную крошку в опасной близости от нас. Мы переглянулись – говорить ничего и не было нужно. Мы учились вместе, одному и тому же и в таких случаях понимали друг друга без слов...

Опасность. Так быстро они не могли понять, где находится снайпер. Если не знали заранее...

Хватанув винтовку, я сиганул вниз, следом за Али – успев уйти от пулеметной очереди, свинцовой метлой прочесавшей то место, где мы лежали. Совсем рядом с нами новая снайперская пуля срезала толстую ветку...

– Валим! Меняем отход!

Кто-то сдал – иначе этого просто не могло быть!

Машина ждала нас в километре – но в этой ситуации идти до нее было нельзя, там нас вполне могла ждать засада...

– К дороге! – выдохнул я, таща тяжеленную винтовку и стараясь не упасть. Зелень, кусты, камни, треск ветвей, тяжелое дыхание – все это слилось в нечто единое под названием «погоня». Она уже дышала нам в спину – и я это знал...

План был единственный – захватить первую попавшуюся на дороге машину, желательно без лишней крови, проехать на ней километров несколько, чтобы оторваться, – и уходить пешком. На пересеченной местности выследить двух разведчиков-диверсантов военно-морского флота, если они не хотят быть выслеженными, дело непосильное.

Задышавшись, мы выскочили на узкое дорожное полотно, выходящее между холмами...

– Машина... – выкрикнул Али.

Я мельком глянул на выезжающий из-за резкого поворота черный британский «Рейндж Ровер» – и адреналин, которого и так уже было немало, буквально хлестнул в кровь сплошным потоком...

– Контакт!

Вскинув винтовку, я выстрелил – с рук, навскидку, целясь по месту водителя. Громыкнуло, отдача обожгла болью руки – внедорожник завалился, экстренно тормозя. Даже отсюда было видно, как тонированное лобовое стекло со стороны водителя изнутри забрызгало красным...

Али уже стрелял – севастопольская подготовка не прошла даром. Мгновенно кувыркнувшись на раскаленном асфальте дороги, он пришел на колени и уже поливал огнем салон «Рейнджа» из автомата «Скорпион». Это оружие производилось в Богемии и отличалось особой точностью – непрерывной очередью все тридцать пуль ложились в мишень, равную по размерам автомобильной дверце – вот за что его так любили политические террористы всего мира...

Искалеченный, с разорванным пулями салоном, «Рейндж» катился по инерции прямо на меня, но я стоял словно во сне – не двигаясь с места. Сбоку что-то кричали, что – я не понимал...

– Ты что, совсем охренел?!!

Пробегая мимо меня, Али со всей силы толкнул меня в плечо – и тут все встало на свои места, появился звук, и мир закрутился с прежней скоростью. Оцепенение после выстрела, странное и необъяснимое, прошло...

Машина остановилась всего в пяти метрах от меня, немного не доехав. Закинув винтовку за плечо, я подбежал к ней, распахнув переднюю дверь справа – и изрешеченное пулями тело буквально вывалилось на меня...

В салоне разило кровью – запах был такой густой, плотный, даже едкий, каким он бывает лишь на бойне. Первым погиб водитель – моя пуля, пущенная навскидку, пробила лобовое стекло, его тело, спинку сиденья и застряла в теле того охранника, что сидел за ним и уже готовился высунуться из окна, чтобы стрелять по нам. Все лобовое стекло было забрызгано красным, испещрено дырами – хорошо, что небронированная машина. Впрочем, от триста тридцать восьмого калибра не спасет и броня...

– Интересные дела! Откуда только берут, ублюдки... – Али уже запихнул «Скорпион» в подмышечную кобуру, вытащил с заднего сиденья труп, подхватил его оружие: последняя модель «АК» в полной комплектации – с подствольным гранатометом, лазерным и оптическим прицелами. Такое оружие в частные руки не могло попасть никак...

– Ты едешь, нет? – Али уже разобрался с трупами со своей стороны и раздраженно смотрел на меня, протирая какой-то тряпкой залитое кровью лобовое стекло – скорее даже не протирая, а размазывая кровь по нему.

– Сейчас...

– И труп с твоей стороны убери из машины – и так запах будь здоров...

Дорога на Саадият 17 июня 1992 года

Раскаленная жарким солнцем узкая асфальтовая лента бросалась под колеса внедорожника, ровно рычал мотор. Али вел машину как профессионал, почти не пользуясь тормозом даже на поворотах, только сбрасывая газ. Я же, пока у меня были свободны руки, занимался оружием...

Винтовку я выпихнул в окно прямо на ходу, когда мы неслись по самому краю десятиметрового обрыва – жаль, но ничего не поделаешь. Свое дело она уже сделала, возможно, ее никогда и не найдут. А скорее всего – найдут случайно через пару месяцев, когда уже будет поздно и расследование зайдет в тупик. Отпечатков на ней не было никаких – и я и Али покрыли ладони специальным лаком, очень похожим на лак для волос, которым цирюльники пользуют своих клиентов. Раздражает кожу, но можно и потерпеть, в конце концов, – зато отпечатков не остается нигде и никаких...

«АК» был в полном порядке – два магазина к нему, сцепленных специальным держателем, и граната в подствольном гранатомете – более чем достаточно, тем более что нам не бой в окружении вести. «Скорпион» я перезарядил, положил своему другу на колени – тот кивнул, не отрывая напряженного взгляда от дороги. Пошарившись в карманах дверей, я нашел два пистолета «браунинг» с запасными обоймами – судя по всему, машина принадлежала охране и была буквально напичкана оружием...

– Как думаешь?

– На побережье возьмем катер или мотоцикл, – бросил Али.

Вот и договорились. Действительно, лучший путь отхода – по воде, на ней следов не остается...

– Казаки! Пост впереди! – Пост на дороге я увидел первым, казаки частенько устраивали такие посты на контрабандистов – контрабанда, несмотря на все усилия, ширилась и процветала...

Али крутанул руль – и внедорожник с треском проломил ограждение дороги, ломанулся вниз по горному склону. Настало время помянуть господу – ибо наша машина летела вниз под углом градусов сорок-пятьдесят, что было впереди, мы не знали. Возможно, что и обрыв. Любая попытка порулить или затормозить неминуемо привела бы к тому, что машина перевернулась и остаток пути к берегу мы проделали бы, кувыркаясь в смятой машине. Да и сейчас было не намного лучше – казалось, внедорожник выделял жуткие скачки, будто необъезженный жеребец, и при каждом таком скачке я больно ударялся головой о крышу. Али было не лучше...

– Держись! – Машина соскочила с какого-то обрыва, пролетела вниз метра три и со страшным грохотом приземлилась на землю, хорошо, что на колеса. От страшного удара вздыбился капот, окончательно закрыв нам обзор...

Внезапно, когда мы уже думали, что эта дикая скачка по камням будет вечной, машина вдруг вылетела на пляж, с размаху врезалась в воду, прокатилась еще пару метров и застыла...

Ф-ф-ф-у-у-у-у...

Нос внедорожника медленно погружался под воду...

– Валим. Сейчас здесь будут казаки...

Машина ушла в воду примерно по окна; с трудом открыв дверцу, я вывалился из машины, удержав равновесие и только чудом не выронив автомат. Нас готовили ко всему – но это... Диким взглядом оглядев дикий пляж – тонкую полоску желтого песка у скал, я не поверил своим глазам – метрах в двадцати от нас стоял водный мотоцикл! Наконец-то и нам повезло сегодня...

– Казаки!

Глянув на горный склон, я поразился – как мы сумели его проехать. То тут, то там были разбросаны – словно игрушки какого то великана – огромные валуны, и попади мы хоть на один из них – нас бы размазало по этим валунам так, что потом и не опознали бы. Но самое главное – на склоне были видны фигурки бегом спускающихся к пляжу казаков...

Прямо по пояс в воде я рванул к мотоциклу, потом сообразил, что по песку я доберусь до него быстрее...

– Эй, это... – Парень лет двадцати на вид, крепкий, с длинными светлыми волосами, вскочил нам навстречу, но застыл как вкопанный, увидев в моих руках автомат. Его подруга, молоденькая и очень привлекательная арабка, судорожно пыталась прикрыть свою наготу одеялом...

Любовь национальностей не признает...

– Извини, парень, но мне твой мотоцикл нужен. Обещаю, что не разобью и в порту его брошу...

– Ты русский? – изумленно выдохнул тот.

– Русский, русский. Не болтай про меня...

За спиной надсадно взревел мотор мотоцикла – Али добрался до него первым...

Бейрут, район Борж эль-Бражнех 17 июня 1992 года

– Спасибо, Сания. – Юлия придирчиво осмотрела свеженанесенный маникюр и не нашла ни малейшего изъяна. – У тебя одной так получается. Я как ни возьмусь, так ...

– Для своего нового кавалера красоту наводите... – лукаво подмигнула Сания.

– Никому об этом, – нахмурилась Юлия, хотя сама и выболтала все в подробностях десять минут назад. – Я пойду... Спешу...

– Лак еще не высох...

– В машине просохнет. – Юлия нащупала сумочку, бросила на стол десятирублевую купюру. – Сдачи не надо. Спасибо, Сания...

– Приходите еще... – улыбнулась хозяйка самого модного дамского салона в Бейруте Сания Монтари ...

После кондиционированной прохлады салона душный, раскаленный запах улицы буквально ударил в лицо. Был один из тех летних дней с африканской жарой и полным отсутствием ветра, который буквально удушал. Нашупав в сумочке ключи, Юлия пошла к машине, привычно ощущая восхищенные взгляды и думая о своем новом кавалере...

Средиземное море, траверз Бейрута Ударный авианосец «Цесаревич Николай» Вечер 17 июня 1992 года

– Чем дальше, тем больше я поражаюсь сам себе, – сказал, как припечатал, Иван Иванович, глядя мне в глаза, причем так, что я не выдержал и глаза опустил...

– Чему же? – спросил Али и тут же умолк, потому что Иван Иванович перевел взгляд на него.

– А тому, что я дал втравить себя в авантюру с вами, судари вы мои.

Говорить было нечего...

– Работа выполнена? – спросил я.

– Да выполнена-то выполнена... Вот только шума вы опять наделали. Неужели нельзя было тише уйти?

– Нас кто-то сдал, – твердо сказал я.

– В смысле? – недоверчиво прищурился Иван Иванович.

– В прямом, господин действительный статский советник! – Теперь я поднял на него глаза. – Нас ждали! А о том, что произойдет, знали только три человека – вы, я и Али. Мы с Али были там – под пулями...

Вывод напрашивался невеселый...

– Вы хотите сказать, господа, что вас сдал я? – Глаза Ивана Ивановича превратились в узкие щелки на загорелом лице, в каюте стояла такая тишина, что было слышно, как у стекла недовольно жужжит неизвестно как здесь оказавшаяся пчела...

– Я хочу сказать, что мы должны проверить прохождение информации. Где-то утечка, причем эта утечка очень серьезна. Пока мы не выявим источник утечки, дальше действовать нельзя!

И снова наступила тишина. Мы молча смотрели друг на друга, и тут Иван Иванович ... улыбнулся!

– Я в вас не ошибся, господин Воронцов... Вы осмелились сказать такое мне – и были совершенно правы. Потому что в таком деле ни чинов, ни званий нет, а предать может любой. Но что-то здесь не так. Если бы конкретно знали, что придете вы, где вы будете и зачем, – вы не ушли бы живыми. Так?

– Так, – недовольно проговорил я. – Это действительно так. Живыми бы мы не ушли – в доме было полно охраны. Но они среагировали только после того, как я выстрелил, хотя и среагировали подозрительно быстро...

– Вот и давайте подумаем, господа... – Тут Иван Иванович оборвал себя на полуслове. – Черт...

– Что? – в один голос спросили я и Али.

– Они знали, что что-то будет, но не знали, что конкретно. Значит, им попала информация в самом общем контексте! Они не знали про вас! Значит, информация ушла...

– С полицейского банка данных, – закончил за Ивана Ивановича я, – там, где вы брали досье. Верно?

Иван Иванович ничего не ответил, он осмысливал ситуацию...

– Много еще досье взято? – спросил я.

– Семь. И ни по одному теперь работать нельзя.

Один – это случайность, два – уже закономерность. Обязательно найдутся люди – в исламском подполье или их кураторы в британской разведке, которые сложат два и два, при-

плюсуют к этому информацию о том, что чиновник по особым поручениям из Санкт-Петербурга забрал девять досье, и двое фигурантов уже убиты...

– В общем и целом, – подвел итог Иван Иванович, – по вашей линии, князь, работать пока нельзя. Работаем только по линии внедрения Халеми, она явно не засвечена. А вам, господин Воронцов, придется несколько дней отдохнуть и побездельничать, пока мы не найдем способ продолжить...

В принципе, у меня было чем заняться в эти несколько дней. Но Ивану Ивановичу, да и всему остальному миру тоже, об этом знать было совсем не обязательно...

Бейрут, район Борж эль-Бражнех 17 июня 1992 года

Александр не звонил – и Юлия с удивлением обнаружила, что думает об этом. Думает – и сердится. До настоящего времени ей было совершенно наплевать на окружавших ее самцов – она пользовалась ими, но душа ее всегда оставалась закрытой. А сейчас она думала о нем. О человеке с повадками волка и с «браунингом» за поясом, о человеке, который в считанные секунды разделался с тремя грабителями голыми руками. О человеке с княжеским титулом, отпрыске старинного дворянского рода, офицере флота, жестком и загадочном. Мысли о нем никак не желали уходить, они возвращались снова и снова, отчего Юлия злилась. Злилась, потому что не могла себя контролировать, а такого с ней не было уже очень давно...

– Черт, да что же это такое, – ставя машину на подземную стоянку, она со злостью хлопнула дверью машины, так что чуть не вылетело стекло, хотя машина-то как раз ни в чем не была виновата.

В холле никого не было – квартир в доме было немного, а вернулась она поздно. Поднявшись на лифте на последний этаж, она прошла к своей двери, повернула ключ и вошла в темную прихожую. В квартире было темно, тихо, уютно – это было убежище, в котором можно было скрыться от всего мира, и мужчин в свою обитель она пускала не всех и не всегда. А такого, как у нее приключилось вчера, она и вовсе не могла припомнить...

Бросив сумочку в прихожей, она прошла в гостиную, машинально щелкнула выключателем и... застыла...

– Что-то ты долго не звонишь, Мадлен, – недовольно проговорил журналист по фамилии Сноу, вальяжно развалившийся на шикарном кожаном диване, стоящем в углу рядом со стереосистемой, – или что-то произошло?

Юлия, взяв себя в руки, прошла к бару, плеснула себе коньяка – почти полную рюмку. Каждый раз, когда это происходило, ей просто хотелось забыться, проснуться – и ощутить себя чистой и свободной, принадлежащей только себе и никому другому. Но реальность цепко держала ее, превращая происходящее в кошмар, не имеющий конца...

История ее была страшна – и в то же время в чем-то банальна. Молодежь, учащаяся в элитных вузах, отпрыски богатых, часто дворянских семей – им просто было скучно в этой жизни, где все было для них. Каждый решал проблему как мог – вечеринками, сексом, алкоголем, так решали ее большинство. Но были и другие... «Пока свободой горим, пока сердца для чести живы...» – вот только души прекрасные порывы посвящались отнюдь не родине. Молодежь «шла в террор» – и только потом понимала, что привлекательные лозунги «борьбы с кровавой тиранией царизма», сладкие слова «ловцов человеческих душ», часто работающих на британскую или североамериканскую разведку и вовремя не обезвреженных контрразведкой, на самом деле превращаются в путь предательства, лжи и ужаса, в дорогу, ведущую на виселицу. К террористам и заговорщикам государство относилось жестоко, карало неотвратимо и беспощадно – смертная казнь была единственной формой наказания за террористический акт.

С террористами Юлия связалась, когда только поступила в Санкт-Петербургский политех – ей было всего семнадцать лет, и она наперекор отцу выбрала именно этот университет, не Смольный. В Смольном учили молодых дам быть хорошими женами и домохозяйками, готовили спутниц жизни для будущей знати Империи – но она никогда не хотела стать «женой такого-то», она хотела стать самой собой. И на первом же курсе ей не повезло встретить некоего Ивана Дроздова, вольного слушателя и активного участника группы заговорщиков, умышлявших на террористический акт и убийство Государя Императора. Сами того не подозревая, они работали на британскую разведку...

Злодейский умысел, естественно, раскрыли – нескольким студентам было не под силу тягаться с великолепно налаженной и действующей как часы машиной контрразведки Империи. Взяли их за день до того, как один из студентов должен был бросить гранату в Государя. Поскольку умысел не был доведен до конца – никого не казнили, но всем дали по двадцать-тридцать лет каторги.

Но Юлию не взяли – за день до ареста остальных к ней пришел человек. И объяснил ей, что информации для того, чтобы отправить ее друга на виселицу, а ее саму на каторгу, у них достаточно, хотя бы аудиозаписи всех встреч, где они засиживались до часу ночи, планируя в мельчайших деталях покушение, а потом занимались любовью. Все это было так... остро, круто, жестоко! Пока не пришло время платить...

Как и обещал господин в строгом костюме-тройке, великолепно говорящий по-русски, ни одного смертного приговора суд не вынес. А она сама стала Мадлен – такой была ее кличка в британской разведслужбе – и уже несколько лет исправно поставляла информацию, сначала из Санкт-Петербурга, а потом и из Бейрута. В Бейруте ее куратором оказался Джон Сноу...

– Присядь рядом. – Голос Сноу был обманчиво мягок. Словно загипнотизированная его глазами, Юлия села на диван рядом с ним.

– Рассказывай. Кто у тебя появился?

– Никого... – начала Юлия, и тут ее голова дернулась от хлесткой пощечины, коньяк плеснулся на диван...

Сноу считал себя экспертом по женщинам и с каждой вел себя по-разному. С кем-то он был нежен и ласков, с кем-то, как в данном случае, – груб и жесток. Каждой нужно было свое – и Сноу давал им это...

– Врешь, сука! Ты думаешь, я не знаю? Мы следим за тобой круглые сутки! Как зовут этого офицера?

На самом деле Сноу лгал. Следить за каждым осведомителем, что он делает, у британской резидентуры не было ни сил, ни возможностей. Более того – город был наводнен агентурой полиции, жандармерии, контрразведчиками, за сеттльментом постоянно следили, и попытка за кем-то понаблюдать вполне могла закончиться тем, что за группой наблюдения установят контрнаблюдение и начнут выяснять – за кем и за чем следит британская разведка. А могут и провокацию устроить. Но Юлия не была профессионалом и знать этого не могла.

– Александр. Князь Александр Воронцов, – тихо сказала она, потирая горевшую щеку.

– Александр. Надо же... Да еще и князь. Делаешь успехи. Кто он, что делает в Бейруте?

– Не знаю. Говорит, что служит на «Александре Колчаке», но часто бывает в городе.

Сноу задумался. Постоянное присутствие на траверзе Бейрута специального десантного корабля, на котором, по данным британской разведки, базировались русские боевые пловцы и отряды морской пехоты, нервировало. Это было еще более непонятно перед акцией, которую задумали британцы, – и вполне могло означать, что русским известен замысел и они готовятся к упреждающему удару. Заполучить в такой момент агента на «Александре Колчаке» дорогого стоило...

– Он точно служит на «Колчаке»?

– Не знаю... Но у него на парадном мундире значки парашютиста и аквалангиста...

Сноу, несмотря на всю его выдержку, вздрогнул. Разведподразделение флота, диверсанты-подводники...

– Еще что? Где ты с ним познакомилась? Только врать не вздумай!

– В тот самый день... Когда дирижабль взорвали. Он скрывался от полиции, бежал – я его спасла от полиции. У него был пистолет...

Сноу вскочил на ноги, нервно прошел к бару, плеснул в стакан водки – этот напиток он любил больше виски и джина. Ситуация оказалась намного более серьезной, чем он думал. С

набережной катастрофу дирижабля должен был заснять мальчишка, входивший в исламское подполье, но что-то произошло, и пленки они не получили. Они так и не поняли, что произошло – мальчишка погиб, пленка пропала, по данным полиции, была перестрелка, но мальчишка погиб под колесами грузовика. Никого из стрелявших задержать не удалось. Они склонялись к мысли, что все, что произошло, было какой-то случайностью, что кто-то позарился на дорожную видеокамеру. Но теперь оказалось, что в деле участвовали русские спецназовцы, а это все меняло.

Сегодня у Сноу был трудный день, просто ужасный. Если убийство Джимала еще можно было – при наличии изрядного воображения – отнести к заурядной уголовщине, то убийство Бакра подняло на ноги всю резидентуру. Убийство снайперским выстрелом с расстояния более километра – на такой выстрел были способны очень немногие. Не помогла многочисленная и хорошо продуманная система охраны, часть охранников не смогла ничего сделать, часть полегла на дороге. Резидент требовал уже к завтрашнему дню представить соображения насчет того, что делать дальше. А их не было. До последнего момента...

– Где это было?

– У консульства САСШ.

Точно!!!

– Он что-нибудь говорил про это?

– Нет, только шутил. И все. Он вообще не любит говорить о серьезных вещах...

– Еще что?

– Вчера ночью мы шли по улице. На нас напали трое грабителей – он расправился со всеми троими за несколько секунд. И он постоянно носит оружие...

– Еще бы... – Сноу в возбуждении замахнул стакан залпом. – Думаю, он справился бы и с десятиерыми. И оружие... это тоже многое объясняет. Короче, так. Не смей терять его – а я должен подумать. Потеряешь – будет плохо. На виселицу ты уже заработала, милая моя... А теперь пошли. У меня мало времени...

Оставив пустой стакан в баре, Сноу направился в сторону спальни – он бывал там не раз и мог найти туда дорогу с закрытыми глазами. Работа резидента и куратора такой очаровательной дамы имеет и свои положительные стороны...

Из дома на Аль-Рашидин, девятнадцать, Сноу вышел через три часа. Привычно проверившись, он нырнул в узкий темный переулок и направился к машине, которую оставил за два квартала отсюда. А в неприметном фургоне, стоящем на другой стороне улицы, некий человек, сидевший в кузове, проверил качество аудиозаписи и передал по связи, что объект «Олень» направляется к своей машине. Сноу думал, что все его визиты к дамам внимания русской контрразведки не привлекут, но он ошибался. Смертельно ошибался...

Бейрут, район Тайонех Мадафа 18 июня 1992 года

Ислам как религия довольно сильно отличается от православия и от христианства вообще. Если христианство предполагает общение с Богом посредством слуг божьих – церковных служителей, то в исламе каждый общается с Аллахом сам по себе. Оно и понятно – согласно нормам шариата намаз нужно делать пять раз в день, а пять раз в день в мечеть не сходишь. В исламе нет и такого понятия, как исповедь.

Также у ислама и христианства принципиально разное отношение к государству. Если христианство не отрицает государство, не призывает к борьбе с ним в случае, если государство и его руководители соблюдают основные христианские заповеди, то ислам не признает государство как таковое. В исламе единственной легитимной формой объединения верующих является умма – мусульманская община. Во главе мусульманской общины стоят духовные лидеры – муллы, шейхи, аятоллы, а правоверные должны сверять свою жизнь по нормам Корана и шариата – толкования Корана и сборника высказываний Пророка Мохаммеда, не вошедших в сам Коран.

Поэтому в мечети во время намаза на первый взгляд правоверные не обращали друг на друга особого внимания. Мулла привычно и распевно читал Коран, правоверные в едином порыве склонялись ниц, касаясь лбом ковра; у самых богобоязненных на лбу была забиба – мозоль, возникающая от постоянного касания лбом ковра. Но это было только на первый взгляд...

Как только Али вошел в мечеть, он сразу почувствовал, как несколько внимательных взглядов скрестились на нем. Никто не задал ему ни единого вопроса, это было бы бестактно и неправильно – отвлекать правоверного от намаза, но он увидел, как его знакомцы по мадафе, увидев, где он расположился на намаз, расположились слева, справа и позади него, взяв в своего рода «клещи». Но вида того, что он все понял, Али не показал – он просто встал на колени и начал творить намаз...

Как только намаз закончился, Али в числе первых пошел на выход, но во двореике мечети его уже ждали...

– Приветствую тебя, брат... – белозубо улыбнулся Салик, которого Али определил как старшего в той тройке, которая «работала» его. – Да пребудет с тобой благословение Аллаха!

– И тебе да поможет Аллах в твоих делах и всем твоим близким и друзьям тоже... – отозвался Али.

– Что с тобой, брат? – Салик, казалось, только что увидел ссадину на лбу Али. – С тобой что-то случилось?

– Ничего серьезного, – отрезал Али, всем своим видом давая понять, что не намерен дальше говорить на эту тему.

Салик не стал настаивать...

– Ты присоединишься к нам сегодня в мадафе?

Офицер взглянул на часы:

– Присоединюсь, но не надолго...

Мадафа при этой мечети была, как и сама мечеть, небольшой, там могло поместиться всего человек двадцать, но довольно богато обставленной. На полу и на стенах висели дорогие иранские ковры, в воздухе витал аромат благовоний. Вместо музыки здесь крутили запись с соревнования чтецов Корана, проводимого ежегодно в Мекке...

- Спасибо, мне только чай. – Али наотрез отказался от всего остального.
- Не сомневайся, брат, здесь вся пища халяльная⁹³ и самого лучшего качества...
- Нет аппетита...

Подали чай – здесь он был таким насыщенным и ароматным, что казалось, можно поставить ложку и она будет стоять. Подавали его в крохотных медных чашках, буквально на один глоток – но пара глотков такого чая заряжала бодростью на весь день. Так заваривать чай умели только здесь...

Али молча отхлебнул крошечный глоток чая, довольно поцокал языком. Чай был действительно вкусным, притворяться не приходилось. Братья переглянулись, и Салик начал осторожно подбираться к цели...

– Послушай, брат, – тихо сказал он, – ты чем-то расстроен? Не хочешь говорить – не говори, но знай, что все мы братья и любой из нас с радостью поможет тебе...

Али допил чай до конца, прежде чем ответить. Пока раскрывать карты было рано...

– Я рад слышать это... Но мне не поможет никто.

– Почему же... Поделись тем, что тебя мучает, возможно, мы и сможем тебе помочь...

– Меня мучает совесть, – коротко ответил Али, – и в этом мне никто и ничем не сможет помочь...

После чего он молча встал и вышел из прохладной тени мадафы под палящее летнее солнце...

---

⁹³ Халяль в исламе означает «разрешено», харам – «запрещено». Соответственно, халяльная пища – пища, приготовленная в соответствии с нормами ислама, которую может вкушать любой правоверный мусульманин. У евреев есть аналогичное понятие – «кошерная пища».

Бейрут, район Санайех 18 июня 1992 года

Департамент контрразведки в Министерстве внутренних дел был одним из самых закрытых – туда не принимали тех, кто работал в других подразделениях полиции, туда нельзя было устроиться ни по какой протекции. Наиболее способных абитуриентов отбирали на первом курсе полицейских училищ и учили по шестилетней специальной программе в отдельных закрытых учебных заведениях.

Но был отдел, намного более секретный. Официально он был частью департамента контрразведки, но на деле это была совершенно самостоятельная структура. Назывался он «отдел специальных программ», и занимался он борьбой с наиболее опасными государственными преступлениями – изменой, шпионажем, террористической и подрывной деятельностью, умыслами на убийство высших должностных лиц Империи.

По структуре этот отдел не был похож ни на какое другое подразделение в системе МВД, ни вообще на государственную структуру. В нем не было иерархии – вообще никакой. Существовал куратор – им был создатель этого отдела, товарищ министра внутренних дел Каха Цакая. Существовал координатор – в чью задачу входило распределение поступающих заданий, принятие отчетов об их выполнении и передача их куратору. Сам координатор, как и все сотрудники отдела, был профессионалом высочайшего уровня. И существовали чиновники по особым поручениям – специалисты высшего уровня, способные действовать самостоятельно, без указки и контроля сверху. Одним из чиновников по особым поручениям и был «Иван Иванович Кузнецов», официально служивший в Министерстве иностранных дел и на самом деле имевший огромные права и полномочия...

Сейчас Кузнецов сидел в неряшливом, обставленном дешевой старой мебелью кабинете начальника департамента контрразведки в Бейруте и внимательно смотрел на «Бухгалтера». Бухгалтер – именно такую кличку носил Еремей Лавринович, начальник этого департамента. Маленький, круглый, неряшливо одетый, суетливый, он не производил впечатление компетентного, да и вообще сколь-нибудь серьезного работника, но стоило вам встать у него на пути... Лавриновича боялись все – и свои и чужие. Кроме того, у него был дурной характер, но когда было нужно, он умело это скрывал и был самой любезностью...

Сейчас же быть любезным он не считал нужным – сначала он продержал чиновника из Санкт-Петербурга в своей приемной двадцать минут, а теперь увлеченно говорил по телефону, не обращая внимания на гостя. Иван Иванович спокойно ждал...

Наконец Лавринович разговор закончил, с размаху бросил черную эбонитовую трубку на рычаг старого телефонного аппарата и с любопытством уставился на гостя своими круглыми, похожими на совиные, глазами – из-за толстых линз очков они казались еще больше...

– Вы меня вызвали на девять часов и сказали, что у вас есть интересная информация по моим объектам разработки, – спокойно напомнил суть проблемы Кузнецов.

Поскольку у самого Ивана Ивановича оперативных возможностей в Бейруте не было, он загрузил местный департамент контрразведки – попросил отследить контакты Али Халеми и Александра Воронцова. Наполовину это делалось для их защиты, наполовину – для контроля. И, судя по всему, результат уже был...

– Ах, да... Точно! Есть информация, и крайне интересная ... – Бухгалтер перебрал через стол папку, в которую обычно подшивались сводки по наружному наблюдению. Иван Иванович подвинул папку к себе, но открывать пока не стал.

– По Халеми?

– По Воронцову, милостивый государь, по Воронцову. Он общается с крайне интересными дамами...

– Вкратце, если можно...

– Отчего же нельзя... Проживает у нас в городе некая Юлия Земцова – премилая, надо сказать, дама. Дочь промышленника из Санкт-Петербурга, недавно переехавшего в САСШ, здесь у нее квартира своя. Мои люди засекли ее с Воронцовым. А по оперативным данным – эта дама находится на связи с британской разведкой, конкретно – с неким Джоном Сноу, который работает под прикрытием корреспондентской аккредитации. Надо бы его этой аккредитации лишить и вышибить пинком отсюда, да принято решение пока этого не делать. В конце концов, мы этого субчика почти год пасли, прежде чем все его связи вскрыли, а выслать Сноу – пришлют кого-нибудь другого и снова придется все ноги сбивать. Этот Сноу, кстати, хитер как лис – пришлось его стационарным методом работать, полгорода по квадратам перекрывать⁹⁴. Таким образом, эта дама втемную разрабатывает Воронцова, а он и в ус не дует. Потерял молодой человек всякую бдительность. Впрочем, по данным аудиоконтроля квартиры Земцовой, познакомилась она с ним случайно, а Сноу узнал об этом и дал задание на его разработку. И со Сноу, и с Воронцовым у нашей милой дамы отнюдь не дружеские отношения...

– Результаты аудиоконтроля можно прослушать? – спокойно спросил Иван Иванович

– Отчего же нет? Извольте, сударь... – Лавринович открыл пакет с кассетами, безошибочно выбрал нужную, вставил в скрывающийся в ящике стола магнитофон, протянул Кузнецову массивные наушники. Тот надел наушники, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза...

Когда кассета закончилась, Кузнецов снял наушники, с задумчивым видом повертел их в руках...

– На эту Земцову что еще есть?

– Подозрительная, еще с Санкт-Петербурга, там с подозрительными якшалась. Здесь она в оперативной разработке, выполняет поручения Сноу. Думаю, к виселице ее не приговорят, не тот вариант, но лет двадцать каторги она себе заработала. Прикажете провести реализацию по этому материалу⁹⁵?

– Не угадали... – Иван Иванович впервые улыбнулся, и Бухгалтера передернуло от вида его улыбки в сочетании со стылыми глазами. – Все материалы по Земцовой сюда, на стол. Всё, включая дело по ней, все материалы контроля – всё без исключений. Материалы по Воронцову и Халеми я тоже забираю. Это дело государственной важности, работать по нему вы не имеете права. До особого распоряжения министра этих людей для вас не существует, всех троих. По Сноу наблюдение оставить, контакты фиксировать, но ничего более не предпринимать.

– Мне нужен письменный приказ за подписью министра, иначе отдать материалы я не имею права, – твердо сказал Бухгалтер, – да и полномочий ваших, сударь, я не знаю...

– Полномочий... – Иван Иванович вынул из внутреннего кармана пиджака трубку спецсвязи, похожую на мобильный телефон, но с толстой антенной длиной сантиметров пятнадцать, быстро набрал петербургский номер. – Если вы хотите убедиться в моих полномочиях... Господин Цакая... Это Кузнецов. Бейрутский департамент контрразведки не выдает некоторые материалы, сомневается в моих полномочиях. Начальник департамента сидит передо мной... Хорошо...

С той же самой улыбкой Кузнецов протянул трубку спецсвязи Лавриновичу, лицо которого за время этого недолгого разговора стало белым как мел...

---

⁹⁴ Крайне сложный и затратный метод наружного наблюдения, применяется в редких случаях и против профессионалов, у которых может быть и контрнаблюдение. Заключается он в том, что стационарные посты фиксируют появление объекта разработки в определенном месте в определенное время, но не преследуют. Следующий раз они снова фиксируют – но уже немного с другого места, и так, кропотливо собирая и обрабатывая информацию, можно составить маршрут движения разрабатываемого объекта. Поскольку наблюдатели с места не двигаются, засечь такую слежку, даже с контрнаблюдением, очень сложно...

⁹⁵ То есть задержать и начать официальное следствие...

Любые неосмотрительно сказанные слова, любая болтовня имеет последствия, часто – очень серьезные. Как показывает практика, для того, чтобы узнать самую секретную информацию, вовсе не обязательно вербовать кого-то высокопоставленного. Уборщик в офисном здании, человек, в чью задачу входит уничтожение секретных документов. Случайный попутчик, подсевший к вам в поезде дальнего следования и умело разговаривший вас; если за вами длительное время следят, то попутчик может быть и совсем не случайный. Наконец, хозяйка модного маникюрного салона-парикмахерской, в которую заглядывает весь бейрутский свет и где дамы выбалтывают свои секреты, секреты своих мужей и любовников, даже не задумываясь о том, чем потом это может обернуться...

Сания Монтари, неизвестно откуда взявшая деньги на аренду первого этажа целиком в одном из новых зданий на набережной Корниш, на закупку самой современной техники и наем самых искусных мастеров стрижки и маникюра, была, как и многие в этом мире, вовсе не тем, кем казалась. С шестнадцати лет она принадлежала к исламскому террористическому подполью, умело скрывая лютую ненависть к русским, публично повесившим ее двоюродного брата за покушение на губернатора. Сания была влюблена в него, он был первой ее любовью в жизни – и она не колебалась, когда ей предложили жестоко отомстить русским.

Хуже того, она была такфиром. Первоначально так называлось обвинение в неверии – тягчайший грех для мусульманина. Затем так стали называть сами себя мусульмане самого ортодоксального толка, дошедшие до того, что обвиняли всех мусульман, не согласных с их воззрениями, в вероотступничестве и считавшие их врагами, подлежащими уничтожению. Но потом появилось и третье значение слова «такфир», самое страшное.

Так стали называть себя самые непримиримые и опасные террористы. В отличие от салафитов, они сознательно нарушали все мусульманские заповеди – не совершали намаз, употребляли спиртное, женщины не носили чадру и носили мини-юбки. В своей фанатичной вере в Аллаха они дошли до того, что отрицали все основные признаки веры – но в то же время были готовы в любой момент умереть за нее. Умереть – и унести с собой на тот свет как можно больше русских, да и правоверных, которые, по их мнению, являлись вероотступниками. Они не останавливались ни перед чем...

Вот и Сания Монтари – завсегдатой модных клубов и дискотек, менявшая любовников как перчатки, на самом деле была такфиром – таким же, как и женщина, взорвавшаяся в дирижабле. Она была готова участвовать в любом кровопролитии, в самом страшном, но ей сказали, что ее время еще не пришло. Вместо того чтобы направить ее с поясом шахида в людное место, ей дали денег, приказали открыть модный салон для богатых, обучили, как вытягивать информацию, как вести разговор, как запоминать самое нужное и важное. Полученную информацию она должна была передавать кяфиру – он тоже боролся против русских и работал корреспондентом «Лондон таймс».

Бейрут, британское консульство 19 июня 1992 года

С самого утра у консульства было ... суетно. Не так, как обычно. В шесть часов утра, когда город только просыпался, в здании включили мощные генераторы помех. На постоянной основе они не работали – потому что счета за электроэнергию разорили бы британскую казну, а жители близлежащих домов устроили бы перед консульством акцию протеста. Генераторы помех подавляли все на удалении пятисот метров – не работали ни телевизоры, ни радиоприемники, ни мобильные телефоны, ни компьютеры – все забивалось шквалом помех. Последний раз генераторы включали больше года назад – и тогда в консульство за час поступило сто сорок три звонка от разъяренных соседей. С обеих сторон особняка консульства были выстроены офисные центры, а полиция просто ссылалась на дипломатические привилегии и перенаправляла звонки на коммутатор консульства. Но сегодня эти генераторы были просто необходимы – таков был уровень совещания...

Участники совещания собрались в «пузыре» – так называлась специальная комната в подвале консульства, на оснащение которой было потрачено больше десяти тысяч фунтов стерлингов. «Пузырь», или «стеклянный пузырь», – так эту комнату называли, потому что помимо обычных стен существовала и вторая оболочка, стеклянная, сделанная из стекла повышенной прочности, не пропускающего никакие радиоволны...

Стен в комнате было четыре. Первой была стена из бетона, дальше была проложена экранирующая оболочка из свинца, дальше – снова бетон. Последней, четвертой, стеной было стекло. В помещение вели три двери – две стальные, подобные тем, какие устраивают на кораблях, со штурвалом и четырехточечным запорным механизмом, и третья – сделанная из того же стекла...

Вся мебель в комнате – стол и стулья – были тоже сделаны из прочного стекла, для того чтобы любое подслушивающее устройство можно было бы легко обнаружить визуально. Вентиляции в помещении не было, чистый воздух нагнетался искусственно.

Перед тем как зайти в помещение, все участники – а их было восемь человек – разбредлись по кабинетам консульства. Там они разделись догола и надели одинаковые, только что выданные им костюмы, похожие на спортивные. Русская спецслужба отличалась большой изобретательностью, не так давно был случай, когда один джентльмен из британского министерства обороны пошил себе новый костюм, причем пошил его в Лондоне в известном ателье на Сэвилл-роуд – а через полгода в костюме обнаружили встроенное подслушивающее устройство. Все пуговицы костюма представляли собой микрофоны, а гибкая плата памяти и устройство передачи были вшиты в воротничок. Теперь перед любым совещанием такого уровня секретности его участники обязательно переодевались...

Переодевшись, участники совещания, ведомые резидентом, гуськом прошли в подвал, зашли в помещение и закрыли за собой все двери.

– Подведем итоги ... – Резидент СИС на Восточных территориях, невысокий худощавый человек с птичьим лицом, сэр Тимоти Карвер, пошел с места в карьер. – Происходят вещи, которые бы я назвал опасными и совершенно неожиданными для нас. Если убийство Джималя еще можно было бы объяснить случайностью, бандитским нападением либо действиями русских экстремистов, то убийство Бакра, нашего основного спонсора, не может быть ничем иным, кроме как действиями враждебных нам сил. До начала операции «Шторм» остается не так много времени, а кто-то одного за другим выбивает ее ключевых фигурантов. И возникает вопрос, джентльмены, а является ли суть операции «Шторм» для русских тайной или заграничный отдел уже в курсе наших планов? Может быть, завтра русские арестуют всех? Или – убьют?

– Я пока не вижу оснований для столь... серьезных выводов, сэр... – начал Арнольд Бисби, аналитик из Тэвистокского института, прикомандированный к резидентуре на время проведения операции. – Да, с доски убрали две ключевые фигуры. Это серьезно – но это не смертельно. Я бы, например, убрал другие фигуры, если бы хотел сорвать проведение операции. Мулла, в конце концов, был одним из тех, кто отвечал за кадровую работу – но есть и другие. Бакр – да, он вложил немало денег, но найдутся и другие инвесторы. Основная силовая структура операции не повреждена, нет никаких свидетельств того, что русские взяли ее под наблюдение. Да и вообще – если бы я получил информацию про «Шторм» – на месте русских я бы действовал куда активнее...

– Но факт остается фактом, – ворчливо проговорил резидент. – Происходит нечто такое, что может поставить под угрозу проведение операции стратегического значения, от которой, без преувеличения, зависит будущее Британской империи как великой страны. И в то же время ни один из сидящих передо мной джентльменов, которые вроде как отвечают за агентурную работу, ничего не знает о том, что происходит. Ничего! Чем вы занимаетесь, джентльмены? Ухлестываете за дамами на Корниш?

– Разрешите... – поднял палец Сноу, сидевший дальше всех от резидента.

– Слушаю...

– У меня есть информация, но сообщить я ее могу только наедине...

– Джентльмены, десять минут перерыв, – моментально отреагировал резидент. Ничего в этом обидного не было, все были профессионалами и понимали, что информация, которую знают двое, и информация, которую знают восемь человек, – это две очень большие разницы...

– Итак, мистер Сноу, – испытующе воззрелся на «репортера» Карвер, когда снова закрылась дверь и они остались в этом суперзащищенном помещении одни, – чем вы меня порадуете?

– Есть информация. Пока она только косвенно относится к рассматриваемому нами делу, но информация крайне интересная. Есть некий князь Александр Воронцов, офицер флота, старший лейтенант. Полное досье на него я не успел собрать, есть только краткая справка. Двадцать семь лет, родился в Севастополе, сирота, воспитывался дедом. Дед весьма известная личность, был командиром авианосца, потом командующим Черноморским флотом. Сейчас – адмирал, начальник Главного оперативного управления штаба ВМФ, фактически второе лицо на флоте. Сам Воронцов учился сначала в Севастополе, потом перевелся в Санкт-Петербург. Сейчас проходит службу на «Колчаке».

– И что?

– Помните казус на набережной в день взрыва экскурсионного дирижабля? Мы ведь так и не получили пленку с записью горящего дирижабля – она бесследно пропала, а тот, кто должен был ее снять, погиб под колесами грузовика. Но не только это – была какая-то стрельба, причем местная полиция почему-то не имеет интереса к этому делу. Так вот – вчера мне стало достоверно известно, что Воронцов был в тот момент на набережной, именно он засек оператора и попытался его задержать. И он же стрелял.

Сэр Тимоти закрыл на несколько секунд ладонями лицо, с силой нажал пальцами на глаза – так он всегда делал, когда хотел подумать...

– Откуда информация?

– От одного из агентов. Мадлен, переданная нам на оперативную связь из Санкт-Петербурга. Помните? Настоящее имя...

– Не надо называть настоящих имен, – оборвал Карвер, – я все прекрасно помню. Как к ней попала эта информация?

– Случайно. Она была в тот момент рядом – и помогла Воронцову скрыться от полиции. Сейчас у них любовная связь, и это нам очень на руку. Никто, даже самый опытный контр-

разведчик, не заподозрит в таком случае медовую ловушку⁹⁶ – ведь знакомство было совершенно случайным. И самое главное – и когда произошло убийство Джимала, и когда произошло убийство Бакра, Воронцова невозможно было найти. Во втором случае Мадлен пыталась дозвониться до Воронцова, но телефон был выключен.

– Вы выяснили, чем на самом деле занимается Воронцов?

– Это сложно сделать. Но есть два крайне подозрительных обстоятельства. Первое – Воронцов большую часть времени проводит не на корабле, а в городе. Второе – у него на парадном мундире значки парашютиста и подводника. Это отличительный признак флотского спецназа.

– Интересно... Вы хотите сказать...

– Не исключено, – кратко подвел итог Сноу.

Карвер задумался. В то, что в Российской империи творятся массовые бессудные расправы над неугодными, он не верил ни на грамм, потому что прекрасно знал, кто и как раскручивал этот миф, стараясь выставить Россию империей зла. Знал – и всецело поддерживал их усилия...

Как и все британские аристократы, Карвер люто, до зубовного скрежета, ненавидел Россию и все, что с ней было связано. Ненависть словно булькающий кипятилок жгла душу, норовя выплеснуться мутным варевом. Русские, необразованные дикари и варвары, осмелились воевать против Британской империи в Крымскую кампанию, потом жестоко отомстили за поражение в Крыму во время мировой войны. Хотя Британия в основном воевала на море, а не на суше, любой британский аристократ прекрасно помнил страшное унижение начала двадцать первого года, когда бесчисленные полчища русских ринулись в наступление. Франция, и так едва удерживающая фронт, несмотря на все экспедиционные контингенты, за три недели была раздавлена, русские казаки вновь, как и сотню лет назад, ворвались в Париж. Эвакуировать удалось только часть британского экспедиционного корпуса – остальные пали на французской земле в неравных схватках, когда на одного британца приходилось по двое-трое русских и немцев. Потом произошла Константинопольская десантная операция, когда русские впервые в мире захватили двухмиллионный город десантом морской пехоты при поддержке огнем корабельной артиллерии. Все думали, что на этом война закончится – ведь Россия официально не говорила ни о каких территориальных призах, кроме Константинополя. Но почти сразу начался ужасный «Восточный поход» русской армии и «Африканский поход» германской, британская армия потерпела новые поражения. Теперь дети учили это в школах – багдадское окружение, каирское побоище...

Поначалу сквитаться удавалось на море – британский Гранд-Флит нанес ряд поражений русским и уже готовился к «походу мести» на Санкт-Петербург. Но тут русские, собрав в кулак все оставшиеся силы Балтийского флота, обманув разведку, вдруг появились в самом сердце Британской империи – и нанесли удар по Лондону и по основной базе Гранд-Флита в Скапа-Флоу. Это было немыслимо, никто не мог предвидеть такое – падающие на Лондон снаряды, пылающий центр города, рушащийся от прямого попадания символ Англии – старый добрый Биг-Бен, но это было. Было! Русские погибли все, у них не было ни единого шанса выжить, но сам дух Британии оказался надломленным, и именно поэтому она пошла на заключение унижительного для великой державы Берлинского мирного договора.

Для любого британского аристократа с того времени стало делом чести отомстить. Отомстить за унижение, отбросить Россию туда, где ей было самое место – на задворки цивилизации. С каждым годом Российская империя становилась все сильнее – теперь уже не русские с затаенным страхом взирали с берега на серо-стальные силуэты броненосцев Гранд-Флита,

---

⁹⁶ Медовая ловушка – специальный термин, означающий компрометацию через сексуальную связь. На этом погорели многие, несмотря на все призывы к бдительности.

теперь гордые подданные Ее Величества со страхом смотрели на русские авианосцы, на напичканные оружием линкоры, на исполинские, самые большие в мире атомные подводные лодки. О прямом противостоянии теперь не могло быть и речи – оставалась только хитрость. Хитрость и коварство истинных сынов Альбиона.

Но сэр Карвер не питал иллюзий, он был прекрасным разведчиком и трезво смотрел на вещи, никогда не обманывая себя. Он хорошо знал, что у любой нации должен быть скелет из числа дворян и аристократов – без него нация просто не выживет. Был он у Британии – но такой же скелет был и у России. Молодой князь Воронцов, потомственный дворянин и военный моряк, был из числа тех, с кем сэру Майклу не хотелось бы вступать в схватку...

– Сэр Тимоти, – донеслось до него, и тут он пришел в себя, отрешился от раздумий, – может, установить слежку?

– За кем? – изумленно спросил Карвер.

– За Воронцовым...

– Боюсь, пройдет еще много лет, Сноу, прежде чем вы научитесь осторожности, столь нужной разведчику, – вздохнул Карвер. – Если это ложный след, мы бессмысленно потратим время и силы, а если не ложный, то Воронцов уйдет от наблюдения и поймет, что мы вышли на его след. Пусть по нему работает Мадлен, попытается понять, что ему о нас известно. А больше пока ничего предпринимать не надо. В конце концов, до «дня Д» осталось не так много времени и вряд ли русские успеют нам как-то помешать. Доклад жду послезавтра. Зовите остальных...

Российская империя Окрестности Казани 19 июня 1992 года

Гроза оказалась недолгой. Короткий ливень, подгоняемый раскатистыми ударами грома, освежил воздух, и над шестым по величине городом Империи разноцветной дугой встала радуга. Тучи не хотели уходить, мостились черными горами над огромным городом, но лучи летнего яростного солнца разрезали их все увереннее, а легкий ветерок намекал на то, что через полчаса от туч на небе не останется и следа. Но пока тучи все еще занимали господствующие высоты и острые шпили минаретов мечети Кул-Шариф словно поддерживали свинцово-черные громадины на своих острых шпилях...

Большой трехосный грузовик, нутужно ворча мотором, преодолевал последние метры до недостроенного коттеджного поселка. В просторной кабине, отличавшейся необычными для грузовой машины слегка тонированными стеклами, сидели двое. Один, тот, что был за рулем – молодой, темноволосый, бородатый, с черными агатовыми глазами – был похож то ли на татарина, то ли на араба. Скорее на араба. Второй – намного старше, среднего роста, сухопарый, жилистый, словно скрученный из стальных канатов, с внимательными серыми глазами. Трудно было представить двух более непохожих друг на друга людей, но вот одеты они были почти одинаково. Джинсы, свитера, легкие куртки, тяжелые армейские ботинки. Только цвет курток был разным – черный у молодого и светло-серый у пожилого...

– Эти русские совсем придурки! – раздраженно выругался молодой после того, как тяжело груженная машина попала в очередную колдобину и руль больно ударил по рукам. – Дома построили, а дорогу не подвели...

– Помолчи! – властно бросил пожилой. Он сидел на переднем сиденье и всю дорогу то осматривал окрестности, то смотрел в зеркало заднего вида – не сел ли кто на хвост. За все время поездки он изрядно перенервничал – если дорожные полицейские остановят машину и не поверят документам на груз, начнут проверять... В России за терроризм было только одно наказание – смерть.

Наконец разбитая дорога к почти построенному коттеджному поселку сменилась гладкой бетонкой, и автомобиль, набрав скорость, моментально преодолел расстояние от въездных ворот до седьмой улицы. Рисуюсь, молодой филигранно заправил тяжелую машину в поворот...

– Осторожно! Еще не хватало, чтобы нас запомнили! Гонщик...

Ворота были открыты заранее, группа занимала сразу три коттеджа в самом конце улицы. Официально она занималась их достройкой и отделкой, богатые люди не скупились на всяческие причуды типа фонтана или маленького зоосада. А сегодня доставили материалы – только не строительные...

Их было девять человек, две стандартные боевые группы, четверки, и координатор. Все они прошли специальную подготовку для действий в глубоком тылу противника и должны были заниматься борьбой с терроризмом. Хотя сейчас они занимались ровно противоположным – готовили террористический акт. Называли они это по-другому – диверсия в глубоком тылу врага. Может, оно и в самом деле было так...

Когда тяжело груженная машина свернула в открытые ворота, на участке, прилегающем к дому, на первый взгляд никого не было. Впрочем, это только говорило о том, что сасовцы в совершенстве владеют искусством маскировки. Сейчас два бойца держали под прицелом бесшумных автоматов машину, еще двое наблюдали за окрестностями с крыши дома и оставшиеся двое были в доме в резерве. Водитель уменьшил скорость до пяти километров в час и не делал никаких лишних движений, отлично понимая, что нервы у стрелков не железные...

Машина медленно въехала в гараж – вообще-то он был рассчитан на три легковые машины, но высота его была такова, что в него свободно помещался и грузовик. Только когда за спиной опустились до земли жалюзи, водитель выключил мотор и облегченно вздохнул...

Впереди, из ведущей в дом двери, появился один из бойцов спецгруппы. Свое оружие он держал вроде расслабленно, но в то же время локтем прижимал приклад так, что можно было вскинуть автомат и полоснуть очередью менее чем за секунду. Навстречу ему с подножки соскочил пожилой, он вскинул левую руку со сжатым кулаком – и боец с автоматом ответил ему тем же. Проверка прошла – если бы сейчас один из них находился под контролем русских, жест его был бы немного иным...

– Привезли?

– Привезли... Нормально все...

Все члены группы прекрасно говорили по-русски, это было обязательным условием для отбора в спецгруппу. Входила в группу и пара индусов – внешне они смахивали на татар и даже знали несколько слов по-татарски.

– А проверили?

– Нет, вот я должен был прямо на станции вскрыть опломбированный контейнер и начать проверять! – окрылся пожилой, проходя мимо. – Пожрать есть чего? На станции даже поесть времени не было...

Наскоро утолив голод, шестеро собрались в комнате на первом этаже – пора было подводить первые итоги. Перед ними стоял ноутбук, в который была загружена интерактивная карта Казани и ролики с видеосъемками в разных частях города, в основном в центре. Еще двое были на дежурстве – один в саду, еще один – на крыше. Все они прекрасно помнили, что находятся в глубоком тылу, где нельзя терять бдительности ни на секунду...

Говорить начал старший, координатор, – он единственный на данный момент не служил в частях специального авиадесанта, хотя и ему, когда тот был моложе, довелось побегать по холмам Брекон-хиллс с бревном на плече⁹⁷. Сейчас же он работал на разведслужбу Великобритании. Сикрет Интеллидженс Бюро – самая старейшая разведслужба мира, чья штаб-квартира находилась в самом центре Лондона, и самая опытная. Подрывными акциями против России британская разведка занималась не первый раз – стоит только вспомнить неудачные революции в пятом и шестнадцатом годах, потопленные в крови...

– Господа, как вы уже поняли – взрывчатка нами получена в полном объеме, все двенадцать тонн. Теперь мы должны сделать самое главное – изготовить устройства и доставить их к целям. Любой провал на этом этапе обернется гибелью группы, вы это знаете не хуже меня. Устройства начинаем готовить завтра, Мик, Джерри, на вас – машины. Новые не покупайте – немного подержанные самое то, причем покупать надо автомобили разных расцветок и разных марок. Лучше всего – подержанные авто, у которых закончилась заводская гарантия и которые продают разные службы доставки, таких немало в любом мегаполисе. Наличные получите завтра же. Теперь – по результатам доразведки целей. Томас – слово тебе.

Томас, самый молодой из группы, развернул экран монитора так, чтобы видно было всем.

– Итак, джентльмены. По результатам доразведки целей мечеть «Кул-Шариф» пришлось исключить – она находится на территории с ограниченным доступом автотранспорта. Но есть много других мечетей. Я выделил восемь целей для удара. Мечети здесь, здесь, здесь, вот здесь, здесь, здесь и вот эта. Том указывал электронным стилусом на монитор – и на карте, словно следы от пуль, вспыхивали кроваво-красные точки, отмечающие цели. – Но это цели второстепенные. Главная цель, как и предполагалось ранее, – исламский конгресс-центр, там про-

---

⁹⁷ В Брекон-хиллс и в самом деле находится учебный центр САС, и одним из упражнений является бег по холмистой пересеченной местности на десять километров с бревном на плече.

ходит всемирное состязание чтецов Корана. Зал на двенадцать тысяч мест, а совсем рядом, вот здесь, – стоянка. Там можно припарковать грузовик – потребуется не развозной фургон, а именно грузовик грузоподъемностью тонны четыре – тогда здание буквально сметет ударной волной. Оставшиеся шесть тонн можно распределить на семь оставшихся целей – там пойдут и развозные фуры. Самое главное – уничтожить конгресс-центр, даже если сработает только это взрывное устройство – операцию можно будет считать успешной...

– Вопросы, джентльмены? – старший из всех обвел взглядом остальных.

Вопросов не было...

Для любого нормального человека могло показаться невероятным, даже немислимым, что несколько мужчин, военнослужащих, пусть и чужого государства, спокойно обсуждают, как им лучше всего убить пару десятков тысяч человек – в то время, когда нет никакой войны. Людей, которые ни в чем не провинились перед государством, которое послало их на задание, людей, вообще не имеющих никакого отношения к политике. Но для этих солдат, для британцев, русские, даже не военные, а гражданские, были ВРАГАМИ, и любое их уничтожение было оправданным...

Для русских британцы врагами пока не были...

Долина Бекаа Храм Бахуса 20 июня 1992 года

С тех пор как я прибыл в Ливан, я еще ни разу не отдыхал. Да, у меня были периоды вынужденного безделья – но и в это время я либо думал о том, что мне предстоит, либо кропотливо, скрупулезно перебирал собственные действия, ища в них мельчайшие ошибки. В том, чем я занимался сейчас, даже самая маленькая, в других обстоятельствах незаметная ошибка могла привести к такой смерти, которую не представишь и в самом страшном кошмаре.

Было страшно. Как-то с самого детства получилось так, что я... не боялся. У всех людей должен быть страх, страх – это нормально, это своего рода предохранитель, позволяющий вовремя распознавать опасность и реагировать на нее. А у меня страха не было, вообще не было. Понял я это в семь лет, когда бросился с кулаками на парня, которому было тринадцать! И не просто на парня – рядом с ним были и его друзья. Отмолотили меня тогда крепко, но это породило во мне лишь досаду и холодную ярость, желание заниматься спортом, рукопашным боем, постигать все новые его тайны. И к пятнадцати годам со мной мало кто решался выяснять отношения, даже те, кто намного старше. Не боялся я – совсем...

Дед, когда я пришел в разодранной одежде и с разбитым в кровь лицом, ничего мне не сказал...

А теперь было страшно. Нет, не за себя, и я не боялся кого-то конкретно. Просто как-то получилось, что я вдруг понял, какую ответственность я на себя взвалил, в буквальном смысле слова – ответственность за будущее, за то, что дальше произойдет. Это может показаться глупым, может, и неискренним – но я больше всего боялся ошибиться и покрыть позором себя, нашу фамилию. Этот страх не давал мне покоя, я гнал его как мог, старался не думать о нем, но он возвращался...

Утром появилась Юлия, где я живу, она уже знала. Если честно, я не хотел в этот день никуда идти, я просто хотел лежать в комнате и смотреть, как медленно ползет по паркету луч солнца, пробивающийся через неплотно задернутые шторы, отмечая убегающее, как песок сквозь пальцы, время. Но Юлия взяла с собой корзину и заявила, что если я откажусь ее сопровождать в ее поездке в долину, на знаменитые виноградники Шато Мусар, – то она больше не желает меня видеть. Ну а желание дамы, как говорится...

Доехали быстро, дорога была узкой, извилистой, коварной – ее специально оставляли такой, не прокладывали здесь спрямленных бетонных скоростных автострад, чтобы сохранить первозданное очарование этого края: потрескавшийся асфальт, изумрудные заросли виноградной лозы по одну сторону дороги и пугающий обрыв по другую, резкий поворот-шпилька, которые так любят местные «гонщики-раллисты». Юлия была за рулем, свою машину она мне не доверила, и пару раз меня реально прошиб холодный пот. Жаль, что положил видеокамеру в багажник, – такая поездка была достойна того, чтобы запечатлеть ее в анналах истории...

Виноградник был очарователен. Эти каменистые склоны тоже оставили в первозданном виде, ибо на бедной каменистой почве родится самый сладкий, самый терпкий виноградный плод – тот самый, что принес всероссийскую известность тщательно культивируемому местному винограду и вину «Шато Мусар», которое делалось из него и ничем не уступало французскому. Единственным, что напоминало здесь о том, что на дворе конец двадцатого века, была сверхсовременная система орошения. Светло-синие шланги змеями проползали между выстроившимися в ряд виноградными лозами – и строго по часам склон вдруг окутывался водяным туманом, переливающимся под лучами солнца всеми цветами радуги. Совсем рядом с виноградниками был древний храм, возведенный еще древними греками в чествова-

ние бога виноделия Бахуса. Сейчас Юлия договаривалась с одним из местных виноделов насчет нескольких бутылочек вина, ее залиvistый смех доносился из одной из древних каменных построек, приспособленных местными под винный магазин. Ну а я снимал на видеокамеру лежащие на земле мраморные колонны – заодно и иностранных туристов, пасущихся возле них...

– Александр... – Юлии почему-то нравилось звать меня именно так, полным именем.

Я резко обернулся – подкралась ведь, зараза, и почти бесшумно. И я уши развесил...

– Что?

– А тебя не накажут по службе за то, что ты сейчас со мной, а не на корабле?

– Не накажут...

– Почему?

– У меня дедушка адмирал.

– Правда?

– Правда-правда. Не только адмирал, но и начальник Главного оперативного управления штаба ВМФ. Все корабли подчиняются непосредственно ему, если начнутся боевые действия – координировать действия флотов будет именно он...

– Понятно... Так ты, выходит...

– Ничего не выходит. Просто мне могут дать небольшое послабление – но и только. И у меня есть хорошие друзья, которые не оставят меня в беде. Я поменялся – сегодня они отстоят вахту за меня, а завтра придется мне стоять за них...

– Пошли к храму...

Лично мне все эти лежащие на земле мраморные обломки никакого благоговения не внушали: ну старинный храм, полуразрушенный – и что? Однако Юлия смело забралась на них, несмотря на шпильки, и, оказавшись на метр выше, победно посмотрела сверху вниз на меня...

– А что будет, если будет война?

Вопрос был настолько неожиданным, что я оторвался от видеокамеры...

– Какая еще война?

– Ну, не знаю... С немцами. С британцами. С североамериканцами...

– С немцами? А зачем им с нами воевать, мы же друзья. С британцами – мы один раз им уже показали, почем фунт лиха. Надо – покажем еще. Тогда мы уступали им по флоту втрое и шли на верную смерть, сейчас мы их превосходим. Есть план прорыва усиленной авианосной эскадры Балтфлота к берегам Британии. Немцы нас поддержат. А североамериканцы... Пока сильнее нас – но у них два длинных и совершенно открытых берега, которые им надо защищать. А у нас либо Северный Ледовитый океан, в который не так-то просто зайти, либо Средиземное, Черное, Балтийское моря, Персидский залив. Все это – ловушки для вражеского флота, здесь нет возможности для маневра, а мы обладаем подавляющим превосходством. Так что не будет никакой войны. Никто просто не посмеет сунуться...

– Держи меня! – Юлия внезапно прыгнула с развалин, и я едва успел ее подхватить...

– Сумасшедшая...

– Ну, рядом со мной, я так полагаю, морской офицер, который не даст даме упасть...

– Для того чтобы так поймать человека, нужна реакция, какая есть не у каждого...

– Но у тебя же она есть...

– У меня есть....

– Дай камеру...

Я снял камеру, протянул ее Юлии. Та, залиvistо смеясь, начала снимать сначала развалины древнего храма, а потом перевела объектив на меня – причем так неожиданно, что я не успел уклониться...

– Малыш... Меня не надо снимать...

- Почему?
- Служба...
- Это что за служба такая? – шутливо нахмурившись, спросила она.
- Черт... А, ладно...*
- Ты умеешь хранить тайны?
- Не уверена....
- И тем не менее эту постарайся сохранить. Я прохожу службу в спецназе.
- Где?
- Отряд специального назначения. Правильно это называется «Подводные диверсионные силы и средства». ПДСС. Диверсанты-разведчики...
- Вот как... – Она даже опустила камеру. – А почему ты мне раньше не сказал?
- А это что-то меняет? Информация о личном составе ПДСС является государственной тайной. У нас даже место прохождения службы и должности не указываются. Верней, указываются, но всякая ерунда типа «старший каптенармус».
- Вот как. – Она прикусила губу. – Я даже не знала... И что твоя служба – опасная?
- Я улыбнулся:
- Кто-то считает, что да. Но я с самого детства на флоте, для меня боевой корабль – что родной дом, и никакая служба не опасная...
- А тебе уже приходилось убивать?
- Заметила?!**
- Извини... – Юлия смотрела на меня, смотрела прямо в глаза, – я глупость сморозила. Ну, прости, ладно?
- Нет. Воевать мне еще не приходилось. – Каждое слово словно процарапывалось через враз пересохшее горло. – А убивать и подавно. На войне не убивают, на войне воюют, малыш...
- Слушай, ну прости...
- Ничего страшного... Просто давай забудем. И поговорим о чем-нибудь другом...

Бейрут, улица эль-Мутанаби 22 июня 1992 года

Сегодня мы впервые принимали такие меры предосторожности, приходя к Ивану Ивановичу. Почти у самой двери Али вдруг подал сигнал опасности – слежка! Ничего внешне подозрительного, просто «ритуальное омовение» перед намазом, когда обеими ладонями проводишь по лицу сверху вниз, обычный жест для мусульман, но для нас он означал опасность. Пришлось расходиться и почти час крутиться по улицам, петлять проходными дворами, пытаясь сбросить «хвост». Я поступил довольно просто: вошел в армянскую лавку, где торговали пряностями, внезапно перескочил через прилавок и проломился к задней двери, сшибая на пол товар, сопровождаемый громкими негодующими криками хозяев. Потом пробежал два квартала, петляя, ныряя в малоизвестные улочки и проходные дворы – и залег на крыше одной из малоэтажных пристроек к старому дому, проверяя, нет ли за мной кого. За пятнадцать минут – никого, кто бы меня интересовал.

– Опаздываете, господа...

– Были причины, – коротко бросил я, усаживаясь.

– Как отдохнули? – Иван Иванович смотрел на нас в упор, и я вперся в него взглядом, пытаясь понять, есть ли в его вопросе двойной смысл, подтекст или нет. Иван Иванович это заметил и рассмеялся:

– Полноте, князь... Дела амурные меня мало интересуют. Меня интересует, пришли ли вам в голову какие-либо светлые мысли за время отдыха в столь благословенном Богом месте...

– Да я и не сомневался в природе вашего интереса, господин действительный статский советник, – в тон ему ответил я.

Берген вдруг понял одну вещь, очень важную для себя. В каждой профессии бывают люди, которые делают ее хорошо. Виртуозы, мастера, асы, спецы. Они делятся на две категории: одним это словно дано Богом с рождения, другие добиваются такого мастерства упорными тренировками. Есть и третья категория – у которых талант не только от Бога, но и развит тренировками, это гении – профессионалы от Бога, их практически невозможно переиграть. Так вот, князю Воронцову талант разведчика подарил Бог – и упускать его из вида после завершения операции просто преступно. Если, конечно, он, да и все они останутся в живых...

– Итак, господа... Для затравки разглашу немного совсекретной информации из Санкт-Петербурга. Вчера состоялось закрытое межведомственное совещание. Есть очень нехорошие сигналы – причем они взаимно дополняют и подтверждают друг друга...

– Какие именно?

– Через десять дней на территории Британской Индии состоятся крупномасштабные военные учения, в них может быть задействовано до полумиллиона человек. Учения залегендированы как сухопутные – однако в индийских портах, прилегающих к району учений, спутниковая разведка обнаружила значительное, можно даже сказать, беспрецедентное сосредоточение десантных средств. Четыре из пяти крупных британских военных десантных транспортов находятся там. Кроме того, там же околачиваются шесть крупных гражданских круизных лайнеров, ни один из которых там в это время быть не должен. Официально они поставлены на ремонт, но доков не хватает, и они вынуждены дожидаться очереди. Это при том, что та же спутниковая разведка указала по меньшей мере два пустых дока в самой Великобритании, куда можно было бы встать на ремонт без очереди. А ведь каждый день проста таких судов – это огромные убытки, судоходные компании никогда не пойдут на это добровольно. Это при том, что лайнер «Куинн Виктория» снят с трансатлантических рейсов в САСШ, а в тех же САСШ он мог бы встать на ремонт в их свободные доки и это обошлось

бы дешевле, по крайней мере на десять процентов. Но нет – в общем и целом десять крупных транспортов сконцентрированы именно там...

– Десантная операция? – предположил я. – Но куда? К нам сюда? Средиземное море простреливается ракетами насквозь. Если они рассчитывают на то, что «Цесаревич» ушел на учения, так они совсем рядом, ему буквально несколько дней хода до нас. Кроме того – как насчет тяжелых самолетов с противокорабельными ракетами? Береговых мобильных комплексов противокорабельных ракет? Персия⁹⁸? Хотят оторвать ее от нас, воспользоваться ее специальным статусом? Это еще больший бред, из Персидского залива живыми они не уйдут, с обоих берегов он, считай, наш. Дальний Восток? Там они напорются сразу на две авианосные группы. Нет, бред полный...

Иван Иванович тяжело вздохнул.

– Очень точные слова, князь, – бред полный. Именно такую резолюцию изволили наложить на аналитический доклад его высокопревосходительство, военно-морской министр Кокорин. Слово в слово – бред полный.

– А Государь?

– А кто же осмелится войти к Государю с докладом, на котором рукой министра начертано «Бред полный». А между тем почему-то в британском флоте уже месяц как отменены все отпуска...

– Но не осмелятся же они напасть на нас? Они слабее нас, даже если они нанесут удар по флоту – сухопутные силы сметут их с любого плацдарма, им не удержаться на нашей земле!

– Варианты могут быть разные... Но тем не менее – прошу учитывать, господа, что ситуация может резко обостриться в любой момент и на место скальпелю придет топор. Мне бы этого не хотелось. Десять дней – все время, что у нас есть...

– Десять дней... – Я на мгновение задумался. – Тогда нужно обострять. Нужно сделать нечто такое, после чего у Али сдадут нервы и ему ничего не останется, как идти к братьям-мусульманам. Ты готов?

Али вместо ответа коротко кивнул, он вообще в отличие от обычных турок был не особо разговорчивым...

– У нас есть информация о том, в каких именно мечетях ночью проводятся сходки и что-то прячется?

– Есть.

– Вот это и станет тем самым прутиком, что сломает спину верблюду...

– Что вы имеете в виду, князь?

– Ночью шныряет народ, таскает что-то, когда всем благопорядочным людям Аллах велел спать. Это ли не свидетельство злых умыслов? Если около одной из мечетей окажется снайпер?

– А если это простые верующие? – спросил Али.

– А что простые верующие будут делать в мечети ночью? Если только спать – но спать так спать, а не шнырять туда-сюда. Что-то я не слышал ничего про ночные намазы. Кроме того, я же не собираюсь идти к первой попавшейся мечети – мне нужна именно та, по которой есть оперативная информация. Не согласен?

Али ничего не ответил, опустил голову. Нехороший признак, но отступать было уже поздно...

– Али! Ты не согласен? Если не согласен – скажи сейчас, и давай все пошлем к ...

---

⁹⁸ Персия, примерно соответствующая территории современного Ирана, была независимым государством под протекторатом Российской империи. Условия протектората были таковы: Персия не имела ни собственной армии, ни внешней политики – все это предоставлял Санкт-Петербург. На территории Персии были крупные военные и морские базы, а нападение на Персию приравнялось к нападению на Россию. У персов была собственная экономика и собственная валюта – туман, однако законодательство было унифицировано с российским законодательством, а границы, в том числе таможенной, не было вообще. На троне сидел шах, но председатель правительства по нигде не закреплённой традиции назначался шахом из числа русских.

– Нормально все... – пересилив себя, сказал Али.

– А раз нормально – возьми себя в руки! Мы на боевой операции! И должно произойти нечто такое, отчего бы ты психологически сломался. Реально произойти! Итак, мечеть?

– Мечеть имама Али, район Шия. Там беспокойно, и это знает каждый полицейский. Но открыто ничего противозаконного там не происходит...

– Значит, Шия...

– Когда?

– Ориентировочно, послезавтра...

На самом деле навеститься туда я собирался сегодня, а сказал про «послезавтра» – на всякий случай. По планам это была последняя открытая боевая операция, дальше пойдет преследование – мое преследование. А точного ответа на то, что же произошло в Маании и почему, так у меня и не было. Береженого Бог бережет, как говорится...

– Это долго, – покачал головой Иван Иванович, – недопустимо долго!

– Раньше нельзя, нужно подготовиться. И еще...

– Да?

– За нами следили ...

Проговорив это, я впился взглядом в Ивана Ивановича, пытаюсь заметить его реакцию на сообщение. Однако он профессионально прикрыл свои эмоции, ничем их не выдав...

– Кто следил?

– Я заметил даму... – начал Али, – и видел ее дважды. Последний раз – перед тем, как мы должны были войти сюда. «Хвост» мы сбросили...

– Точно сбросили?

– Да. Не меньше часа крутились. Поэтому и опоздали.

– Как выглядела дама?

– Среднего роста, темные волосы. На вид – европейка. Одета неброско, в основном в темное. Скорее по-деловому одета, здесь же все отдыхают – вот и бросилось в глаза...

– Понятно. Я должен кое-что проверить. Знаете консульство САСШ на бульваре? Там и встречаемся. Через три дня, в это же время. Я сам вас найду, просто подойдите туда...

Бейрут, район Шия Рынок 22 июня 1992 года

Рынок ничуть не изменился – как он мало изменился за последнюю пару сотен лет, если не считать сверкающий стеклянный купол над ним. Все тот же шум, гам, толчея, запах пряностей и блеск золота...

Но теперь мы уже были не подозрительными людьми, возможно, полицейскими – а уважаемыми и денежными покупателями, уже совершившими хорошую покупку один раз и пришедшими во второй. Поэтому и встречали нас совсем по-другому – с широко распахнутыми объятьями, чаем и разве что не поцелуями...

Интересно, знает он или нет, для чего было использовано то оружие, которое я у него тогда купил? Знает, а как не знает – все газеты криком кричат о зверском убийстве видного представителя купечества... И все равно здесь я – клиент и не более, на этом и держится бизнес уважаемого купца Муртади. Здесь никто и никогда не задает вопросов...

– Уважаемым господам понравился товар, который они приобрели здесь прошлый раз?

– Еще бы. Но сейчас нам нужен другой товар. Совершенно другой...

– Все что угодно... Даже если сейчас этого нету – скажите, что вам нужно, и через три дня, если это есть на земле, это будет здесь, в лавке Муртади...

– Нужен штурмкарбин. Не русский, не армейский. С оптикой. Магазин патронов на двадцать.

– Примерно такой, какой покупают для самообороны?

– Точно!

– Значит, не русский, не армейский, с оптикой и магазином патронов на двадцать... – Муртади в размышлении огладил длинную белую бороду. – Думаю, такой найдется. Либо британский «BSA», либо германский «эрма», но он устаревший.

– В смысле устаревший?

– Сделан на базе снятой с вооружения армейской полуавтоматической винтовки. Она снята с вооружения, и поэтому я осмелился предложить уважаемым господам...

Я прошелся мимо стеллажей – оружие там стояло так плотно друг к другу, что нужные образцы сначала надо было внимательно искать. Нашел сначала британский, потом немецкий образец, выложил оба на стол, включил мощную лампу...

Британский... Ну не люблю я британское оружие, что тут поделывать. Британцы мастера делать охотничьи ружья, а вот с винтовками у них беда. С одной стороны, шикарная отделка, удобные в руке, с идеальной развесовкой – но сложные, капризные, тяжелые... Не для боя, в общем. И лежащий передо мной образец «BSA», выпущенный, если верить клеймам, в 1976 году, не понравился сразу...

Ну, какой придурак ставит вместо пистолетной рукоятки приклад, как на двустволке. Совсем, что ли, не соображают? Это абсолютно разные типы оружия, для разного применения, и для боевого применения пистолетная рукоятка не в пример удобнее. А ствол? Ну к чему здесь оребрение, если даже нет режима автоматического огня, скажите на милость? И механизм – попадет грязь, и привет – чистить...

В общем, образец славной фирмы BSA я быстро отложил в сторону, даже не стал ствол проверять, и взял в руки немецкую «эрму»...

Вот это другое дело. Знают немцы толк в оружии. Равно как и мы. Что немцы, что русские – нации солдат. Если британцы в основном охотятся, то мы воюем, воюем упорно и жестоко. Поэтому у британцев даже боевое оружие похоже на охотничье, а у нас даже охотничье – на

боевое. Про североамериканцев и не говорю – их «М16» – это не оружие, это насмешка над здравым смыслом. Сидят там себе, с обеих сторон границы океанами прикрыты, по семь авианосцев на каждом флоте – и в ус себе не дуют. На земле воевать они и вовсе не приучены. В мексиканской войне, например, всего погибло людей меньше, чем у нас за один день войны с Наполеоном. Даже на Американском континенте у них противников серьезных нет, так, пакостники мелкие. Это мы на Востоке двадцать лет из партизанской войны не вылезали, это немцы до сих пор Африку до конца не замирили. Ладно, отвлекаюсь...

Так вот, «эрма». Первоначально это была автоматическая винтовка, под мощный германский патрон 7,92*57, с магазином на десять патронов, наполнявшимся из обойм. Когда ее сняли с вооружения, то передали в германские гражданские стрелковые общества, продали, можно сказать, за бесценок. Быстро развилась идея доведения этих винтовок – ведь сам механизм был крепким, грамотно и качественно сделанным – до уровня более-менее современных штурмкарабинов. В Африке такой штурмкарабин – самое то, лучше даже штатного армейского «штурмгевера». И воевать и охотиться, не на «африканскую пятерку» охотиться, конечно, – но... Вот и этот карабин изрядно переделали.

Прежде всего его переставили, ствол поставили новый, причем, судя по нарезам, недавно – ни малейших признаков износа. Ствол обычный, а не утяжеленный матчевый. Ложе тоже поменяли на пластиковое, из прочного черного пластика, с пистолетной рукояткой, прямым прикладом, как на «М16», и планками для крепления прицелов. Полностью переделали систему питания – теперь там стоял отъемный магазин на двадцать патронов германского стандарта. Впереди на цевье прикрепили «скаутский» прицел небольшого увеличения...

Быстро разобрал, посмотрел – затворная группа почти как новенькая. Снова собрал, передернул затвор – как по маслу...

– Там спусковой механизм матчевый стоит, – подал голос Муртади, – попробуйте... Лучше один раз откусить халвы, чем сто раз про нее услышать...

Что я, отказываться, что ли, буду... Попробовал, спустил пару раз курок вхолостую – и впрямь на совесть сделано. Спуск почти как на снайперской винтовке, немного тяжелый, но четкий, почти без предупреждения – словно стеклянную палочку ломаешь...

– Это один господин сдал, он для себя делал. Для себя всегда лучше...

Оно так. Все понятно, кстати – у Муртади без оформления давали больше, чем с официальным оформлением, вот некоторые и злоупотребляли – покупали официально, а через некоторое время сдавали сюда. Потом писали в полицию – оружие утеряно...

Надо бы, по идее, недостатки какие-нибудь поискать. Хоть какие, чтобы потом торговаться. Но недостатков не было – это было именно то, что надо...

– Сколько?

– Тысяча триста золотых...

– Побойтесь Аллаха, уважаемый Муртади, – словно в молитве всплеснул руками Али. – Это даже не две, это больше, чем три цены. Это же самая настоящая рыба⁹⁹! Ведь разве не сказано в Коране: те, которые пожирают рост, восстанут только такими же, как восстанет тот, кого повергает сатана своим прикосновением. Это – за то, что они говорили: «Ведь торговля – то же, что рост».

Али распинался напрасно – торговцы на этом рынке ничуть не уступали евреям, и даже страх мучительного наказания не останавливал их от рыбы...

– Но и оружие – такого не найти нигде, заказное. Оно стоит той цены, какую я назвал. К тому же прицел я отдаю с ним...

Прицел-то мне как раз не был нужен – прицел я собирался поставить ночной, благо у нас и у немцев – унифицированные кронштейны под прицелы.

---

⁹⁹ Лихва, запрещена Кораном под страхом мучительного наказания.

– Восемьсот. Прицел можете оставить себе...

– Аллах свидетель, вы нигде такого не найдете! Тысяча двести.

– Тысяча. Один прицел стоит не меньше трехсот. Его вы сможете продать отдельно, это не запрещено законом – торговать прицелами без документов...

Сговорились на тысяче ста рублях – дорого, но приемлемо. Теперь нам надо было попасть на «Колчака» – дооборудовать оружие и хоть как-то его пристрелять.

Средиземное море, траверз Бейрута

Специальная десантная платформа «Александр Колчак»

22 июня 1992 года

И вновь, как и месяц назад, было все то же – транспортный «Сикорский», затычки в ушах, которые не спасают от рева двигателей, темно-синяя гладь, над которой наш вертолет несется подобно гончей. Вот только с того момента прошел уже месяц, и тогда я был обычным моряком, а теперь...

– Заходим на посадку!

Перед самым авианосцем вертолет вдруг резко взял вверх, мелькнула серая сталь полетной палубы, машина резко затормозила, припадая на хвостовой винт, будто конь, которому дали удила. Зависнув на мгновение в воздухе, вертолет начал опускаться на палубу...

– Давай в тир сразу... Не хочу тут особо светиться...

Вопросов могло быть – море, ведь мир военных моряков тесный, все друг про друга знают, и если кто выпадает из поля зрения... А врать не хотелось. Честно, не хотелось. Тем более что это был корабль, на котором я проходил практику, на котором меня учили азам морского дела.

Для того чтобы дойти до тира, нужно было пройти через «остров», дальше спуститься вниз, на второй уровень, – тир был там. И как всегда это бывает – не по злому умыслу, а по чистому совпадению – у самого «острова» мы нос к носу столкнулись со штабс-капитаном Извариным...

Отдали честь – а что было еще делать. Мы теперь сами не знаю кто, то ли военные, то ли нет, у меня под мышкой – сверток с упакованным штурмкарabiном, купленным нелегально...

– Господин Воронцов, а я ведь так и не проставился... – начал Изварин, испытующе глядя на нас, – дюжина шампанского, забыли?

– Никак нет, господин штабс-капитан!

– В общем – буду рад в любое время...

Штабс-капитан Изварин четко козырнул и отправился по своим делам. А мы – по своим, хотя и у меня и у Али было чувство... скверное чувство...

Бейрут, район Шия Мечеть Али 23 июня 1992 года

Мечеть имама Али была одной из крупнейших в Бейруте. Небесно-голубой купол, четыре минарета по бокам, колонны. Площадь перед ней, на которой могло собраться несколько десятков тысяч человек. И отель – всего в четырехстах метрах, с верхних этажей которого открывался такой прекрасный вид на мечеть...

Номер снял Али, на одну ночь и на вымышленное имя. Вообще-то департамент полиции требовал записывать номера паспортов тех, кто снимает номера, – но это правило не исполнялось слишком строго. На Востоке вообще ничего не выполнялось слишком строго...

На позицию я вышел в одиннадцать часов – когда солнце окончательно скрылось в морских водах и город накрыла жаркая и душная ночь. Молодежь развлекалась на дискотеках, где-то среди них была и Юлия – ее любимой дискотекой был «Королевский погреб», самая роскошная и дорогая дискотека, где только вход стоил двадцать золотых. Ну а я, стараясь не высовываться, залег на балконе и держал мечеть Али под прицелом...

Прицел был наш, русский – с насадкой, обеспечивающей четырехкратное увеличение. Его, равно как и глушитель, мы поставили в мастерской «Колчака» – там можно было сделать почти любую запасную часть к самолетному двигателю, не то что глушитель. Эти дополнительные приспособления, запрещенные к гражданскому применению, превратили немецкую винтовку в мощное, точное, надежное и бесшумное орудие смерти...

Город затихал... Движение днем такое, что и улицу не перейдешь. А сейчас вся ночная жизнь города концентрировалась в «шикарных» районах – типа Борж эль-Бражнех, карниз Маазра или бульвар Корниш, около заведений типа «Еловой резиденции», где столики стояли прямо под настоящими, густо пахнущими хвоей елями. Там гремела музыка, там кавалеры ухаживали за дамами, там на стоянках у самых шикарных заведений стояло транспорта на миллион золотых...

Целей я ждал не со стороны площади – а со стороны узкой улицы за мечетью, со стороны киблы¹⁰⁰. Вообще, ничего не мешало подойти и со стороны площади, но ... если у человека тайные намерения, он всегда зайдет сзади, это своего рода инстинкт. К тому же, с этой стороны было пристроено медресе¹⁰¹, ночью оно, естественно, было закрыто, но... Удобное здание, несколько входов, подвал...

Самое главное – не заснуть. Этому нас учили еще «старики» в учебке – назначали на ночные вахты, и если кто-то засыпал, то самое малое, что с ним могло произойти – это ведро с ледяной водой в самый неподходящий момент. Могли устроить наказание и похлеще, но никто, в том числе командование училища, на это внимания не обращал, потому что заснувший на вахте матрос мог стать причиной гибели всего экипажа. Вот так и учились бодрствовать – кто-то клал в ботинок острый камешек, кто-то сжимал резиновый эспандер. Я же, чтобы не заснуть, вспоминал имена всех императоров династии Романовых с начала и до последнего, а также годы их царствования. Когда стало монотонным и это, дал себе задание посложнее – римские императоры от основания Рима и до его падения. А вот попробуйте, вспомните...

---

¹⁰⁰ Кибла – задняя часть мечети. Всегда направлена на Каабу. Правоверный во время намаза должен быть обращен лицом в сторону киблы, а следовательно, в сторону Мекки. Киблой также иногда называют специальные знаки в зданиях и общественных местах, указывающие правоверным, куда нужно поворачиваться во время намаза.

¹⁰¹ Медресе – нечто среднее между средней школой и мусульманской духовной семинарией. Во многих странах Востока нет средних школ, а есть только медресе. Часто медресе пристраиваются рядом с мечетью.

Началось, когда на часах светящаяся часовая стрелка бесшумно сделала один шаг по циферблату, отмечая начало нового дня, – в первом часу ночи.

Вначале подъехала машина. Почему-то именно эта машина, небольшой трехтонный грузовичок, появившийся со стороны площади, привлек мое внимание сразу. Может быть, потому, что он заехал на площадь, туда, куда всем машинам заезжать было запрещено. В пешеходную зону. Возможно, потому, что машина на мгновение притормозила, но потом снова набрала скорость, заворачивая с улицы Князя Константина в проулок, ведущий к медресе. Не знаю. Но когда этот грузовик, деловито урча мотором, срезал путь через пешеходную зону и развернулся, чтобы подъехать к медресе, пятясь задом, я все понял...

Началось...

В медресе машину уже ждали, грузовик еще пятился – водитель опасался задеть стену, а на темной стене медресе вдруг вспыхнул желтым прямоугольник и из него вышли три человека. В помещениях медресе ночью горел свет, все окна были закрыты ставнями – и эти люди ждали грузовик...

Машина затормозила, водитель выскочил из кабины, громко хлопнул дверью. Обнялся с встречающими – не поздоровался, а именно обнялся, как это принято в братствах. После чего двое начали отстегивать от борта тент, закрывающий груз сзади, а еще двое страховали спереди, настороженно осматриваясь. В зеленом свечении прицела казалось, будто они выполняют какой-то сложный безмолвный танец – танец, которому скоро предстояло стать танцем смерти...

Интересно, что же они привезли...

Медлить было нельзя – если подстрелить кого-то с грузом, то коробка, или что там они привезли, упадет на землю и шумом предупредит остальных, что что-то неладно.

Начинать надо было сейчас...

Если у тебя несколько целей – начинай с того, кто стоит дальше всего, или с того, на кого никто не смотрит. Если у тебя бесшумное оружие – то это подарит тебе несколько лишних секунд, в течение которых противник не будет понимать, что происходит. Иногда такие вот секунды просто бесценны и отделяют успех от провала...

Водитель, что стоял у капота машины, что-то крикнул, второй у капота и еще один, что уже поднял тент и откинул задний борт, отвлеклись на мгновение – и я спустил курок. Винтовка глухо кашлянула, отдача привычно толкнула в плечо, звук выстрела был немногим громче, чем лязг четко сработавшего затворного механизма. Террорист, который уже лез в кузов, враз выпустил ослабевшими руками борт и грохнулся вниз, на брусчатку...

Второй – я перевел прицел буквально на градус, поймал в перекрестье его голову – темное пятно на фоне серого борта, он смотрел на упавшего друга, еще не понимая, что происходит. Еще один выстрел – беззвучно падает и второй. Те, кто стоял у капота, начали поворачивать головы, пытаясь определить источник неясного шума...

И тут мне не повезло – перенося прицел, я всего на мгновение направил его на источник яркого света – на освещенный проем двери – и засветил его. Прицел, увеличивающий в несколько тысяч раз излучение самого слабого отраженного света, не сумел быстро отстроиться и просто покрылся слепящей мутной пеленой, сразу заслезились глаза. На то, чтобы автоматически перенастроиться, ему понадобилось секунд пять – и когда изображение снова проявилось на фоне слепящей дымки – один из тех, кто только что был у капота машины, уже стоял над трупом, держа в руках пистолет, второй и вовсе судорожно рвал на себя ручку двери грузовика.

Один! – и боевик с пистолетом начал медленно оседать рядом со своим товарищем. Целился я в грудь, чтобы наверняка, а убит он или ранен – это уже неважно.

Два! – лобовое стекло машины вдруг покрылось сетью трещин с аккуратной дырочкой как раз в том месте, где должен был сидеть водитель. Мотор грузовика продолжал работать – но с места он уже не тронулся...

Уходить? Нет, еще можно выждать, можно. Тревоги пока нет...

Три! – кто-то высунулся из двери, оценил обстановку – и это все, что он успел сделать. Прицел снова залило «молоком» – но до этого я успел выстрелить. Падая, террорист нажал на спусковой крючок автомата – длинное стаккато автоматной очереди распорол тишину...

А вот теперь пора и в самом деле делать ноги...

– Что это? – Шейх проснулся моментально, как будто кто-то больно уколол булавкой в спину, в позвоночник. Было тихо – но звук выстрелов он отчетливо уловил даже во сне – от него и проснулся. Шейх уже долгое время находился в розыске, и это развило в нем волчью осторожность...

По коридору, громко топая и что-то крича, кто-то пробежал, за ним протопал еще один человек...

Тревога...

Шейх поднялся – он всегда спал в одежде, обувь стояла рядом, потому что в любой момент на его убежище могла выйти полиция или, что еще хуже, жандармерия. Британцы гарантировали, что у них в полиции есть источники и про любую облаву они предупредят заранее, да и у братства источников было не меньше – но таким гарантиям Шейх давно не верил, поэтому и оставался до сих пор в живых. На то, чтобы надеть обувь, потребовалась пара секунд, столько же – на то, чтобы достать из-под подушки пистолет. Одевшись, Шейх направился к двери – тут она с шумом распахнулась...

– Что?

Мехмет, его телохранитель уже несколько лет, несмотря на ночное время, был одет и держал в руках автомат с подствольным гранатометом. На нем была форма жандармерии, были у него и документы, причем подлинные, выданные одним из *братьев*, работающих в жандармерии...

– Полиция?

– Нет. Наверху что-то происходит!

– Что? Что?!!!

– Снайпер. Муса убит, Абдуррашид и Мустафа тоже. И еще двое, из местных. Снайпер работает по зданию!

– Это полиция! Сейчас начнется штурм!

– Никакой полиции нет. Иначе бы они уже начали штурм.

– Надо уходить, эфенди. Сейчас же!

Бейрут, как и любой восточный город, – это город тысячи тайн и загадок, город-оборотень. Часть тайн скрыта под землей – испокон веков древние восточные правители, опасаясь за свою жизнь, рыли подземные ходы из своих дворцов, часто по несколько штук и идущие под землей на многие километры. Но не только они опасались за свою жизнь – мусульманам-шиитам тоже приходилось несладко. Вот почему от мечети имама Али за многие годы было сделано сразу два подземных хода – оба они были предназначены для того, чтобы при необходимости и из мечети, и из медресе можно было бы скрыться...

Винтовку бросить – никакого следа сыскной полиции она не даст. Даже заряжал я ее в перчатках, поэтому отпечатков пальцев нет ни на чем. Просто винтовка, появившаяся неизвестно откуда. Интересно, кстати, что там, в грузовике, и успеют ли они спрятать это от полиции.

Когда я уже выскакивал из номера, вдалеке, на пределе слышимости, заработал мотор грузовика. Сваливают. Ну и пусть сваливают – с дыркой в лобовом стекле.

В гостинице на восьмом этаже было тепло, тихо, вполне горел свет, роскошный ковер мягко пружинил под ногами. Стрельбу, конечно, слышали – но подумали, что где-то протарахтел мотоцикл с прогоревшим глушителем, паники стрельба не вызвала. Не доставая пистолет, я направился к пожарной лестнице. Как и в любом уважающем себя отеле, пожарная лестница представляла собой не конструкцию из арматуры, приделанную к зданию сбоку, а обычную лестницу, хорошо освещенную и совершенно без отделки. Дверь, ведущая на нее, никогда не запиралась, там даже не было замка. На мгновение замер, прислушался – ничего, ни дыхания, ни шороха ног осторожно поднимающихся наверх людей. Тревогу еще не подняли. Положив руку на рукоять пистолета, я начал спускаться по лестнице вниз...

Перед тем как выглянуть в холл, я приоткрыл дверь, огляделся. В час ночи народа в холле не было совсем. За стойкой ресепшена подремывал толстый важный портье. Короткая перебежка – и я уже скрылся за стеклянной дверью. Ночная прохлада обдала лицо, матово светили фонари, ночь дышала опасностью. Где-то далеко заунывно играла музыка – местная, арабская. Длинный безмолвный ряд припаркованных у тротуара машин. Али ждал меня на соседней улице, мы решили, что светиться не стоит...

Надо идти...

Перебежал улицу – и тут услышал за спиной шелест мотора машины – именно шелест, так работают многоцилиндровые двигатели дорогих представительского класса машин. Повернулся – по улице, светя ближним светом фар, словно черная тень, крался роскошный представительский «Даймлер». Откуда он взялся – я не знал, но отчего-то не то шестым, не то седьмым чувством понял, *кто* находится в этой машине. Я понял – и они, те, кто сидел в этой машине, тоже поняли, кто я и что я здесь делаю...

Плавное поползло вниз боковое стекло на двери водителя, открывая черное чрево салона. Падая за стоящую у тротуара машину, я потащил заткнутый за ремень пистолет – и тут словно крупный град забарабанил по машине. Одно за другим треснули, осыпаясь, стекла, стеклянная крошка посыпалась на меня. Все это происходило в полной тишине – на оружии водителя «Даймлера» тоже был глушитель. Я плотно прижался к машине, держа наготове пистолет, и буквально почувствовал, как пули одна за одной бьют по корпусу.

Истощенно взвыла сигнализация, затем еще одна...

Если они решат разобраться со мной здесь и сейчас, не откладывая, то будет хреново. Одному против нескольких, и свободы маневра никакой...

Но вместо этого взвизгнули шины, и «Даймлер», набирая скорость, понесся вверх по улице, к повороту на набережные. Я вскочил, целясь вслед – пистолет задергался, выплевывая пулю за пулей, из-за толстого глушителя на стволе точно прицелиться по уходящей на скорости машине было почти невозможно. После то ли шестого, то ли седьмого выстрела в «Даймлере», уже перед самым поворотом осыпалось заднее стекло. Пистолет сухо щелкнул, вставая на затворную задержку, – и в этот момент лимузин вышел из зоны огня, скрылся за поворотом...

Где-то далеко взвыли полицейские сирены – и слева, и сзади, и справа, – полицейские перекрывали квартал. На фоне воющей сигнализации они едва были слышны, но это пока – через пять минут они уже будут здесь. Один за другим начали вспыхивать желтым прямоугольниками на черных стенах домов...

Ноги!

Засунув пистолет обратно за пояс, я бросился бежать со всех ног. Машина Али стояла метрах в трехстах отсюда, и мне надо было преодолеть их как можно быстрее. Поэтому я несея как дьявол, ничего не замечая перед собой.

Я решил их догнать. Мысль идиотская – город сейчас будет перекрыт полицейскими кордонами, полицию специально тренировали для противодействия терроризму, и задача перекрытия тех или иных городских районов для блокирования там бандитов была отработана до автоматизма. По нам могли открыть огонь без предупреждения. Но у меня в голове пульсировала, жила только одна яростная мысль – догнать этот «Даймлер», остановить его, не дать уйти...

Рядом противно завизжали тормоза, я оглянулся на бегу – Али! На это дело он арендовал в прокатном агентстве старенькую, но мощную и хорошо управляемую «Альфу-Ромео». Выбор профессионалов, гонщиков – в умелых руках эта машина творила буквально чудеса...

Секунда потребовалась мне, чтобы выскочить на дорогу, еще секунда – чтобы перекачаться через капот. Пассажирская дверь уже была открыта, в салоне было темно, пахло какими-то восточными благовониями – Али до них был большой любитель.

Взвизгнули шины – и меня вжало в кресло от резкого старта...

– Что за хреновина?

– Видел машину? «Даймлер», черный!

– Мельком.

– Давай за ним! Он туда свернул!

– Ты с ума сошел?! Сейчас перекроют город, у нас минут десять, чтобы вырваться, не больше.

– Все равно! Они там!

– Кто они?

– Бен Ладен!

Меня резко бросило вправо – Али ювелирно заправил машину в поворот, меня прижало к двери, темные силуэты припаркованных у обочины машин неслись в считанных сантиметрах от меня...

– Ты его видел?

– Он там! Я чувствую!

Впереди алым рубином вспыхнули стоп-сигналы «Даймлера» с разбитым задним стеклом – он выворачивал на улицу, идущую к бульвару Кайзера Вильгельма...

– Видишь его?!

– Вижу! Сейчас улицу перекроют!

– Плевать!

Марина! Яхтенная стоянка! Бульвар Кайзера Вильгельма ведет напрямую к яхтенной стоянке! Неужели они так собираются выходить из города? Рядом ведь стоянка боевых кораблей, бейрутская база ВМФ, прорваться с боем они не смогут, а если и смогут – далеко не уйдут, дежурные сторожевики сразу пойдут на перехват. А если у них нормальные документы? Если они просто предъявят документы и пройдут...

От размышлений меня оторвал визг тормозов и истошный вой сирены. Откуда-то выскочил полицейский «Рено», синие всполохи мигалки осветили салон...

– Откуда он взялся?!

Али ничего не ответил, он старался выжать еще немного из двигателя, при том что стрелка тахометра уже прочно прописалась в красной зоне, а с такой скоростью по этим улицам, с какой ехали мы, мог ехать только самоубийца...

«Альфа» в глубоком заносе, стукнувшись обо что-то, но сохранив управляемость, вылетела на улицу, ведущую вниз, к бульвару Вильгельма.

– Где он?

«Даймлера» не было.

Зато две полицейские машины перекрывали выезд на бульвар, фары-искатели словно световые мечи уперлись в нашу машину, слепя и заставляя остановиться...

– Пристегнись!

Я судорожно нащупал ремень, рванул на себя, он застрял. Выругавшись – времени не было совсем, потянул его плавно, сыто клацнул замок у левой руки, и в этот момент по нам открыли огонь. Впереди застучал автомат, полицейский стрелок целился не по колесам или радиатору, а по салону, и это было его ошибкой. Осыпалось лобовое стекло, я наклонился вправо, как только мог, стараясь найти укрытие хотя бы за передней стойкой кузова, и в этот момент машину сотряс удар. Али, даже ничего не видя из-за бьющего в глаза света, направил машину между двумя полицейскими машинами, точно в стык. И хотя «Альфа» была немного легче полицейских «Рено» – инерция была такова, что обе полицейские машины буквально отбросило в стороны, сметая и не успевших отскочить полицейских. Мотор жутко взревел, ремень безопасности врезался в грудь так, что в глазах потемнело...

Спасение было впереди, в воде, до него оставалось метров пятьдесят. Машина неслась вперед словно раненый бизон, в салоне ощутимо пахло паленым. Я успел обернуться на Али, толкнул его в плечо – тот бросил безумный взгляд на меня. Цел, и ладно. Прорвемся...

Удар! – машина перескочила бордюр, передок подбросило вверх. Я сгруппировался – еще один удар. Силы инерции уже не хватало, машина из последних сил проломила ограждение набережной, на какой-то момент зависла, будто думая – падать в воду или все-таки оставаться так висеть. Но тяжелый мотор все же перевесил, нос стал клониться все ниже и ниже, затем сорвались колеса – и искалеченная машина с громким всплеском погрузилась в воду...

Высший уровень Санкт-Петербург 25 июня 1992 года

На сей раз собраться решили в неприметном особняке в самом центре города. Раньше этим особняком владели князья Шереметьевы, потом его выкупило Министерство иностранных дел для размещения тех гостей столицы России, которые не хотели создавать ажиотаж своим визитом и которых необходимо было разместить всенепременно в городе. От этого особняка до здания на Певческом мосту, где и размещалось Министерство иностранных дел, было чуть более километра. Этот особняк был удобен во всех отношениях. Ходили также упорные слухи, что министр иностранных дел Империи князь Юсупов использует этот особняк для близкого общения с молодыми воспитанницами Смольного, которые потом по его протекции находят себе работу в министерстве. Но сегодня особняк был свободен и как нельзя лучше подходил для того, чтобы провести очередное заседание Чрезвычайного антитеррористического комитета.

С самого начала дело с единым органом, координирующим работу всех спецслужб, занимающихся борьбой с терроризмом, не заладилось. Причиной этому была старая как мир, но со временем не утрачивающая остроты вражда. Вражда между разведчиками и контрразведчиками, между теми, кто работает за рубежом, и теми, кто работает внутри страны. Даже старожилы министерств не могли вспомнить – отчего и когда вспыхнула эта вражда, но всем казалось, что она была, есть и будет всегда и никуда от нее не деться.

Корни вражды крылись в самой структуре силовых министерств Империи. С давних времен существовал монстр под названием Министерство внутренних дел РИ. Оно подмяло под себя всю внутреннюю безопасность Империи. В его составе существовал и департамент по борьбе с терроризмом, занимающийся террористами, и департамент контрразведки, занимающийся борьбой со шпионажем и наблюдением за сотрудниками иностранных посольств и консульств, и, по сути, собственная армия – департамент жандармерии. Более того – Министерство внутренних дел занималось и внешней разведкой – существовал заграничный департамент полиции. В его задачу входило налаживание и поддержание контактов с полицейскими органами других государств, розыск лиц, совершивших преступления на территории Империи и скрывающихся за границей, борьба с трансграничной преступностью. По сути, Министерство внутренних дел было силовым суперминистерством, своей основной задачей оно само считало обеспечение безопасности Империи во всех ее аспектах и к конкурирующим службам относилось с плохо скрываемым раздражением...

Но если внутренняя безопасность была сосредоточена в одних руках, то у внешней было «семь няnek». Существовало сразу несколько профильных подразделений при разных правительственных структурах, занимающихся внешней разведкой. При Генеральном штабе Военного министерства существовало Главное разведывательное управление, при Главном штабе Военно-морского министерства существовало управление разведки ВМФ. Их основными задачами было добывание секретов в военной и военно-морской сфере соответственно – вербовка агентуры в иностранных армиях и флотах, добывание образцов военной техники и результатов военных НИОКР, наблюдение за военными объектами и портами противника. За Главным разведывательным управлением, помимо прочего, была закреплена спутниковая разведка – данными которой оно обязано было делиться с любым силовым ведомством Империи. Спутники были «общим ресурсом», хотя и курировало их ГРУ.

Существовал отдел специальной документации при Министерстве иностранных дел – те специализировались на добыче бумаг иностранных дипломатов, на их вербовке и на работе за

границей под прикрытием дипломатического статуса. Хотя отдел специальной документации частенько выходил за пределы своих полномочий и занимался всем спектром разведывательной работы.

И, наконец, существовало два подразделения в Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Заграничный отдел был «добывающим» – то есть добывал развединформацию во всех ее аспектах, практически без ограничения по пределам компетенции. Отдел прогнозирования и политического анализа был «анализирующим» – то есть он пытался сложить фрагменты мозаики, добываемые заграничным отделом, в нечто, напоминающее связную картину, и определить, каких же кусочков мозаики недостает. Помимо этого, отдел прогнозирования и политического анализа занимался закрытыми работами внутри самой Империи – это была своего рода социологическая служба при Государе. Они выявляли тенденции развития общества и государства и пытались спрогнозировать возможные последствия тех или иных управленческих решений.

Товарищ министра внутренних дел Цакая появился на совещании, как всегда, последним – буквально в последнюю минуту назначенного срока. Сегодня он надел свой самый старый и неряшливый, неотглаженный и обсыпанный перхотью черный костюм, черную же рубашку и даже не надел галстук. В таком виде он был похож скорее на гробовщика-еврея, причем бедного. Этим он тоже хотел продемонстрировать презрение к собравшимся и раздражение от того, что его отрывают от важных дел для бессмысленной говорильни. Ни с кем не здороваясь, тяжело дыша, будто перед тем, как появиться в этой комнате, он пробежал несколько километров, тайный советник Цакая прошел к самому дальнему углу стола и тяжело плюхнулся на стул...

В углу шумел водопад – местом для сбора выбрали «комнату шепотов» – так ее называли потому, что она специально создавалась для тет-а-тетов. В углу из мрамора и камней, привезенных из горных рек, был сооружен самый настоящий водопад трехметровой высоты, чей шум делал совершенно невозможным подслушивание под дверь. Кроме того, водопад освежал воздух и успокаивал нервы – стоило только посмотреть на кристальные струи воды, падающие вниз с мерным шумом. Правда, сейчас все смотрели не на водопад и не друг на друга – а перед собой на стол, что также говорило об отсутствии между собравшимися нормального сотrudничества...

Полковник Путилов, назначенный Его Императорским Величеством на должность руководителя сего координирующего органа, усилием воли подавил в себе раздражение...

– Итак, приступим ... – спокойно сказал он. – Прежде всего, давайте доложимся по кругу. Кто начнет? Вы, Константин Гаврилович?

Генерал-майор Константин Гаврилович Штанников, начальник ГРУ ГШ, открыл свою обитую сафьяном папку, поправил неловко висевшие на носу очки...

– Согласно поступившим за последнее время данным наблюдается странная и труднообъяснимая активность в британской армии. Прежде всего, эта активность сосредоточена в Британской Индии. Официально ее причиной называются предстоящие через несколько дней крупномасштабные учения. Но есть небольшие несоответствия. Прежде всего, учения предполагаются чисто сухопутные – отражение агрессии соседнего государства. Однако место проведения учений выбрано весьма странно – все войска сосредоточены недалеко от крупнейших портов севера Индии, прежде всего Карачи. Так ведь, Владимир Моисеевич?

Вице-адмирал Владимир Моисеевич Горемыка, руководитель разведки ВМФ, представлявший собой крайне комичную пару со Штанниковым, – если Штанников был породным, даже толстым и почти лысым, то вице-адмирал Горемыка был болезненно худ, а волосы его весьма неопрятно торчали во все стороны, – солидно кивнул, неожиданно тонким голосом добавил:

– И более того. На траверзе Карачи наблюдается неожиданное и ничем не объяснимое скопление флотских десантных средств и крупнотоннажных гражданских судов, числом десять. Там же болтаются два британских авианосца – «Инвизибл» и «Кинг Эдуард». Еще одна авианосная группа находится в Индийском океане и две подозрительно близко подошли к Гибралтару...

– Таким образом, – продолжил мысль Штанников, – можно предположить, что планируемые учения – всего лишь прикрытие. На самом деле планируется крупная десантная операция.

– Меры противодействия? – поинтересовался Путилов.

– У Африканского Рога проходят совместные учения, в них участвует авианосец «Цесаревич Николай», германский авианосец «Маркграф Гессенский», корабли обеспечения. По плану учений через три дня они должны начать переход до порта Кейптаун. Секретным приказом это отменено, группе приказано оставаться на месте. В Севастополе готовится к выходу в район Средиземного моря авианосная группа с авианосным флагманом – авианосцем «Император Николай Второй» и линкором «Великая княжна Мария». Третий авианосец Черноморского флота – авианосец «Николай Первый» – на текущем ремонте в Константинополе. Приказано проведение ремонтных работ ускорить. У меня все, Владимир Владимирович...

– Владимир Моисеевич, есть что добавить?

Горемыка молча покачал головой.

– Хорошо. Евсей Аронович?

Евсей Аронович Герштейн, руководитель отдела специальной документации МИДа, встал, покачал головой, сказал коротко «Ничего нет» и снова опустился на свое место.

– Тогда позвольте мне, – открыл свою папку Путилов. – Перехвачено сообщение из британского посольства в Бейруте. В ночь на двадцать третье июня был ранен – источник не уточняет, насколько тяжело, – находящийся в розыске террорист, руководитель бейрутской ячейки Аль-Каиды, некий Мохаммед Атта. Обстоятельства ранения тоже не уточняются, но я позволил себе провести небольшое расследование. Той же ночью произошло крайне досадное происшествие. Неизвестный снайпер ночью открыл огонь по мечети имама Али – пятеро погибших. Обстоятельства этого инцидента не уточняются. Имеете что-то сказать по этому поводу, господин Цакая?

– Ничего, Владимир Владимирович, – с приторной, приводящей в бешенство, ехидной улыбкой проговорил Цакая. – Полицейский департамент ведет расследование сего прискорбного инцидента. Пока это все, что я могу сказать...

Полковник Путилов пошевелил бумагами в раскрытой папке. Сегодня он решил идти до конца...

– Это не все. До этого произошло еще два в крайней степени подозрительных убийства. Али Хасан Джималь, мусульманский богослов, – кто-то весьма удачно подкараулил его с пистолетом на выходе из злочного притона и выпустил в него десять пуль. И совсем недавно – одного из крупнейших купцов Бейрута, некоего Бакра, застрелил снайпер с расстояния более тысячи метров. А потом, при отходе, этот самый снайпер убил нескольких охранников и бесследно скрылся. Знаете, что объединяет эти три случая?

В кабинете повисло тяжелое молчание – словно над головой сидящих клубились грозные тучи. Даже воздух, казалось, стал гуще...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.